

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Статьи по актуальным проблемам
охранно-спасательных работ на памятниках
археологии Средней Сибири

ООО «КРАСНОЯРСКАЯ ГЕОАРХЕОЛОГИЯ»

АНО «АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИБИРИ»

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

**Статьи по актуальным проблемам
охранно-спасательных работ на памятниках
археологии Средней Сибири**

Иркутск – 2019

УДК 902.2(571.51)(06)
ББК 63.4(2Рос-4Кра)я43
П72

Преодоление времени и пространства. Статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири / гл. ред. М.В. Константинов. – Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2019. – 169 с.

Сборник содержит материалы полевых исследований, проводимых сотрудниками ООО «Красноярская Геоархеология» на протяжении последнего десятилетия. Статьи посвящены характеристике разнотипных археологических памятников, датированных в широком хронологическом диапазоне, которые обследовались в ходе охранно-спасательных мероприятий на территории Красноярского края.

Издание рассчитано на круг специалистов, занимающихся древними отделами истории, а также может оказаться полезным для преподавателей вузов, аспирантов, студентов и всех интересующихся древней историей и культурой народов Средней Сибири.

The volume contains materials of field studies conducted by employees of Krasnoyarsk Geoarchaeology LLC over the past decade. The articles are devoted to the characterization of heterogeneous archaeological sites dated in a wide chronological range, which were examined during rescue excavations in the Krasnoyarsk Region.

The publication is designed for a circle of specialists involved in the ancient departments of history, and may also be useful for university teachers, graduate students, students and all interested in the ancient history and culture of the peoples of Enisejskaja Siberia.

Художник – В. Кривоногов

СОДЕРЖАНИЕ

Красноярская Геоархеология (от редакции).....	6
<i>Мещерин М.Н., Кобылкин Д.В., Лысенко Д.Н., Гревцов Ю.А., Филатов Е.А.,</i> <i>Клементьев А.М., Максимов Ф.Е.</i> Стоянка Ельчимо-3 в Северном Приангарье	14
<i>Артемов Е.В., Разгильдеева И.И., Прилепская Н.Е.</i> Стоянка Крутая – новый объект в археологическом комплексе Афонтовой горы: предварительные результаты исследований 2017 года.....	34
<i>Образцова А.В., Заика А.Л., Халтаева А.Ю.</i> Енисейская писаница	55
<i>Гревцов Ю.А., Леонтьев В.П., Дроздов Н.И.</i> Могильник Усть-Кова в Северном Приангарье (зона водохранилища Богучанской ГЭС).....	76
<i>Рейс Е.С., Савенкова Т.М.</i> Демографическая характеристика населения города Красноярска XVII – начала XX вв. (по материалам православных некрополей)...	104
<i>Аболина Л.А.</i> Керамические печные вьюшки из города Енисейска	116
<i>Тарасов А.Ю.</i> Компасные солнечные часы (по материалам раскопок в посаде Красноярского острога).....	142
<i>Клементьев А.М., Лысенко Д.Н.</i> Животные в городской усадьбе Енисейска в XVII–XVIII веках (по археозоологическим материалам из раскопок усадьбы Евсеева-1).....	145
<i>Клементьев А.М., Галухин Л.Л.</i> Археозоологические исследования Красноярской загородной усадьбы кон. XIX – нач. XX вв. (по материалам исследований 2013 г. стоянки Николаевка-1).....	153
Список сокращений.....	167
Информация об авторах	168

CONTENS

Preface.....	6
<i>Meshcherin M.N., Kobylkin D.V., Lysenco D.N., Grevtsov Yu.A., Filatov E.A.,</i> <i>Klementiev A.M., Maksimov F.E.</i> Elchimo 3 site of the northern angara basin.....	14
<i>Artyemyev Ye.V., Razgildeyeva I.I., Prilepskaya N.Ye.</i> Krutaya site – a new object in the archaeological complex of mount Afontova: preliminary results of surveys in 2017.....	34
<i>Obraztsova A.V., Zaika A.L., Khaltaeva A.Yu.</i> Yenisei pisanitsa	55
<i>Grevtsov Yu.A., Leont'ev V.P., Drozdov N.I.</i> The Ust-Kova burial ground is situated with in the nortnern angara river (Reservoir zone of the Boguchanskaya HPP)	76
<i>Reis E.S., Savenkova T.M.</i> Demographic characteristics of the population of Krasnoyarsk in XVII - early XX centuries (by the materials of orthodox noncrops)	104
<i>Abolina L.A.</i> Pottery stove dampers from Yeniseisk city	116
<i>Tarasov A.U.</i> Compass sundial (by materials of digging in the area of Krasnoyarsk burg)....	142
<i>Klementiev A.M., Lysenko D.N.</i> Structure and use of fauna in XVII-XVIII centuries (from the archaeological of the Yevseyev's barton, Yeniseisk)	145
<i>Klementiev A.M., Galukhin L.L.</i> Archeozoological research of the Siberian homestade of Nikolaevka 1	153
List of abbreviations.....	167
Authors's information.....	168

Научные рецензенты

Алкин Сергей Владимирович, к.и.н., ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск.

Буторин Виктор Геннадьевич, начальник отдела учета службы по государственной охране, использованию и популяризации объектов культурного наследия Красноярского края, г. Красноярск.

Васильев Сергей Александрович, д.и.н., ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург.

Глазунова Ольга Николаевна, к.и.н., ИА РАН, г. Москва.

Добровольская Мария Всеволодовна, д.и.н., ИА РАН, г. Москва.

Колпаков Евгений Михайлович, д.и.н., ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург

Константинов Александр Васильевич, д.и.н., ЗабГУ, г. Чита.

Тетенькин Алексей Владимирович, к.и.н., Национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск.

Томилова Елена Александровна, главный специалист, Центр по сохранению культурного наследия Красноярского края, г. Красноярск.

Яворская Лилия Вячеславовна, к.и.н., ИА РАН, г. Москва.

Главный редактор

Д.и.н., профессор *Константинов М. В.*

Редакционная коллегия

Денисенко В. Л.

Лысенко Д. Н.

Мещерин М. Н.

Рейс Е. С.

Английский перевод

Галухин Л. Л.

Кижнер И. А.

Мартынова А. А.

Муратов Е. С.

Рейс Е. С.

Графическое оформление

Денисенко В. Л.

Кривоногов В. П.

КРАСНОЯРСКАЯ ГЕОАРХЕОЛОГИЯ (от редакции)

Более десятилетия «Красноярская Геоархеология» работает в сфере сохранения памятников историко-культурного наследия. Порядок последовательного исполнения Законодательства по охране памятников истории и культуры системно поддерживается в Красноярском крае Государственной службой по охране объектов культурного наследия. Обеспечиваются условия для сохранения памятников археологии, попадающих в зоны активного хозяйственного освоения. Производится инвентаризация известных и вновь выявленных объектов. В рамках поставленных задач, «Красноярской Геоархеологией» реализовывались крупные проекты с большими площадными работами, такие как изучение культурного слоя города Енисейска в ходе ремонтно-реставрационных мероприятий, раскопки стоянок Афонтовой горы в ходе строительства четвёртого моста и примыкающих дорожных коммуникаций в г. Красноярске. Реализовывались и не столь объёмные по масштабам, но весьма значимые в сфере сохранения культурного наследия Российской Федерации проекты по инвентаризации выявленных и вновь открываемых памятников археологии.

В новостроечных работах по договорам задействовались профильные специалисты ведущих научных учреждений страны – ИА РАН (Москва), ИАЭТ СО РАН (Новосибирск), ИГ им. В.Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск), ИГ РАН (г. Москва), ГИН РАН (г. Москва), Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (г. Москва), Института земной коры СО РАН (г. Иркутск), КГПУ им. В.П. Астафьева (г. Красноярск), КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого (г. Красноярск), Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника (г. Сергиев Посад). Специальные виды анализов проводились в лабораториях СФУ и СПбГУ. Сотрудниками «Красноярской Геоархеологии» осуществляется совместная работа со специалистами ИЭА РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, НИ Томского государственного университета по проекту «Русское население Сибири XVII-XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении», осуществляемого при поддержке Российского научного фонда.

В полевых работах в разное время принимали участие сотни маршрутных рабочих из различных регионов – ценнейших сотрудников, имеющих профессиональные навыки работы на раскопках и неподдельный интерес к далёкому прошлому нашей Родины. На стадии камеральной обработки материалы полевых исследований обрабатываются художниками, чертёжниками, фотографами и консерваторами, составителями коллекционных описей. Благодаря усилиям сформировавшегося обширного творческого коллектива становится возможным выполнение поставленных задач.

Закономерным итогом любого археологического исследования является введение материалов в научный оборот и применение их в хозяйст-

венно-практической и культурно-просветительской сферах. Полевые работы по договорам венчаются важными печатными изданиями – Техническим отчётом, подготовленным для организации «Заказчика» и Научным отчётом для Научно-отраслевого архива ИА РАН. Дальнейшее движение накопанных источников осуществляется через их публикации в академических изданиях и презентации на научных конференциях. Важными аспектами деятельности являются пополнение Государственного музейного фонда вновь выявленными артефактами, организация временных выставок археологических коллекций, а также иные известные средства популяризации среди широких масс населения.

Максимальные объёмы работ и, как правило, краткие сроки, зажатые суровыми реалиями технических условий новостроек, существенно ограничивают возможности специалистов в публикационной деятельности. Отчасти, компенсировать существующий дисбаланс призвано настоящее издание: «Преодоление времени и пространства. Статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири». Тематика сборника – это актуальные исследования, проводимые в стенах предприятия в ходе последнего десятилетия. В предлагаемых статьях формулируются научные проблемы, разрабатываемые на материалах полевых исследований, и предлагаются пути их решений.

В процессе проектирования и строительства газопровода «Куюмба-Тайшет» в 2013 г. отрядами предприятия под руководством Юрия Анатольевича Гревцова, Данила Николаевича Лысенко и Вячеслава Евгеньевича Матвеева была открыта многослойная, надёжно стратифицированная стоянка Ельчимо 3, весьма редкая находка для Северного Приангарья. В 2015 г. работы на памятнике были продолжены (Мещерин М.Н., Кобылкин Д.В., Лысенко Д.Н., Гревцов Ю.А., Филатов Е.А., Клементьев А.М., Максимов Ф.Е. Стоянка Ельчимо 3 в Северном Приангарье). Изысканиями, нацеленными, главным образом, на проработку естественнонаучного контекста памятника охватывались лишь ключевые участки проявления культурных слоёв. В статье обосновывается хронология объекта и характеризуются его геолого-геоморфологические особенности. Определяется место стоянки в кругу региональных аналогов. Дальнейшие работы на Ельчимо 3 следует вести в нескольких направлениях по пути уточнения датировок посредством прямого датирования костных останков из культурных слоёв и более детального технологического-морфологического анализа костяного и каменного инвентаря.

В работе Евгения Владимировича Артемьева, Ирины Иннокентьевны Разгильдеевой, Натальи Евгеньевны Прилепской вводятся принципиально новые для енисейских памятников данные (Стоянка Крутая – новый объект в археологическом комплексе Афонтовой горы: предварительные результаты исследований 2017 г.). Крутая, раскопанная на площади в 6000 кв. м в аварийном режиме в 2017 г., входит в группу стоянок, которые более всего известны под коллективным названием Афонтова Гора. Авторами подробно рассматривается третий культурный слой стоянки, оптимально вписан-

ной в условия палеорельефа и занимающей своеобразное геоморфологическое положение на высоком склоне. Планиграфическая особенность может определяться как «палимпсест», сформированный в ходе многократных посещений данной территории в достаточно протяжённом временном интервале (порядка трёх-четырёх тысяч лет) на рубеже неоплейстоцена – голоцена. На памятнике были проведены уникальные археозоологические исследования с применением методики, позволяющей определить сезоны обитания по зубам животных, обнаруженных в ходе раскопок. Лабораторные работы с материалами исследований далеки от своего завершения. На повестке актуальны накопление данных по абсолютным датировкам, детальный морфолого-типологический и технологический анализы каменного и костяного инвентаря, специальные заключения по функциям орудий. Особенно интересуют естественно-научные параметры исследования – определение полного фаунистического состава коллекции стоянки, детализация стратиграфических условий, литологические, геохимические и палеопочвоведческие характеристики культуросодержащих слоёв.

Енисейская писаница – один из наименее изученных объектов наскального искусства Хакасско-Минусинской котловины (Образцова А.В., Заика А.Л., Халтаева А.Ю. Енисейская писаница). Объёмы памятника, варибельность и множественность изображений потребовали особого мастерства и значительной доли профессионализма в фиксации и интерпретации данного материала. Группой исследователей, ведомой Александром Леонидовичем Заикой, осуществляются многолетние целенаправленные поиски в данном направлении в Енисейской Сибири. Представленная «галерея» рисунков трактуется исследователями как древнее святилище, просуществовавшее на протяжении последних трёх тысяч лет. Перспективы ближайших работ на памятнике сводятся к дальнейшей графической фиксации рисунков и мониторингу состояния сохранности плоскостей.

В исторической части города Енисейска археологическими раскопками с 2013 г. по 2019 г. вскрыто свыше 25000 кв. м. Результаты раскопок в настоящее время и в обозримом будущем безусловно потребуют столь же масштабных и разноплановых аналитических разработок. Одним из пионерных образцов подобного исследования явилась публикация данных по содержательному составу пищевых отходов в виде костей животных, которые представлены в статье Алексея Михайловича Клементьева и Даниила Николаевича Лысенко (Животные в городской усадьбе Енисейска в XVII–XVIII вв. (по археозоологическим материалам из раскопок усадьбы Евсеева-1)). Остеологическое изучение выявило остатки стандартного набора домашних животных и нескольких промысловых видов. Авторами устанавливается динамика развития домашнего животноводства на сравнительно коротком двухсотлетнем хронологическом интервале раннего этапа русской культуры в Сибири. В статье органично сочетаются узкоспециальное зоологоморфологическое и археологическое описание материалов. Определяются категории размерности животных. Обозначены принципы разделки и варианты использования костей.

Работы на обширных площадях Енисейского городища позволили получить статистически насыщенную и типологически многообразную коллекцию артефактов. Классифицируя керамические находки, происходящие из специфических хозяйственно-бытовых объектов, Ларисе Александровне Аболиной (Керамические печные вьюшки из города Енисейска) удалось выделить два особых типа технической керамики, которые определяются категориями «крышки» и «вьюшки». Типологический анализ артефактов данных групп позволил автору проследить морфологическую вариабельность и предложить версию их относительной периодизации. Своеобразие данных изделий, являющихся, очевидно, конструктивными элементами домашних печей, открывает перспективы к более глубокому пониманию их устройства. Технологическая значимость «вьюшек» и «крышек», их принадлежность к определённому типу конструкций пока не имеют однозначной трактовки и окончательно исчерпывающих обоснований. Остаётся множество вопросов по корреляции енисейских материалов с аналогами на памятниках русской культуры XVII–XIX вв. сопредельных территорий Сибири, так же, как и сопоставление с известными столичными объектами и с памятниками центральной России.

С возведением четвёртого моста через р. Енисей в городе Красноярске и организацией транспортной развязки на горе Афонтовой возникла острая необходимость аварийно-спасательных археологических работ в зоне строительства. Одним из значимых событий стали раскопки вновь выявленной стоянки Николаевка 1, располагающейся на месте одноимённой слободы исторического города. Здесь, в многослойном комплексе, в целом, не имеющем отношения к традиционному афонтовскому палеолиту, особый интерес вызвало изучение усадьбы, относящейся к раннему городскому слою Красноярска (Клементьев А.М., Галухин Л.Л. Археозоологические исследования Красноярской загородной усадьбы кон. XIX – нач. XX вв. (по материалам исследований 2013 г. стоянки Николаевка-1). В ходе раскопок получены обширные материалы, важной составляющей которых, является остеологическая коллекция. Среди определённых видов – домашние и промысловые животные. Исходя из полученных результатов авторами статьи реконструируется «гастрономическая корзина» местного населения и моделируются стратегии обеспечения пищевыми ресурсами. Остаются довольно острыми вопросы к методике анализа возрастной структуры забоя животных.

Широко известны исследования на стоянке Усть-Кова 1, которые долгие годы осуществлялись под общим руководством д.и.н., профессора Николая Ивановича Дроздова. Сенсационные для своего времени открытия на одном из самых северных палеолитических памятников Евразии, безусловно затеняли сведения о том, что в ходе тех работ были раскопаны и изучались достаточно редкие для зоны таёжного Приангарья грунтовые погребения железного века – средневековья и относящиеся к ним ритуальные захоронения предметов из металла и кости («клады»). В презентуемом сборнике представлена наиболее полная публикация материалов Усть-

Ковинского могильника (Гревцов Ю.А., Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Могильник Усть-Кова в Северном Приангарье (зона водохранилища Богучанской ГЭС)). Авторами подробно описываются сакрально-ритуальные комплексы, погребальный инвентарь, проводятся корреляции с ближними и дальними аналогами археологических объектов и через картину обрядовой практики даются общие характеристики палеоэтнической ситуации в Северном Приангарье.

Изучение исторических некрополей невозможно без проведения палеоантропологических исследований. Татьяной Михайловной Савенковой и Евгенией Сергеевной Рейс в ходе исследований православных некрополей Красноярска была дана демографическая характеристика населения города XVII – нач. XX вв. (Демографическая характеристика населения города Красноярска XVII – начала XX вв. (по материалам православных некрополей)). В работе дана сравнительная характеристика основных палеодемографических показателей православных некрополей, рассчитан средний возраст смерти, прослежена динамика его изменчивости в период существования Красноярска.

Представляется любопытным факт обнаружения в «городском» культурном слое Красноярска компасных солнечных часов, использовавшихся в XVII в. полярными мореходами. Александр Юрьевич Тарасов посвятил свою статью (Компасные солнечные часы (по материалам раскопок в посаде Красноярского острога)) редкому артефакту, характеристике элемента компасных солнечных часов (створки, кадрана), обнаруженного в процессе аварийно-спасательных археологических работ в 2004 г. Автором выполнено описание археологического предмета, установлено его функциональное назначение и период использования, произведён сравнительный анализ подобных находок.

Редакционная коллегия искренне благодарит уважаемых рецензентов, написавших «внешние» отзывы на представленные материалы. Их бескомпромиссные оценки, хотя несколько и «осложнили» жизнь авторам статей, но в итоге, позволили получить более квалифицированные и выверенные материалы. Без беспристрастных рецензий заинтересованных лиц стало бы невозможным написание данного вступительного очерка.

Отдельные благодарности следует адресовать дирекции ООО «Красноярская Геоархеология» и ООО «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания», которые выступили с инициативой данного издания и изыскали средства на его финансирование.

М.В. Константинов, В.Л. Денисенко, М.Н. Мещерин

PREFACE

Krasnoyarsk Geoarchaeology has been active in preserving historical and cultural heritage monuments for over 10 years. The State Agency for the Protection of Cultural Heritage systematically supports consistent implementation of legislation on the protection of historical and cultural monuments in Krasnoyarsk region. The agency provides requirements for the preservation of archaeological monuments within the zones of active economic development and maintains an inventory of known and newly discovered objects. *Krasnoyarsk Geoarchaeology* carries out a variety of large projects such as the study of the cultural layer of Yeniseysk during reconstruction and restoration works, excavation of the Afontova gora site during the construction of the fourth bridge and adjacent road communications in Krasnoyarsk. Other important projects to preserve cultural heritage of the Russian Federation include building an inventory of newly discovered archaeological monuments.

Many projects carried out by *Krasnoyarsk Geoarchaeology* involved researchers of various institutions of the Russian Academy of Sciences and Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Sergiev-Posad, Tumen, Novosibirsk, Irkutsk).

This collection of papers is titled "Overcoming space and time: articles on protecting the archeological sites of Middle Siberia" and it is devoted to the current archaeological research in the region. The proposed articles are based on the materials of field research and suggest solutions to important research problems.

During the construction of the Kuyumba-Taishet gas pipeline in 2013, a multi-layered, reliably stratified site Yelchimo 3 was discovered. It is a rare find for the Northern Angara region. In 2015, the work on the site was continued (Meshcherin M.N., Kobylkin D.V., Lysenko D.N., Grevtsov Yu. A., Filatov E. A., Klementiev A.M., Maximov F.E. Yelchimo 3 section of the Northern Angara basin).

The context of the site was tested for the key sites of cultural layers. The article shows the chronology of the site and characterizes its geological and geomorphological features, defines its position among the regional analogs. Further work concerning Yelchimo 3 should be carried out in several directions towards clarification of the dating by means of direct dating of bone remains accompanying cultural layers, and by more detailed technical and morphological analysis of bone and stone artefacts.

Artemiev E.V., Razgildeeva I.I., Prilepskaya N.E., present new data for Yenisei sites (Krutaya site is a new object in the archaeological complex of Afontova gora, with preliminary results of surveys of 2017). Krutaya site was excavated on an area of 6000 square meters in 2017, and it is a part of the group of sites which are best known under the collective name Afontova gora. The authors consider in detail the third cultural layer of the site which is integrated into the Paleolithic conditions and occupies a peculiar geomorphological position on a high slope. The planning feature defined as a "palimpsest", it was formed during repeated visits to the area during a long period (from three to four thousand

years) at the turn of the Neo-Pleistocene – Holocene. Unique archeozoological research was carried out at the site with the use of the technique which allows to determine the habitat seasons by the animals teeth found during the excavation. Laboratory work with research materials is far from being completed. It is necessary to continue to accumulate data on absolute dating, detailed morphological-typological and technological analysis of stone and bone inventory, special conclusions on the functions of the tools. It is especially interesting to study the natural characteristics of the area. The next steps in the research will be to determine the complete faunistic composition, detail stratigraphic conditions of the site, lithological, geochemical and paleo-soil characteristics of the culture-containing layers.

Yeniseianskaya pisanitsa is one of the least studied rock art objects of Khakassko-Minusinskaya region (Obraztsova A.V., Zaika A.L., Khaltaeva A.Yu. Yeniseianskaya pisanitsa). The size of the site, variability and multiplicity of images required special skills and professionalism in fixing and interpreting this material. A group of researchers led by A.L. Zaika, has been carrying out long-term research in this direction in Yeniseian Siberia. Researchers interpret the «gallery» of drawings as an ancient sanctuary that existed for three thousand years. Future work on the monument includes further graphic fixation of drawings and monitoring the state of their preservation.

The paper by Klementiev A.M., Lysenko D.N. (Structure and use of fauna in the XVII-XVIII centuries (from the archaeological site of the Yevseyev's baron, Yeniseisk)) is devoted to the data obtained as a result of the excavations in Yeniseisk. The work publishes data on the content of food waste in the town estate of merchant Yevseyev. The osteological examination revealed the remains of a standard species of domestic animals and several commercial species. The authors demonstrate the dynamics of livestock development in a relatively short two-hundred-year chronological interval of the early stage of Russian culture in Siberia. The article combines a highly specialized zoological and an archaeological description of materials. The authors stratify animals by categories. The methods of cutting and options for using bones are defined.

Abolina L.A. (Pottery stove dampers from Yeniseisk) distinguishes between two special types of technical ceramics which are structural elements of household stoves. They are dampers divided into "lids" and "vjushki". The typological analysis of the artifacts of these groups allows the author to trace their morphological variability and make a relative periodization. The originality of these items which are obviously essential elements of home furnaces opens prospects for a deeper understanding of their design. The technological significance of "vjushki" and "lids", their belonging to a certain type of structures do not yet have an unambiguous interpretation and finally exhaustive justifications. There are many questions on the correlation of these materials with their analogues of the Russian culture of the XVII – XIX centuries adjacent to Siberia, as well as comparison with famous metropolitan sites and structures of Central Russia.

Excavations held within the construction area on Afontova gora revealed a new archeological site Nikolaevka 1. The authors of the paper investigated the archaeological remains of the suburban estate belonging to the early layer of Krasnoyarsk (Klementiev A.M. Galukhin L.L. Archeozoological research of the Siberian homestead of Nikolaevka 1). The archaeological collection is mainly osteological. Among the animal species, domestic and commercial animals are identified. According to the obtained results, the authors reconstruct the "gastro-nomic basket" of the local population and present model strategies for providing the population with food resources. There are still important questions related to the method of analysis to determine the age structure of slaughtered animals.

The research of Stone Age site Ust-Kova 1 is widely known. During the works, the authors excavated and studied burials of the Iron Century - Middle Ages and inherent ritual burial items from metal and bones ("treasures") that are quite rare for the taiga Angara territory. We present the most complete publication of materials concerning burial ground of Ust-Kova (Grevtsov Y.A., Leont'ev V.P., Drozdov N.I. the Ust-Kova burial ground within the Northern Angara (Reservoir zone of the Boguchanskaya HPP). The paper describes sacral-ritual complexes, burial inventory, compares the site and other archaeological sites located nearby. This gives general characteristics of the paleoethnic situation in the Northern Angara region.

The study of historical necropolises is impossible without paleo-anthropological research. T.M. Savenkova and E.S. Reis studied the Orthodox necropolises of Krasnoyarsk, and provided the demographic characteristics of the population of the city in the 17th – early 20th centuries. (Demographic characteristics of the population of Krasnoyarsk in the 17th – early 20th centuries. (a case study on orthodox necropolises). The authors compares basic paleodemographic characteristics of orthodox necropolises, calculates the average age of death and gives the dynamics of age of death variability in the period of existence of Krasnoyarsk is traced.

In 2004, during excavations of the "urban" cultural layer of Krasnoyarsk within its historical area, a sundial compass used in the 17th century was discovered (Tarasov A.Yu. Compass sundial (a case study on digging in the area of Krasnoyarsk). The author describes the archaeological object, defines its functional purpose and period of use, and makes a comparative analysis of similar findings.

The editors are sincerely grateful to reviewers who provided feedback on the submissions. Special thanks should be addressed to the Directorate of LLC *Krasnoyarsk Geoarchaeology* and LLC " Association "Archaeological design and research", which initiated and funded this.

M.V. Konstantinov, M.N. Meshcherin, V.L. Denisenko

**Мещерин М.Н.¹, Кобылкин Д.В.², Лысенко Д.Н.¹,
Гревцов Ю.А.¹, Филатов Е.А.¹, Клементьев А.М.³, Максимов Ф.Е.⁴**

¹ ООО «Красноярская Геоархеология», г. Красноярск.

KRASGEO@GMAIL.RU

² Институт географии СО РАН, г. Иркутск.

agrembrandt@inbox.ru

³ Институт земной коры СО РАН, г. Иркутск.

klem-al@bk.ru

⁴ Лаборатория «Геоморфологических и палеогеографических исследований
полярных регионов и Мирового океана», СПбГУ, г. Санкт-Петербург

СТОЯНКА ЕЛЬЧИМО 3 В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

Аннотация: В 2015 г. продолжились исследования на стоянке Ельчимо 3, расположенной в Северном Приангарье. Целью работ было уточнение хронологии и геологической позиции культурных слоёв. В результате удалось установить, что выявленные три культурных слоя (КС) связаны с отложениями верхнего неоплейстоцена и голоцена 8-10 метровой надпойменной террасы р. Ангары. Нижний КС 3 отнесён к поздней стадии верхнего палеолита региона. Его хронология корректно обеспечена радиоуглеродными датами культуросодержащего палеопедогенного слоя. КС 2 морфологически может относиться к вариантам «бескерамического» неолита или мезолита, но имеет несколько «омоложенные» радиоуглеродные датировки вмещающих отложений. Верхний КС 1 разрушен и представляет собой нерасчленённые технолого-морфологические комплексы широкого хронологического интервала, охватывающего неолит, бронзовый-железный век, этнографическую современность.

Ключевые слова: Сибирь, Северное Приангарье, геоморфология, стратиграфия, периодизация, хронология, стоянка, бронзовый и железный века, неолит, палеолит.

**Meshcherin M.N.¹, Kobylkin D.V.², Lysenco D.N.¹,
Grevtsov Yu.A.¹, Filatov E.A.¹, Klementiev A.M.³, Maksimov F.E.⁴**

¹ ООО "Krasnoyarsk Geoarchaeology", Krasnoyarsk.

² Institute of geography SB RAS, Irkutsk.

³ Institute of the earth's crust SB RAS, Irkutsk.

⁴ Saint Petersburg State University: "Palaeogeography and Gemorphology of
Polar Countries and the World Ocean", Saint Petersburg

ELCHIMO 3 SITE OF THE NOTHERN ANGARA BASIN

Resume: The work is devoted to the geoarcheological research at the site of Elchimo 3, located in the Lower Angara region. It was revealed that the cultural horizons are related to deposits of the Late Neo-Pleistocene and Holocene of the first terrace above the floodplain of the Angara river. There were detected 3 heterogeneous in time cultural layers. The cultural layer 1 consists of the undivided cultural remains of the Neolithic and Iron Ages. The second layer's artefacts can be attributed to the Mesolithic Age of the Northern Angara territory. The artifacts of the cultural layer 3 are related to the materials which are representative for the Late Neo-Pleistocene. The whole complex of the geological and geomorphological dataset, absolute dating, paleontology findings and morphology of the artifacts on the whole are keeping in chronological positions and the attribution of the Elchimo 3 cultural layers.

Keywords: geoarchaeology, the Stone Age, Neolithic, Paleolithic, Lower Angara.

Введение

«Новостроечная» археологическая деятельность предполагает проведение комплекса мероприятий, направленных на сохранение объектов культурного наследия, которые попадают в зону активного хозяйственного освоения. Принято считать, что данные работы ведутся в «аварийном режиме» и нацелены на выполнение исключительно краткосрочных задач – минимизацию нанесения ущерба памятникам старины и древности. Но специфика археологических работ на «горящих» объектах зачастую побуждает исследователей к инициативам долгосрочной перспективы. Это касается прежде всего малоисследованных местностей, где хронологическое определение вновь открытых памятников археологии, их культурной атрибуции открывает принципиально новые горизонты в решении локальных вопросов периодизации и культурогенеза, а также, оптимизирует дальнейшие охранно-спасательные мероприятия.

Северное Приангарье относится к территориям Сибири, которые весьма активно изучаются на предмет древности. Данный регион вписывается в северную периферию обширного ареала, за которым в археологической литературе закрепилось название Байкальская Сибирь или Байкальская Азия [Константинов, 1994. С. 7; Медведев и др., 1996. С. 17]. Историческая документация наиболее ранних археологических находок на севере Ангары восходит к первой четверти XVIII в. (экспедиция Д.Г. Мессершмидта). Тем не менее, исследования каменного века представляются здесь недостаточно развёрнутыми, а случаи обнаружения палеолитических памятников единичны [Кузьмин, 2014. С. 202–204]. В этой связи, открытие стоянки Ельчимо 3, сделанное во время разведки 2012 г. в рамках проекта строительства газопровода «Куюмба-Тайшет» (руководители Д.Н. Лысенко и В.Е. Матвеев) и широкомасштабные раскопки в 2013 г. (руководитель Ю.А. Гревцов), с одной стороны, – «освежили» региональную археологическую карту, а с другой, – несколько обострили комплекс проблем, касающихся хронологии и периодизации памятников. В ходе работ на Ельчимо 3 были выявлены три разновременных культурных слоя, предварительно охарактеризованные как стоянки таёжных охотников верхнего палеолита – мезолита/неолита и бронзового-железного веков, залегающие в определённом стратиграфическом контексте отложений террасы р. Ангары [Гревцов и др., 2015. С. 616–618]. Естественным образом актуализировались вопросы, связанные с типичными топографическими и геоморфологическими признаками подобных местонахождений исследуемой территории, с уточнением их хронологии и культурной принадлежности, а также, с возможностью корреляций. С целью решения поставленных вопросов в 2016 г. на Ельчимо 3 были проведены дополнительные работы силами сводного геолого-археологического отряда ООО «Красноярская Геоархеология» и Лаборатории геоморфологии ИГ им. В.Б. Сочавы СО РАН.

Геолого-геоморфологическая ситуация

Стоянка обнаружена по правому борту долины реки Ангары в приустьевой части р. Ельчимо, на террасовидной поверхности южной экспозиции. Перепады высот на данном участке долины колеблются в пределах 100 м (рис. 1). Согласно схеме геоморфологического районирования Средней Сибири, район исследований находится на Среднесибирском плоскогорье Приангарском (Ангаро-Чунском) трапповом плато Нижнеангарской возвышенности [Геоморфологическая карта..., 1988; Городецкая и др., 1975]. В долинах рек сохранились довольно узкие площадки фрагментов надпойменных террас [Воскресенский и др., 1954]. Образованию террас на Ангаре, генезису эрозионно-аккумулятивного рельефа и строению долины в целом в связи с изучением памятников археологии, в современной литературе уделяется особое внимание [Зольников и др., 2013. С. 38–39].

Рис. 1. Участок работ. Северо-Западная периферия Байкальской Азии.

Долина Ангары в окрестностях Ельчимо 3 имеет не более 2,5 км в поперечнике. По правому борту она обрамлена низкими линейно-грядовыми горами субширотного простирания на карбонатных породах Кембрия (Ст) и низким, реже средним, глубоко расчлененным холмистым и грядовым плато на крупных пластовых интрузиях траппов. В подошве склонов правобережья фиксируется террасовидная поверхность высотой 8–10 м, которая имеет протяжённость по фронту 3 с лишним километра. Ширина террасы составляет не более 200 м. Покатым и сильнопокатым уступом данная терраса обращена к параллельно простирающимся широким площадкам высокой, средней поймы с относительными высотами 4–2 м. Вдоль бровки выражен прирусловой вал, внешне напоминающий продоль-

ную дюну. Грива возвышается над поверхностью на высоту до 1,5 м. В зоне тылового шва и на северо-западной периферии стоянки терраса линейно эродирована боковой долиной р. Ельчимо – правобережным ангарским притоком. Долина Ельчимо заложена по склону слабовогнутой межгорной складки, которая в ширину имеет не более 150 м. В устье долина «подрезана» боковой эрозией Ангары на уровне высокой-средней поймы. Абсолютная отметка междени в указанном районе составляет 117 м над уровнем моря (рис. 1). Урез р. Ельчимо на северной периферии стоянки имеет абсолютное превышение 124 м.

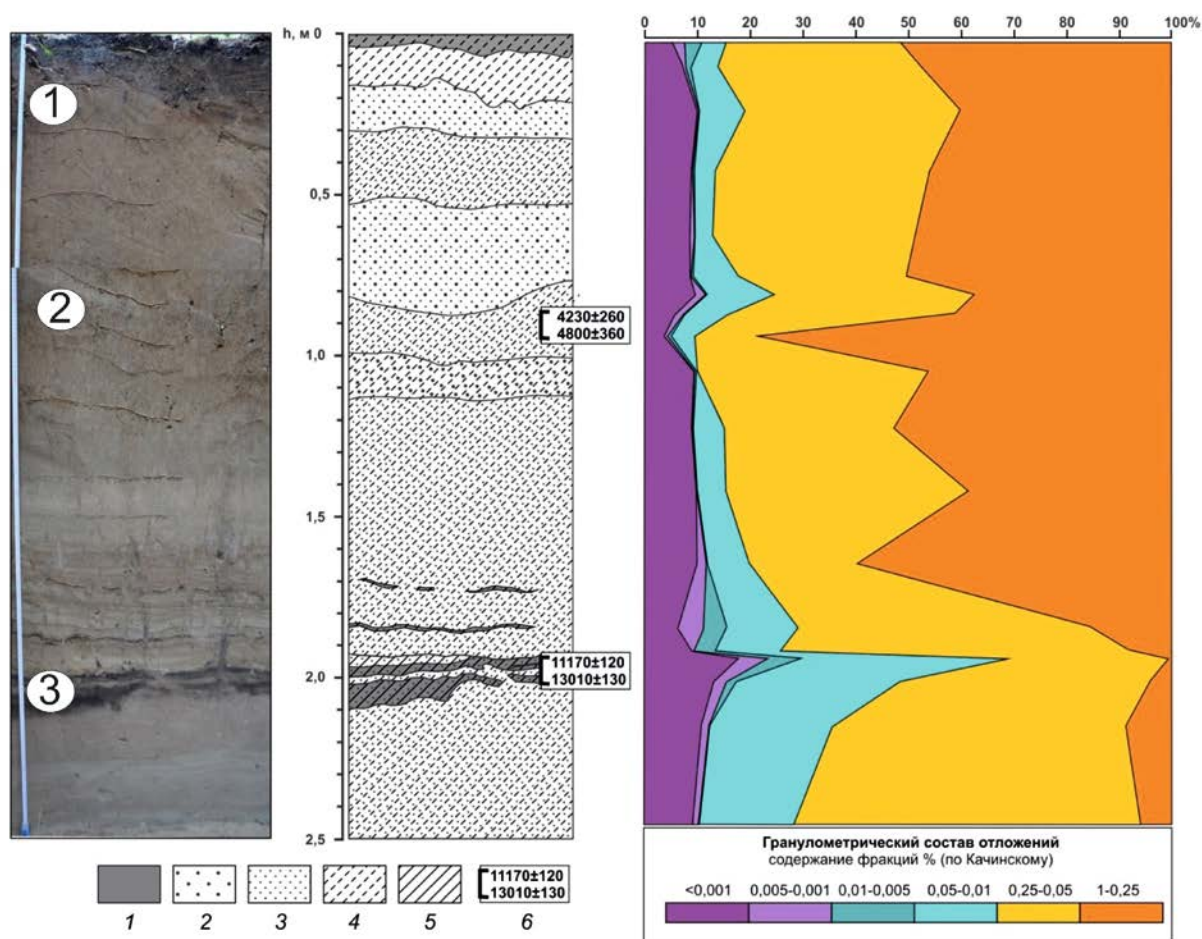

Рис. 2. Шурф 1. Стратиграфическое строение, ^{14}C даты и гранулометрический состав.

В 2013 г. в отложениях террасы выявлены три археологических слоя стоянки Ельчимо 3, которые были изучены на площади 2840 кв. м. В ходе ревизионных изысканий 2015 г. вскрывались и обследовались 4 разреза, которые представляют собой типичные вариации стратиграфического строения стоянки.

Шурф 1 расположен за пределами стоянки, в 25 м к западу от её границы, на субгоризонтальной ровной поверхности террасы, в срединной её части. Место вскрытия удалено от бровки вглубь террасы не более чем на 20 м. От левого берега р. Ельчимо шурф отстоит на 150 м. Окружающий ландшафт – светлохвойный лес с густым кустарниковым подлеском в нижнем ярусе.

Фациальные обстановки седиментации в нижней части разреза характеризует аллювиальные процессы, в верхней – делювиально-элювиальные и эоловые. Изменения в структуре гранулометрического состава фракций четко фиксирует наличие погребенных палеопедоседиментов, сохранивших или частично сохранивших свои генетические горизонты. Всего на данном разрезе обнаруживается два палеопедогенных слоя, по органическому веществу которых были получены радиоуглеродные даты позднплейстоценового и голоценового возраста. Верхняя почва показала возраст 4230 ± 260 некалиброванных лет, а нижняя – 11170 ± 120 (рис. 2; табл. 1, 2, 5).

Табл. 1. Описание отложений шурфа 1 (сверху)

Глубина, м	Описание	Позиция КС
0–0,3	Лесная подстилка, хвойный опад	
0,3–0,16	Горизонт В современной почвы. Мелко-крупнозернистые супеси буро-коричневого цвета с вкраплениями углей	
0,16–0,30	Пески мелко-среднезернистые светло коричневого цвета с включениями мелких песчаных линз белого цвета	1
0,30–0,52	Супеси с мелко-среднезернистые с мелкими линзовидными включениями песка светло-серого цвета	
0,52–0,72	Пески коричневые темно-коричневого с линзовидными включениями светло-серого песка	
0,72–0,79	Пески средне-мелкозернистые светло-коричневого цвета	
0,79–0,83	Пески оглеенные коричневого цвета с включениями мелких кусочков древесного угля	
0,83–0,91	Пески среднезернистые коричневые с пятнами осветления, обусловленными жизнедеятельностью почвенных организмов	2
0,91–99,0	Супеси коричневые с линзочками светло-коричневого песка и включениями углей	
0,99–114,0	Пески средне-мелкозернистые светло-коричневые с буроватым оттенком	
114,0–135,0	Пески средне-мелкозернистые светло-коричневого цвета, горизонтальнослоистые	
135,0–154,0	Прослой песка средне-крупнозернистого серого цвета	
154,0–182,0	Переслаивание серых, темно-серых песков и супесей с включениями угля. Мощность слоев от 1 до 3 мм	
182,0–194,0	Переслаивание песков и супесей палево-серого цвета с включениями и пятнами рыжего цвета	
194,0–197,0	Слой супеси и песка с рыжими пятнами	
197,0–211,0	Погребенный почвенный горизонт представленный темно-коричневыми суглинками с включениями углей, разделенный прослоем серой супеси	3
211,0–223,0	Супеси серые, слабослоистые. Слоистость косая диагональная	
223,0–228,0	Переслаивание средне-, мелко-зернистых песков и супесей серого и светло-серого цвета. Слоистость косая	

Шурф 2 заложен у тылового шва притеррасной площадки на северо-восточной периферии стоянки. Долина ручья на данном участке не разработанная. Ландшафт представлен зарослями смешанного леса, обилием кустарниковых форм, в нижнем ярусе переувлажнен и местами заболочен. Верхний угол шурфа возвышается над меженью ручья на 1 метр, а над Ангарой его превышение составляет 5–6 м. Шурфом пройдена толщина мощно-

стью 4,2 м. Выявленные в разрезе литологические подразделения были отнесены к делювиально–элювиальной пачке (верхние 0,6 м), которая покоилась на сериях горизонтально-слоистых песков (мощность 3,6 м). Пески принципиально отличаются по гранулометрическому составу от пойменных аллювиальных отложений, описанных в шурфах 1 и 3. Зерно песчаной фракции более крупное и менее окатанное. В песчаной слоистой толще шурфа № 2 не прослежены палеопедоседименты, зафиксированные на соседних вскрытых участках. Представленный набор признаков позволил заключить, что шурфом № 2 вскрыта принципиально иная погребённая эрозионно-аккумулятивная форма рельефа долины Ангары в устье бокового притока, которая не содержит археологических материалов.

Шурф 3 размещён на юго-западной окраине стоянки и поставлен на внутреннем скате прируслового вала, покрытом разреженным хвойным лесом (рис. 3). В результате вскрытия получен фронтальный разрез террасы шириной 1 м. Общая мощность вскрытой толщи составила 3,8 м.

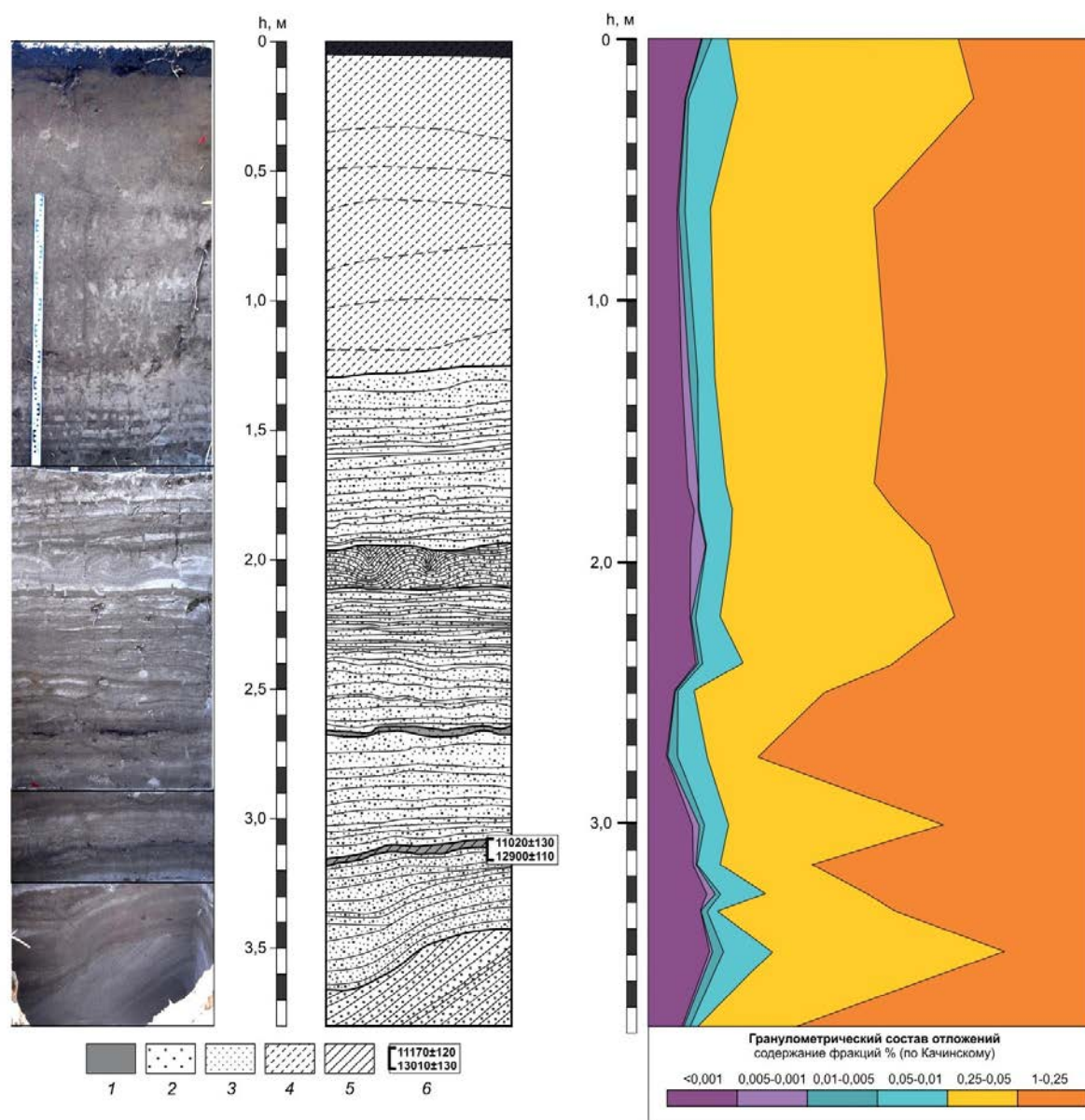

Рис. 3. Шурф 3. Стратиграфическое строение, ^{14}C даты и гранулометрический состав.

Табл. 2. Гранулометрический состав отложений шурфа № 1

Образец, интервал глубин, см	Содержание фракций грунта, % размерами, мм					
	1-0,25	0,25-0,05	0,05-0,01	0,01-0,005	0,005-0,001	<0,001
	Крупный песок	Мелкий песок	Крупная пыль (лессовая)	Средняя пыль	Мелкая пыль	Ил
3-16	54,224	29,296	4,2	5	1,56	5,72
16-30	47,325	38,835	5,04	1,08	0,44	7,28
30-52	39,896	41,144	8,68	0,04	0,32	9,92
52-72	45,979	40,701	3,96	0,36	0,12	8,88
72-79	48,6	38,6	3,32	0,04	0,96	8,48
79-83	50,349	32,051	8,4	0,44	0,16	8,6
83-91	37,376	37,984	12,84	0,32	1,88	9,6
91-99	40,992	43,248	8,36	0,12	1,6	5,68
99-114	78,562	11,958	4,4	0,84	0,56	3,68
114-135	46,163	43,877	0,2	0,28	0,08	9,4
135-154	52,863	32,097	5,88	0,2	0,08	8,88
154-182	38,646	45,914	5,52	0,12	0,04	9,76
182-194	59,862	20,298	8	0,2	1,76	9,88
194-197	15,453	55,467	13,4	4,56	4,84	6,28
197-200	7,995	66,245	12,4	4,16	0,32	8,88
200-202	0,51	30,41	39,16	6,56	5,48	17,88
202-211	3,938	47,302	31,32	2	2,44	13
211-228	8,584	55,653	23,52	0,12	1,36	10,76
228-252	5,878	65,962	17,96	0,08	1,08	9,04

Табл. 3. Описание отложений шурфа № 3

Глубина, м	Описание	Позиция КС
0-20	Пахотный горизонт современной почвы	
0,20–1,29	Супеси и мелкозернистые пески светло-серого цвета	
1,29–1,96	Переслаивающиеся среднезернистые и мелкозернистые пески и супеси, граница между слоями определяется постепенной сменой механического состава и цвета от светло-серого до темно-серого	
1,96–2,12	Среднезернистые пески и супеси с изогнутой слоистостью светло-серого цвета. Слой залегает с размытием	
2,12–2,65	Переслаивание среднезернистых и мелкозернистых песков. Мощность слоев увеличивается в нижней части	
2,65–2,70	Погребенный почвенный горизонт от темно-коричневого до черного цвета. Основной почвообразующей породой является легкий суглинок со значительным участием супеси и редкими включениями углей	3
2,70–3,15	Волнистослоистые пески и супеси	
3,15–3,19	Погребенный почвенный горизонт темно-коричневого цвета, представлен суглинками, местами опесчаненными с включениями углей	
3,16–3,65	Чередование прослоев мелкозернистых песков серого цвета и супесей темно-серого цвета мощностью от 20 до 50 мм	
3,65–3,77	Косослоистые крупно-, среднезернистые пески серого и светло-серого цвета	

Табл. 4. Гранулометрический состав отложений шурфа 3

Образец, интервал глубин, см	Содержание фракций грунта, % размерами, мм					
	1-0,25	0,25-0,05	0,05-0,01	0,01-0,005	0,005-0,001	<0,001
	круп- ный пе- сок	мелкий песок	крупная пыль (лессовая)	средняя пыль	мелкая пыль	Ил
0-9	30,616	51,784	3,2	2,4	0,04	11,96
9-36	27,225	52,855	10,88	0,68	0,08	8,28
36- 93	49,353	36,847	5,52	1,52	0,16	6,6
93-163	46,562	38,638	3,44	2,28	1,6	7,48
163-177	49,471	33,329	5,92	0,16	2,2	8,92
177-183	44,856	36,261	7,28	0,48	0,68	10,44
183-206	36,751	44,889	5,36	0,08	3,36	9,56
206-237	31,543	52,377	5,48	1,08	0,16	9,36
237-241	45,197	33,603	9	1,12	0,44	10,64
241-258	60,21	29,626	3,52	0,6	0,16	5,88
258-293	75,36	11,56	6,44	2,36	0,2	4,08
293-308	33,93	48,03	5,48	1,08	1,56	9,92
308-323	63,252	20,708	5,08	0,32	0,6	10,04
323-330	50,739	23,141	9,96	1,28	1,76	13,12
330-337	44,982	39,578	2,08	1,6	0,04	11,72
337-360	19,969	52,271	10,88	2,44	0,76	13,68
360-377	59,194	27,086	3,08	1,6	0,56	8,48

Верхняя часть разреза сложена навесно-перевесными песками, задернованными сверху. Нижележащая толща, перекрывающая аллювий, представляет парагенез делювиальных и элювиальных пылеватых и суглинисто-супесчаных отложений. В гранулометрической структуре осадка нижней и средней части разреза наблюдаются всё те же фракции мелкозёма, которые фиксируют наличие погребённых почвенных горизонтов. По гумусовым прослойкам нижнего педокомплекса были получены даты 11020 ± 130 (табл. 3, 4, 5).

Шурф 4 поставлен по правому борту долины р. Ельчимо на приустьевой стрелке, примерно 200 м северо-западнее стоянки, на мысовидном окончании пологого пролювиально-делювиального шлейфа. Вскрытая мощность отложений 1,8 м отнесена к пролювиально-делювиальному шлейфу, который венчается полным почвенным профилем современного чернозёма (мощностью до 0,45 м). Верхняя пачка разреза (0,97 м), представлена плотными суглинками и супесями жёлто-коричневого и сероватого цветов, насыщенными дресвой и мелким щебнем. Глинисто лёссовидная фракция преобладает. Нижние 0,8 м разреза – пачка неяснослоистых волнистых супесчано-суглинистых отложений с карбонатной пропиткой. Слойки имеют уклон, согласный падению склона в долину ручья Ельчимо ($6-8^\circ$) и неясно выраженные текстуры разрыва и оползания. Верхняя граница нижней пачки крупноволнистая, изломанная. С уровня кровли карбонатизированной пачки прослеживается горизонт вертикальных криогенных трещин и псевдоморфоз по клиньям. Наиболее вероятно, что накопление данной толщи отложений синхронизируются с периодом формирования уступа 8–10-метровой НПТ Ангары в самом финале ледникового времени – начале голоцена.

Вскрытые отложения в шурфах № 1 и 3 отражают схожие фациальные обстановки седиментации. В основании полученных разрезов фиксируются горизонтально-косые и горизонтальные текстуры косой однопавленной слоистости сортированных средне- крупнозернистых песков. Очевидно, они относятся к группам фаций руслового аллювия Ангары. Пачки горизонтально-слоистых песков и супесей маркируют пойменные фации аллювия (нижняя граница залегает в интервалах глубин 1,96–2,12 м). Стабилизация русловой деятельности подчеркнута наличием погребенных горизонтов аллювиально-слоистых чернозёмных почв, сформировавшихся за прирусловыми валами. Простирание данных почв на различных пунктах наблюдений, описываемых в 2013 и 2016 гг., субгоризонтально. Отмечено, что у бровки данный палеопедоседимент лежит на глубине 2,5 м, а у тылового шва глубина его залегания не превышает 0,5 м. Максимальные углы согласуются с общим падением к тыловому шву слоистых серий пойменных отложений данной террасы и не превышают 4–6°. Отметка 1,29 м от поверхности характеризуется переходом пойменной фации аллювиальных отложений в золотые. Это обстоятельство, скорее всего свидетельствует об интенсивном переивании поверхностей террас, характерном для долин крупных сибирских рек. Перекрывающие пойменный аллювий пролювиально-делювиальные, золотые и элювиальные генетические типы отложений, содержат верхний палеопедогенный уровень, зафиксированный в интервале глубин 0,83–0,91 м. Судя по возрасту леса и наличию подплучного горизонта в современных почвах поверхность террасы была вовлечена в хозяйственное использование ещё в сравнительно недавнее время.

Абсолютная хронометрия

Табл. 5. Результаты определения абсолютного возраста радиоуглеродным методом образцов стоянки Ельчимо 3. Значения календарного возраста приведены на основании калибровочной программы "OxCal 4.2" (калибровочная кривая «IntCal 13»). Christopher Bronk Ramsey (<https://c14.arch.ox.ac.uk>)

Лаб. номер	Описание	КГ	Радиоуглеродный возраст, лет	Калиброванный возраст (календарный), кал. лет
ЛУ-8293	Ельчимо 3, шурф 3	КГ3	11020±130	12900±110
ЛУ-8294	Ельчимо 3, шурф 1, 0,9–1,0 м	КГ2	4230±260 Очень малое количество образца	4800±360 Очень малое количество образца
ЛУ-8295	Ельчимо 3, шурф 1, 2,01–2,11 м	КГ3	11170±120	13010±130

Археологические находки

В результате раскопок трёх разновременных культурных горизонтов в 2013 году, была получена археологическая коллекция (976 ед.) в составе которой, каменные и металлические артефакты, фрагменты керамической посуды, костные остатки палеофауны (коллекция хранится в Музейно-выставочном центре г. Зеленогорска, Красноярского края)¹ (рис. 4).

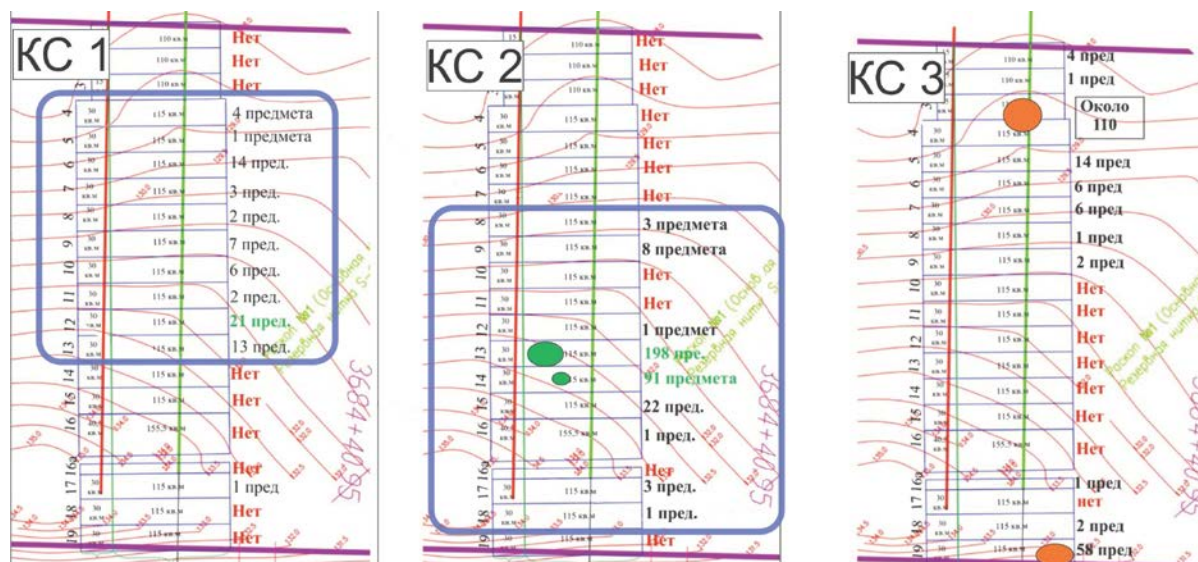

Рис. 4. Пространственное распространение скоплений находок (обозначены сплошной заливкой) и единичных предметов.

КС 1 залегает в интервале глубин 0,15–0,4 м от поверхности, в нерасчленённых позднеголоценовых отложениях, вовлечённых в современные почвообразовательные процессы. Археологический материал (100 ед.), включает металл, расщеплённый камень, кость, фрагменты лепной керамики. КС 1 невозможно рассматривать в ракурсе единых выраженных планиграфических локаций или технологических контекстов. Поэтому вернее было бы определять его как горизонт с находками или культуросодержащий слой. Зона наибольшей концентрации артефактов тяготеет к центральной части террасовой площадки. Морфологический облик позволяет объединить находки в широком хронологическом интервале от позднего неолита – до раннего средневековья (рис. 5). Фаунистические находки надёжно диагностируют присутствие благородного оленя и крупного рогатого скота, с различной степенью сохранности костного вещества.

¹ Авторы выражают благодарность дирекции и сотрудникам музея, за предоставленную возможность работы с коллекцией.

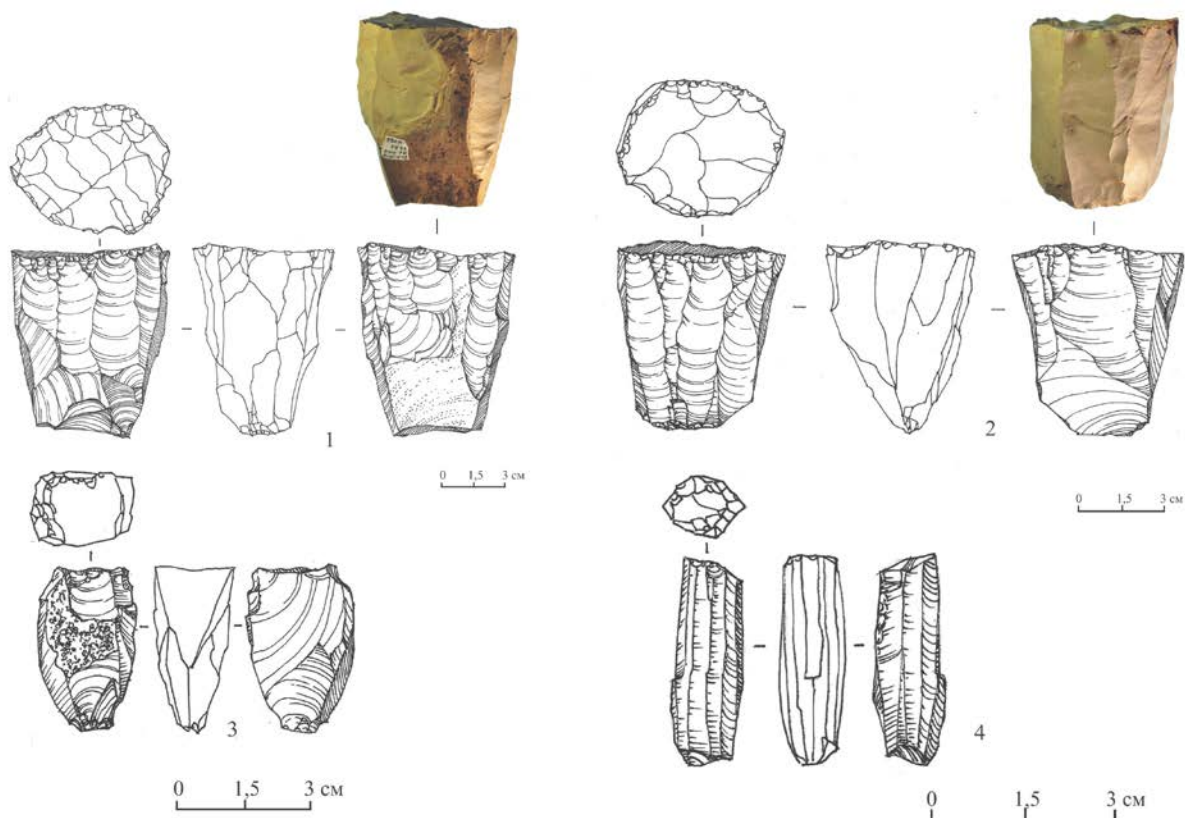

Рис. 5. КС 1. Каменные изделия: 1-3 – призматические нуклеусы с круговым расщеплением; 4 – «карандашевидный» микронуклеус.

Культурный слой 2 связан с отложениями верхнего палеопедоседимента в средней – нижней части субэврального комплекса отложений и залегает на глубине 0,70–0,90 м от поверхности. В составе находок каменные предметы (373 экземпляров) (рис. 6, 7) и малочисленные костные остатки. Примечательно присутствие черепных фрагментов костей волка. Остальные материалы представляют собой неопределимые фрагменты, в основном сильно обожженные. Сырьё для каменного производства разнообразно и применялось специализированно. Крупные массивные сколы получались из кварцитов. Кремнистые породы, яшма и халцедон служили для изготовления серийных заготовок (преимущественно пластин и микропластинок).

Микропластинчатые заготовки (80 ед.) имеют узкие и удлинённые формы, правильную огранку спинки, призматическое или уплощённое сечение. Размерность колеблется в следующих рамках: длина 80–35 мм, ширина 12–4 мм, при толщине 2–3 мм. У призматических пластинок площадки прямые, точечные, угол скалывания $\leq 90^0$. Более 80% пластинок фрагментированы, они имеют прямой профиль за счёт усечения дистальной части. Три четверти из числа дистальных фрагментов, представленных в коллекции, имеют асимметричные кончики и сильно изогнутый профиль.

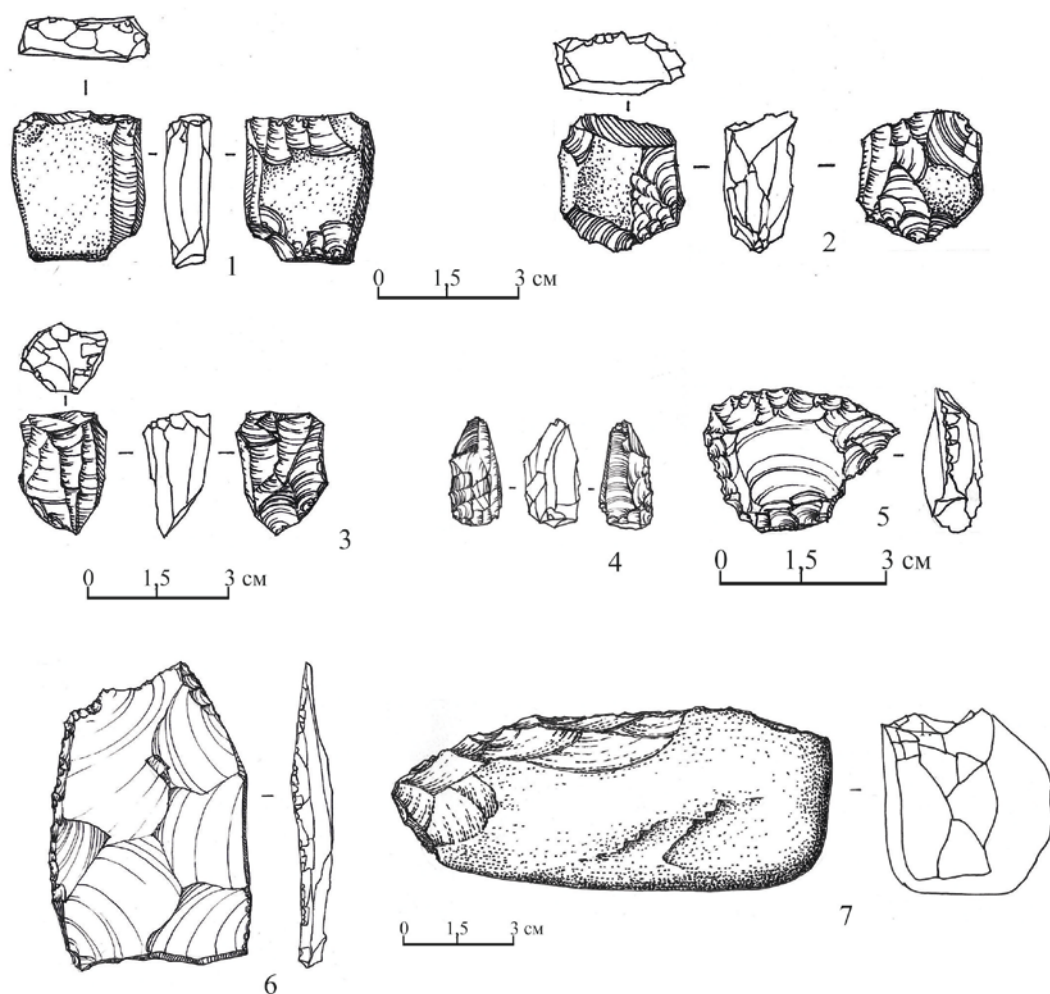

Рис. 6. КС 2. Каменные изделия: 1 – торцовый микронуклеус; 2 – клиновидная преформа; 3 – «круговой» микронуклеус; 4 – «дрель»; 5 – скребок; 6 – отщеп с ретушью; 7 – рубящее изделие (скребло?).

Рис. 7. КС 2. Фрагмент культурного слоя.

Нуклевидные (12 ед.) все, за исключением единственного крупного обитого желвака, представлены мелкими (12–50 мм по длине фронта) предметами, выполненными из криптокристаллического сырья, одноплощадочными (с эпизодическими проявлениями реверсивной подправки) призматическими формами, предполагающими круговое расщепление по максимально выпуклой «дуге» фронта. Приём параллельных встречных микроснятий с конических нуклеусов, известных в литературе под названием «дриль», является знаковым для мезолитических комплексов Северного Приангарья [Гурулев, 2014, с. 30]. Ударные площадки прямые или слегка скошены к тыльной поверхности, оформленные мелкой обивкой. В коллекции имеются боковые сколы – «таблетки», указывающие на устойчивый приём радикального переоформления или «ремонта» ударных площадок.

Орудийный набор (34 экз.): абразивы (4), отбойники из гальки (10), долотовидные (3), скребки (2), скобель (1), резцы (2) и обломок лезвия крупного рубящего инструмента (1). Особых морфотипологических маркёров в инструментарии не прослеживается. Преобладающее большинство миниатюрных изделий (до 50 мм), выполнены из кремнистых пород, а также наличие абразивных инструментов, двугранных резцов и обломков топора соответствуют арсеналу ранне- среднеголоценовых культур Ангары [Томилова и др., 2014, с. 93].

Следует обратить внимание на присутствие в слое большого количества целой и колотой гальки разнообразной по петрографическому составу. Как отмечено выше, не менее 10 предметов уверенно попадают в категорию «отбойники». Они имеют округлые или слегка вытянутые очертания с рабочей частью, выделяющейся в рельефе. Ударная зона – округло-овальный пятачок забитости в виде сгущенных меток пикетажа. Иногда на рабочей поверхности различаются линейные следы – царапины, видимо, полученные в результате однонаправленных движений, схожих с абразивной обработкой. Средний вес большинства выраженных отбойников составил 140–220 г, а самый крупный экземпляр – 328 г.

В слое обнаружено большое количество явно принесённой гальки, различных пород, без видимых следов использования или обработки. Для каменного инвентаря, в целом, характерны многочисленные случаи десквамации (как результат термического выветривания). Возможно, аналогичные явления прежде отмечались в мезолитических горизонтах Усть-Ковы 1 и определялись как «пирогенное воздействие» на каменное сырьё [Акимова и др., 2009, с. 476].

Культурный слой 3 связан с комплексом аллювиальных почв на глубине 0,8–2,2 м от поверхности, в подошве песчаного прослоя на контакте с нижним палеопедогенным слоем. Коллекция представлена каменными артефактами (179 экз.) и многочисленным остеологическим материалом. Здесь самый представительный состав фауны, встречены кости собаки (?), дикой лошади, косули, северного оленя, снежного барана, первобытного бизона. По северному оленю можно сказать о доминировании

обломков челюстей с зубами и дистальных отделов конечностей. Довольно большое количество костей несет следы сильного прокаливания, вплоть до кальцификации. На втором месте по численности остатки ископаемого бизона *Bison priscus*. Они представлены дистальными элементами конечностей и фрагментами поясничного отдела позвоночника (в одном случае рубленным продольно). Единично встречены кости птиц.

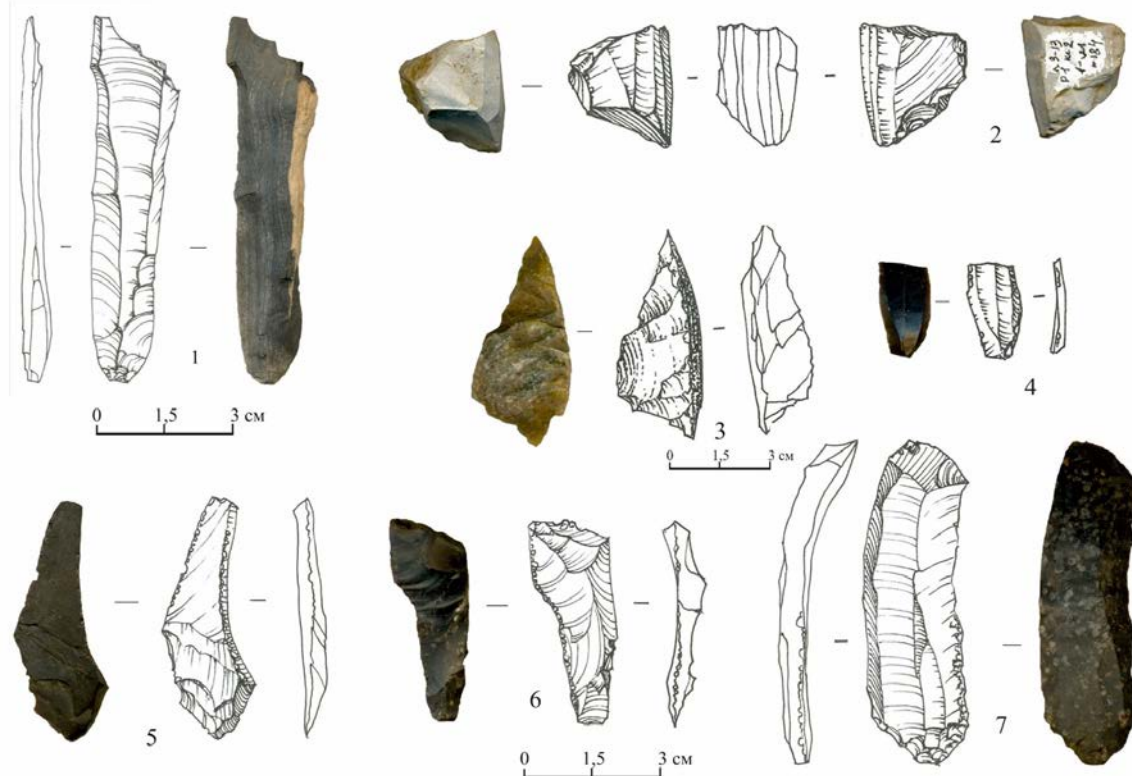

Рис. 8. КС 3. Каменные изделия: 1, 4-7 пластинки; 2 – клиновидный микро-нуклеус; 3 – острйё.

Выраженным костяным артефактом явилось плоское острйё из рога марала. Одна кость косули имеет следы обработки в виде негативов снятий на дистальном конце и округлого, фрагментарно сохранившегося, отверстия.

Сырьё для литопроизводства представлено сочетанием крупнозернистых и мелкозернистых пород. Технологию обработки характеризуют клиновидные нуклеусы (2) из халцедона (размеры 22 и 30 мм), ситуационно или аморфно расколотые гальки (размеры 50–80 мм). Среди продуктов расщепления (134) – отщепы (113), пластины и микропластины (21). В отличие от вышележащего КС 2, в индустрии КС 3 встречены реберчатые пластины которые очевидно диагностируют стартовую фазу утилизации торцово-клиновидного нуклеуса.

Большинство отщепов – это массивные «долечные» заготовки, полученные в результате поперечного рассечения галек. Их характеризует наличие крутой или отвесной «обушковой» грани вдоль одного из краёв и противоположащего края – лезвия, порой сохраняющего следы утилизации без специального ретуширования. Средний размер – 30–60 мм. Вторая по

численности группа отщепов – это мелкие сколы уплощения. Третья группа – это единичные правильные призматические отщепы, изготовленные из чёрного кремня негальского происхождения.

Пластинчатые заготовки представлены мелкими пластинами (4–6 см в длину при ширине 0,7–1,4 см) с неровными краями и гранями, а также относительно правильными микропластинками. Ударные площадки мелкофасетированы или пришлифованы, точечные и линейные.

Среди орудийных категорий, безусловно доминируют пластинки, микропластинки с ретушью утилизации и с притупленными краями, мелкие скребки на отщепах. Интересна единичная находка выпуклого скребла на массивном отщепе с фасиальным уплощающим оформлением брюшковой поверхности.

Послойная структурно-планиграфическая (пространственная) характеристика памятника

Общая планиграфическая картина, выявленная в раскопах 2013 г. (рис. 4) имеет ряд любопытных закономерностей. КС 1 представляет собой дисперсное распространение артефактов на существенной площади, без очевидных локализаций в плане и каких-либо закономерностей стабильного «взвешивания» находок в профиле на незначительной глубине от современной поверхности. Различная степень сохранности костного вещества на остеологических материалах также свидетельствуют в пользу того, что данный уровень скорее всего деформирован распахкой в ближайшие исторические времена. Информационная ценность данного слоя на текущий момент минимальна.

Культурный слой 2, связанный с верхним палеопедоседиментом, выполняет определённые уровни стабилизации поверхности. Артефакты локализуются, в основном, на площадке у фронтального уступа террасы. Наиболее вероятно, что седиментация археологического материала не была синхронной почвообразованию. Изначально позиция артефактов могла находиться в условиях суперфляционных обстановок по кровле пойменного аллювия и была подвержена частичному переотложению, но несколько позже оказалась вовлеченной в литогенные процессы почвообразования. Этим, отчасти, возможно объяснить сравнительно архаичный для стратиграфической позиции облик каменного инвентаря, отсутствие фрагментов гончарной посуды, на фоне довольно молодых радиоуглеродных дат по гумусу из верхнего палеопедогенного уровня. На террасной площадке у подошвы прируслового вала изнутри обозначаются два концентрических скопления, возможно, связанные с первичными циклами расщепления камня. В целом, морфологические характеристики артефактов культурного слоя 2 представляют достаточно гомогенный ансамбль. Вместе с тем, культурное содержимое слоя, скорей всего, следует признать частично переотложенным.

Культурный слой 3 структурирован наиболее отчётливо. В нём выделено две зоны хозяйственной активности. Одна из таких зон, пред-

ставлена скоплением продуктов расщепления у фронтального эрозионного уступа террасы и интерпретировалась исследователями как рабочая площадка. Второе скопление располагалось в глубине террасы, у тылового шва. Оно определялось как остатки кострища округлой формы, представляющего собой углисто-золистую линзу (мощностью до 15–20 см и диаметром до 3 м) в которой залежали жжёные кости и колотые, каменные артефакты. В составе фауны определены бизон и северный олень.

Аналогичные планиграфические ситуации в виде округлых очажных пятен, порой с линзовидным профилем залегания культурных остатков, повсеместно фиксируются на позднеплейстоценовых – раннеголоценовых памятниках – от Северного Приангарья – до Верхней Селенги, от Канских лесостепей – до Верхней Лены и Витима. Очевидно, поведенческие мотивы охотников и собирателей данной обширной территории в позднем плейстоцене-голоцене могут находить аналогии в материалах этноархеологических исследований традиционного населения северных лесов Забайкалья и Прибайкалья [Константинов, 2001; *Cultural Micro-Mosaics...*, 2001; Grün, Kuznetsov, 2003; Kuznetsov, 2007]. Мы придерживаемся точки зрения о том, что сопоставление укладов современного аборигенного населения с археологическими источниками допускается лишь на узко специализированных уровнях, которые сигнализируют о реальных сюжетах, некогда возникавших «отражений культурно-исторических реальностей» [Абрамова, Гречкина, 1990, с. 9] или «деятельностных ситуаций» [Инешин, Тетенькин, 2010, с. 38–44]. «Региональные особенности традиционной культуры эвенков, локально-территориальная комбинация пеших (безоленной) охоты и рыболовства, охоты и оленеводства, охоты и скотоводства, а также свойственные этим формам хозяйства способы организации быта (сезонно-оседлый, оседлый, кочевой) могут восходить к локальным археологическим культурам охотников-рыболовов в вариантах, адаптированных к локальным экосистемам» [Туров, 2013, с. 255]. В этом смысле, естественно-научный спектр данных по стоянке Ельчимо 3 является ключевым фактором для изучения культуры её обитателей.

Обсуждение результатов

Раскопками были зафиксированы три стратиграфически дифференцированных, разновозрастных культурных слоя. Первый КС обнаружен чуть ниже дерново-гумусового горизонтов (В, С-горизонты) современной почвы в элювиально-эоловых отложениях, составляющих перевеянную кровлю террасы, частично распаханную. Морфологический облик археологической коллекции разнороден и может идентифицироваться в широком хронологическом интервале от позднего неолита (5000 л. н.) до средневековья (9–10 вв. н. э.).

Второй КС, наиболее насыщенный артефактами, залегает в слое погребённой чернозёмной почвы, сформированной в субаэральном режиме и перекрытой элювиально-эоловым чехлом. Стратиграфическая позиция в основании «покровной толщи» первой надпойменной террасы и состав на-

ходок позволяют отнести слой к культурам, широко распространённым в раннем голоцене региона [Макулов и др., 2008, с. 202; Бердников и др., 2014, с. 60–61]. Отсутствие предметов керамики затрудняет атрибуцию коллекции, но отдельные элементы каменной индустрии – в частности, «неклиновидное» – «круговое» оформление плоскостей раскалывания микронуклеуса побуждает соотносить индустрию с культурами, присутствующими в регионе в первой половине голоцена. В Приангарье эти культуры известны по стоянкам Усть-Кова 1 (КС 1А и 2), Чадобец, Усть-Ёдарма II, Остров Лиственичный [Васильевский и др., 1988, с. 136–137; Гурулев, 2014, с. 30–31]. Мы не склонны вслед за авторами одной из устоявшихся региональных периодизационных схем каменного века Средней Сибири однозначно расценивать появление ядрищ, «...описываемых в обобщённом виде как призматические и конусовидные микронуклеусы» [Генералов, 2000, с. 68], в качестве явно обоснованного маркёра «новой эпохи». Не исключается, что в данном случае, объяснение кроется в появлении особого уровня «технической вариативности», вызванного определённым набором локальных стратегических факторов [Тетенькин, 2017, с. 109–110].

Абсолютная датировка палеопочвы, к сожалению, не является в полной мере обстоятельной, по причине отсутствия достаточного количества датированного материала. Но вместе с тем, она не противоречит нашим предположениям о возрасте КС 2, как хронологически компактного, но частично «перевеянного» культурного комплекса.

Третий КС связан с аллювиально-слоистыми почвами, залегающими в средней-нижней части террасы в пачке пойменных групп фаций. В зависимости от мощности перекрывающих покровных отложений данный горизонт залегает на глубине 0,8–2,2 м ниже современной поверхности. Археологические материалы соответствуют типичным для поздних стадий верхнего палеолита Северной Азии сочетанием клиновидного микрорасщепления и техниками призматического и ортогонального раскалывания нуклеусов из галек, направленных на получение крупных отщепов или пластин неспециализированных форм. Орудийный набор представлен разнообразными мелкими скребками и скрёблами, фрагментами микропластин с притупленными краями. Во вторичном оформлении отмечается сочетание краевого и фасиального ретуширования.

Сопровождающие остеологические материалы представлены палеолитическим промысловым комплексом – бизон, лошадь и северный олень. Прослойки нижнего палеопедогенного уровня дали две радиоуглеродные даты, которые позволяют синхронизировать их с финальной фазой сартанского криохрона.

Наличие слоистых песков и супесей, а также аллювиально-слоистой почвы позволяют заключить, что КС 3 сформировался в режиме поймы. Вышележащие культурные слои накапливались уже в условиях террасы, поскольку следов затопления в разрезах нет, а покровный чехол сложен субэразальными навечно-перевеянными отложениями.

Археологическое изучение низких надпойменных террас р. Ангары существенно продвинулось благодаря работам Богучанской экспедиции ИАЭТ СОРАН. С.В. Лещинский и Д.Е. Лунёва, обследовав большинство плейстоцен-голоценовых разрезов в зоне оформления очередного рукотворного «моря» на Ангаре, установили наличие двух низких надпойменных террас, вмещающих археологические материалы. По мнению исследователей, большая часть исследованных объектов (Деревня Пашина, Игренькина шивера, Большая Пеленда 1 и 2, Толстый мыс, Окуневка и другие) связана с I надпойменной террасой и указывает на их голоценовый возраст. Наличие палеолитических культурных горизонтов (не древнее 11–13 тыс. лет) допускалось авторами лишь в подошве пойменных отложений в основании террасы. Археологические памятники, расположенные на вышележащих площадках, приурочены к субаэральным осадкам и определяются «этим же хронологическим интервалом» в строении вышележащей II НПТ. Основания субаэральных толщ, перекрывающих аллювий II НПТ, рассматривались перспективными для поиска каменных индустрий финала позднего неоплейстоцена, подобных стоянкам Усть-Кова 1 и Косой Бык [Лещинский, Лунёва, 2014, с. 201–202].

Работавшими на Ангаре предшественниками, на основе биостратиграфических данных было установлено, что в разрезах первой террасы «чётко фиксируются два последних этапа плейстоценовой истории». «Более ранний» соответствует каргинскому межледниковью и совпадает с накоплением осадков русловой фации аллювия и, может быть, частично пойменной. «Более поздний» относится к сартанскому времени [Равский, 1972, с. 86]. В строении первой террасы, в ранге маркирующего подразделения выделен палеопедогенный горизонт, соответствующий поздне-сартанскому почвообразованию. С.М. Цейтлин адресует позицию данного педокомплекса либо к кровле второй надпойменной, либо, к основанию первой надпойменной террасы [Цейтлин, 1979, с. 20]. В нашем случае позиция горизонта почвообразования соотносится с пойменной фацией в низах разреза, и соответственно, коррелируется с первой НПТ.

Таким образом, комплекс геолого-археологических наблюдений позволяет прийти к выводу о том, что стоянка Ельчимо 3 геоморфологически связана с отложениями I надпойменной террасы р. Ангары с нормальным строением, где русловая фация аллювия закономерно сменяется пойменными отложениями. Относительная высота данной террасы варьирует от 8 до 11 м, что может резонно объясняться различиями в динамике террасообразования, связанной со спецификой их геоморфологического положения в соответствующих гидродинамических условиях» [Ямских, 1993, с. 91].

Сопровождающие КС 3 Ельчимо 3 остеологические материалы обнаруживают представителей плейстоценового фаунистического комплекса в сочетании с косулей, как принято считать, типичным промысловым видом послеледниковья долины р. Ангары. Достоверное присутствие кости шерстистого носорога, отмеченное ранее для КС 3 [Гревцов и др., 2015, с. 617],

не подтвердилось. Биотопы подобных видов вполне могли соответствовать пограничным участкам перигляциальных ландшафтов, расположенным южнее Енисейско-Янско-Ленской области, где для сартанского времени (25000–10000 л. н.) было характерно доминирование травянистой растительности на фоне холодного и сухого климата, а начиная с позднего дриаса, сменяются тундрой и лесотундрой вплоть до финала атлантического оптимума [Кузьмин, 2014, с. 200–204]. Климатостратиграфическая систематизация материалов по северной периферии Байкальского региона в настоящее время находятся в развитии и пока далека от окончательного определения [Бердников и др., 2014, с. 49].

Список литературы

Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю. Культурный слой как отражение конкретной культурно-исторической реальности (На примере IV культурного слоя стоянки Кокорево I) // Полевая археология древнекаменного века. – М.: Наука, 1990. – Вып. 202. – С. 9–12.

Акимова Е.В., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Харевич В.М. Результаты полевых исследований стоянки Усть-Кова 1 в 2010 году // Проблемы археологии этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XVI. – С. 474–478.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Роговской Е.О., Клементьев А.М., Уланов И.В., Лохов Д.Н., Дударёк С.П., Новосельцева В.М., Соколова Н.Б. Геоархеологические комплексы раннего голоцена на юге Средней Сибири. Оценка данных и перспективы исследований // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология», 2014. – Т. 9. – С. 46–76.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.

Воскресенский С.С., Бай Л.А., Лютцау С.В. Отчет о маршрутной геолого-морфологической съемке долины р. Ангара на участке от с. Заимки до с. Богучаны. – Красноярск, 1954. – 289 с.

Генералов А.Г. Геоархеологический объект Стрижёвая гора (стратиграфия, хронология, типология, технология). – Иркутск: Изд-во Иркутский ун-т, 2000. – 153 с.

Геоморфологическая карта Сибирской платформы. – М.: 1988 г. – 76 с.

Городецкая М.Е., Лазуков Г.И., Коржуев С.С., Олюнин В.Н., Чичагов В.П. Равнины и горы Сибири / Ред. коллегия: И. П. Герасимов (пред.) и др. – Москва: Наука, 1975. – 352 с.

Гревцов Ю.А., Матвеев В.А., Разгильдеева И.И., Лысенко Д.Н. Исследование в зоне строительства нефтепровода «Куломба-Тайшет» на территории Красноярского края // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. Ред. Н.В. Лопатин. – М.: Институт археологии РАН, 2015. – С. 616–618.

Гурулев Д.А. Мезолитические комплексы Северного Приангарья / Материалы V международной научной конференции Древние культуры Монголии Байкальской Сибири. Кызыл, 2014. – Ч. 1. – С. 28–32.

Зольников И.Д., Деев Е.В., Цыбанков А.А., Славинский В.С., Постнов А.В., Чупина Д.А. К вопросу о молодости аллювиальных комплексов Ангары по материалам работ в зоне затопления Богучанской ГЭС // Археология, этнография и антропология Евразии, 2013. – № 4(56). – С. 38–49.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. – Новосибирск: Наука, 2010. – 270 с.

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья: (палеолит, мезолит). – Новосибирск: Наука, 2001. – 224 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во БНЦ СО РАН; Изд-во ЧГПИ, 1994. – 265 с.

Кузьмин Я.В. Средняя Сибирь (Енисейско-Янско-Ленская область). Раздел 2.3 // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды: Атлас-монография / Отв. ред. В.М. Котляков, А.А. Величко, С.А. Васильев. – М.: ГЕОС, 2014. – С. 182–206 с.

Лещинский С.В., Лунёва Д.Е. Стратиграфическое положение археологических местонахождений в долине р. Ангары (территория затопления водохранилищем богучанской ГЭС) // Вестник Томского государственного университета, 2014. – № 380. – С. 195–204.

Макулов В.И., Дроздов Н.И., Привалихин В.И., Леонтьев В.П., Чеха В.П. Археологические памятники долины р. Подкаменная Тунгуска на территории Государственного природного заповедника «Тунгусский» // Труды государственного природного заповедника «Тунгусский». – Вып. 2 / Под общ. Ред. Е.Е. Тимошок, С.Н. Скороходова. – Томск, Изд-во НТЛ, 2008. – 212 с.

Медведев Г.И., Генералов А.Г., Дроздов Н.И. и др. Проблемы научной экспертизы и практики изучения геоархеологических объектов Байкальской Сибири (методология, методы, рекомендации). – Красноярск-Иркутск-Улан-Удэ, 1996. – 54 с.

Равский Э.И. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. – М.: Наука, 1972. – 335 с.

Тетенькин А.В. Технологический контекст производства и расщепления микропластинчатых нуклеусов по материалам культурных горизонтов 2Б и 6 стоянки Коврижка IV (Витим, Байкало-Патомское нагорье) // Известия ИГУ, Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – Иркутск, 2017. – Т. 21. – С. 107–135.

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Махлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевич В.М., Орешников И.А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследований 2008–2011 гг. – Известия ИГУ, Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». – Иркутск, 2014. – Т. 8. – С. 244–258. – С. 82–99.

Туров М.Г. Проблемы исторической прародины северных тунгусов и этногенеза эвенков // Известия ИГУ, Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – Иркутск, 2013. – № 1 (2). – С. 244–258.

Цейтлин С. М. Геология палеолита Север ной Азии. М.; 1979. – 283 с.

Ямских А.Ф. Осадконакопление и террасообразование в речных долинах Южной Сибири. – Красноярск: КГПИ, 1993. – 226 с.

Cultural Micro-Mosaiks a Problem for the Archaeological Culture Concept? // Grün O., Kuznetsov O.V., Turov M.G. / Scandinavian Archaeological Practice – in Theory. Proceedings from the 6th Nordic TAG. – Ed. J.Bergstol – Oslo, 2011. P.p. 342–350.

Grün O., Kuznetsov O.V. Evenki Forest Hunters. Ethno-Archaeology and the Archaeological Settlement Concept. // Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia. Proceedings of the Baikal Archaeology Project. / Ed. A. Weber, H. VcKenzie. – Northern Hunter-Gatherers Research Series. – Vol. 1. 2003. P. 197–215.

Kuznetsov O.V. Ethnoarchaeological approach to late palaeolithic settlements and habitation structures (Transbaikal, Siberia) // LES CIVILISATIONS DU RENNE D’HIER ET D’AUJOURD’HUI. APPROCHES ETHNOHISTORIQUES, ARCHÉOLOGIQUES ET ANTHROPOLOGIQUES XXVII e rencontres internationales d’archéologie et d’histoire d’Antibes Sous la direction de S. Beyries et V. Vaté Éditions APDCA, Antibes, 2007. Pp. 111–125.

Артемьев Е.В.¹, Разгильдеева И.И.², Прилепская Н.Е.³

¹Красноярский краевой институт
повышения квалификации

работников образования, *microcore@mail.ru*

²Забайкальский государственный университет, *labpaleo@yandex.ru*

³Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН,
nprilepskaya@gmail.com

СТОЯНКА КРУТАЯ – НОВЫЙ ОБЪЕКТ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ АФОНТОВОЙ ГОРЫ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2017 ГОДА

Работа выполнена при поддержке гранта "Морфофункциональное моделирование костно-мышечной системы позвоночных: решение структурных, функциональных и эволюционных задач" РФФИ 2018 18-04-01301

Аннотация: В 2017 г. в г. Красноярске проводились спасательные раскопки стоянки Крутая (группа памятников Афонтовой горы). В результате исследований были изучены культурные слои, отражающие разные периоды освоения территории – от позднего палеолита до времени формирования городского слоя Красноярска (конец XVII – начало XX вв.). Стратифицированные комплексы культурного слоя 3 включали остатки сезонных охотничьих стоянок эпохи палеолита с характерным для них набором артефактов. Объектами промысловой добычи выступали парнокопытные животные – северный олень, марал, бизон. В составе каменных орудий преобладали изделия со скребково-режущими функциями. Планиграфический анализ показал, что формирование культурного слоя происходило в условиях межсклоновой ложбины. В отложениях прослеживалось наложение различных по возрасту и пространственной организации уровней обитания. Сезон гибели животных устанавливался по зубам северного оленя с использованием метода анализа ростовых структур. Он показал периоды функционирования стоянок на раннем этапе освоения территории памятника – в осенне-зимний период, на позднем – в весенне-летний.

Ключевые слова: Красноярский край, Афонтова гора, плейстоцен-голоцен, кратковременные стоянки, каменный инвентарь, планиграфический анализ, палеофауна, анализ ростовых структур, сезонность.

Artyemyev Ye.V.¹, Razgildeyeva I.I.², Prilepskaya N.Ye.³

¹Krasnoyarsk Institute for Advanced Studies of Educators

²Transbaikal State University

³A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution

KRUTAYA SITE – A NEW OBJECT IN THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF MOUNT AFONTOVA: PRELIMINARY RESULTS OF SURVEYS IN 2017

Abstract: In 2017, rescue excavations were carried out in Krasnoyarsk at the Krutaya site (a group of sites of Mount Afontova). As a result of the surveys, cultural layers reflecting different periods of territory development were studied – from the late Paleolithic to the time of formation of the Krasnoyarsk city layer (the end of the XVII – beginning of the XX centuries). Stratified complexes of the cultural layer 3 included the remains of seasonal

ловных уровня залегания археологических материалов, содержащие скопления каменных артефактов и фаунистические остатки. С учетом стратиграфической позиции и внешних характеристик коллекции, они были отнесены к плейстоцен-голоценовому (поздний палеолит-мезолит) периоду.

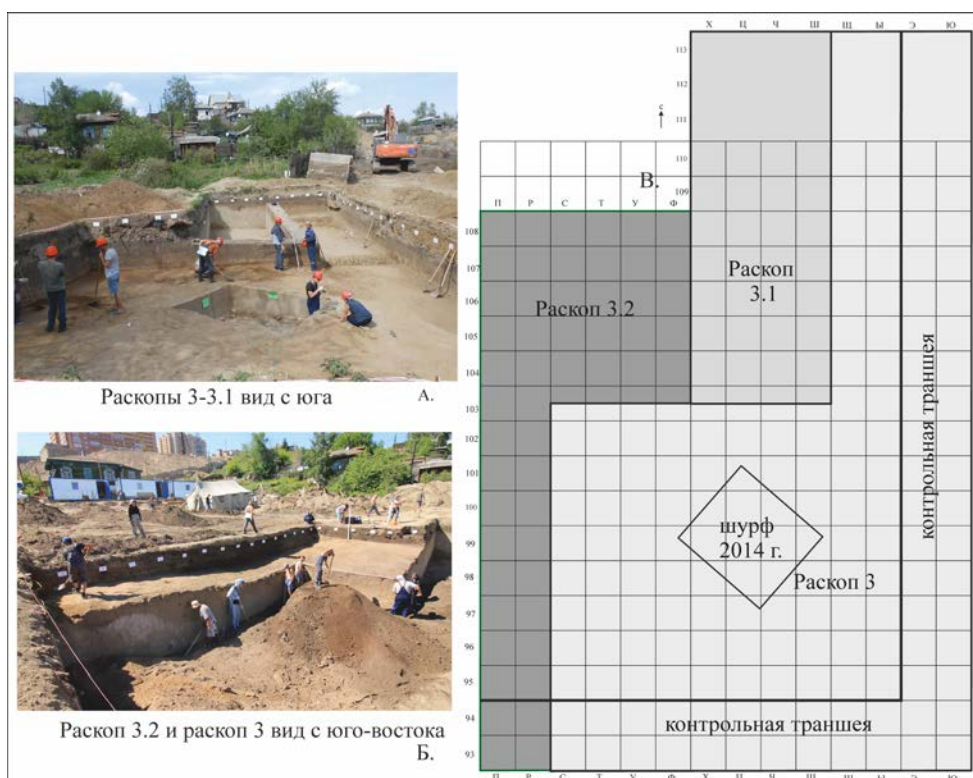
В 2017 г. на стоянке Крутая были проведены археологические исследования на площади 5494,71 м² [Артемьев, 2018]. На участке работ площадью 200 м² (рис. 2, 3) было выявлено три уровня залегания археологических материалов, отражающих разные периоды освоения территории – от позднего палеолита до этапов строительства Красноярска (конец XVII – начало XX вв.).

Наиболее представительную коллекцию артефактов содержал нижний культурный слой (к. с. 3). Характер пространственной организации археологических материалов свидетельствовал о сохранности культурно-исторического контекста данного слоя, определяя перспективность выполнения планиграфического анализа.

Рис. 2. Карта-схема раскопочных работ 2017 г. на ст. Крутая. Цифрами обозначены номера шурфов. Красным цветом заштрихованы квадраты, в которых зафиксированы материалы 2 и 3 к. с.

Рис. 3. Стоянки Крутая Раскопы 3, 3.1, 3.2: А. Начальный этап изучения основного культурного слоя; Б. Завершающий этап работ в раскопе 3.2; В. План участков вскрытия.

Проблемы атрибутирования и интерпретации *in situ* комплексов стоянки Крутая зависели от ряда факторов. Неоднократные техногенные преобразования поверхности участка исследований, особенности геоморфологии памятника, влияние процессов криогенеза и неотектоники, обусловили степень сохранности и состав литологических толщ и культурных отложений.

На решение обозначенных проблем был направлен комплексный анализ, в задачи которого входило выявление структуры многослойности памятника, изучение этапов формирования культурных напластований, реконструкция форм и образа хозяйственной деятельности древних коллективов.

При работе с коллекциями артефактов использовались методы технико-типологического и морфологического анализа, методы аппликации и сырьевых единиц. Анализ фауны включал определение видового состава и сезона гибели животных на основе анализа ростовых слоев в цементе и дентине зубов млекопитающих [Клевезаль 1988; Gordon 1991, Lieberman 1993, Landon 1993, Burke & Castanet 1995]. Особое внимание было уделено планиграфическому анализу, результаты которого позволили выявить закономерности пространственной организации скоплений артефактов, выполнить реконструкцию деятельностных ситуаций, проследить динамику формирования культурных отложений [Леонова, 1994, 2011; Разгильдеева, 2018; Инешин, Тетенькин, 2010]. Предварительные результаты этих исследований приводятся в данной работе.

Общая характеристика и стратиграфия участка исследований

С XIX в. и по современный период территория Афонтовой горы на которой расположена стоянка Крутая была включена в зону городской застройки. В результате хозяйственного преобразования склоновый рельеф подвергся частичному террасированию, что отразилось в стратиграфическом строении памятника. Под современным почвенно-растительным слоем в разрезах обнажились остатки от фундаментов построек XIX–XX в., обломки железобетонных блоков и иного строительного мусора, несколько уровней дорожной отсыпки.

Мощность техногенного слоя на разных участках раскопа достигала от 1,2 до 2,7 м. В процессе его формирования произошло заполнение существовавшего в этой части рельефа Афонтовой горы межсклонового понижения, с частичным горизонтальным выравниванием поверхности. Техногенные отложения перекрывали, а местами замещали почвенный слой XIX–XX вв. Не представлена и верхняя часть собственно отложений II–III террас р. Енисей.

Поэтапные исследования 2017 г. выполнялись на участке, включающем комплексы рубежа плейстоцен-голоцена, последовательно в границах раскопов 3.1, 3, 3.2, с глубиной вскрытия 2,0–2,7 м (рис. 3). Динамичность стратиграфической ситуации определила ряд особенностей разрезов. Общий уклон дневной склоновой поверхности в разрезе южной стенки (линия

93, кв. Ю–С) по направлению запад–восток составлял порядка 30° при согласованном характере залегания отложений ниже техногенного слоя. Прослеживаемые по профилям западной части раскопа встречно направленные линзы интенсивно карбонатизированной супеси с суглинком прописывали контуры погребенного межсклонового понижения. В профилях северного направления геологические слои имели параллельное горизонтальное залегание.

Наиболее показательный разрез отложений был получен по западной стенке раскопа 3.1 (табл. 1, рис. 4). Нарастание мощности представленных геологических толщ в направлении север–юг отражало динамику преобразования склона Афонтовой горы. Наименьшая мощность наблюдалась по северо-западной части разреза (кв. 108-107, П, Р).

Табл. 1. Стратиграфический разрез отложений

№	Описание геологических слоев по линии П, кв. 94–108
1.	Техногенный слой с отвалом современного почвенно-растительного огородного слоя, вперемешку с гравийной отсыпкой, строительным мусором, вкраплениями дресвы и щебня (0,2 м). Мощность слоя 0,2–0,25 м.
2.	Почвенный слой (0,45 м) с тремя подгоризонтами: верхний, насыщенно черного цвета – конца XIX– начала XX вв. (0,2 м); два нижележащие переслаивающиеся черно-коричневые (0,25 м). В кв. 94–101 тонкий линзообразный прослой пылеватой супеси (0,1 м). Подошва слоя слабо волнистая, хорошо видимая. С нижней частью связаны находки к. с. 1. Общая мощность 0,4–0,45 м.
3	Слой буро-коричневой супеси (почвенный горизонт В) со слабо выраженными черными гумусированными пятнами, пронизан корневой системой. В подошве слоя линзы черной пылеватой супеси. В зоне понижения палеорельефа мощность пачки достигает 1 м. Общая мощность слоя 0,5–1,0 м.
4	Слой пылеватой светло-коричневой, местами палево-серого цвета супеси, со следами карбонатизации. Граница с нижележащими отложениями смазанная, волнистая, с выклинивающимися языками. Мощность слоя 0,3–0,4 м.
5	Осветленная интенсивно карбонатизированная супесь с неясной, слабоволнистой слоистостью. В верхней части пачка имеет светло-серый, местами белесый цвет. В нижней части с признаками ожелезнения приобретает светло-желтый оттенок. Присутствие карбонатов по всей толще проявляет наличие мелкотрещинных вертикальных структур. Пронизан многочисленными кротовинами. Мощность слоя неравномерная: в южной части разреза – 1–1,2 м, по центру (кв. 100–101) – 0,25 м, в северной – 0,5 м. По кровле слоя прослеживается контур дна зоны понижения рельефа. В кв. 94, 95, П, Р примерно в 0,2 м от кровли отмечен уровень заложения криогенных трещин. Общая мощность слоя 0,25–1,2 м.
6	Слой интенсивно карбонатизированной супеси с суглинком, с неясной слабоволнистой слоистостью. За счет ожелезнения пачка имеет светло-желтый с рыжеватым оттенком цвет, есть признаки оглеенности слоя. Видимая мощность до 0,4–0,5 м.
	Общая мощность: 2,3 м.

По стратиграфическим разрезам в площади раскопа прослеживались границы понижения древнего рельефа в форме линейно вытянутой ложбины (направление оси уклона СЗ–ЮВ) с пологими мягкими склонами, плавно переходящими к днищу. Ширина ложбины на данном участке дос-

тигала порядка 15–20 м. Крутизна бортов определяла условия деградации верхней пачки отложений и степень сохранности культурных остатков. По разрезам фиксировались контуры дна ложбины и последовательность её заполнения до окончательной нивелировки на этапе формирования современного городского ландшафта.

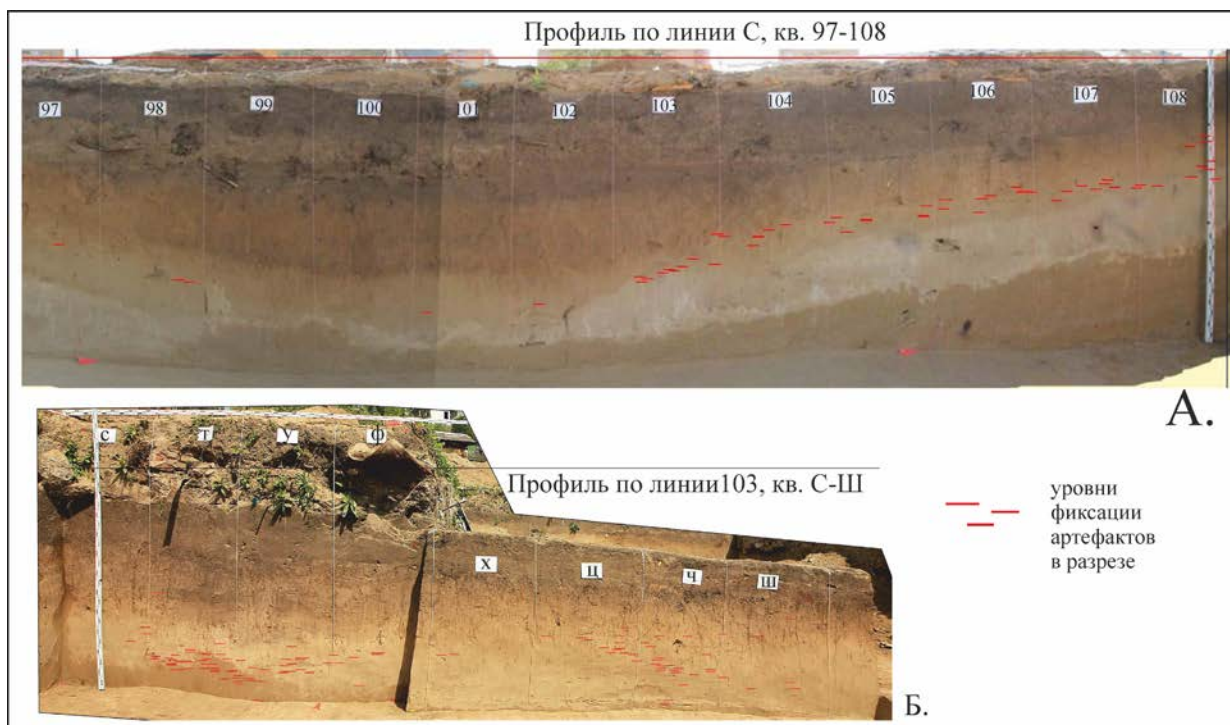

Рис. 4. Стоянка Крутая. Уровень находок основного культурного слоя: А. Профиль западной стенки; Б. Профиль промежуточного разреза вид с юга.

Археостратиграфическая позиция материалов

Отложения современной погребенной почвы включали следы активной хозяйственной деятельности периода застройки данного участка во второй половине XIX – начале XX вв. Найденные здесь артефакты были отнесены к **культурному слою 1** городского времени (к. с. 1). Коллекция содержала кованые железные гвозди и обломки металлических изделий, куски абразивных камней, фрагменты гончарных глазурованных керамических сосудов, кости крупного рогатого скота и продукты разложения костных остатков.

С отложениями на контакте погребенной почвы голоценового возраста и кровли буро-коричневой супеси (почвенный горизонт В) (0,2–0,25 м) были связаны находки **культурного слоя 2** (к. с. 2) – 143 артефакта. Коллекция артефактов составляет единый комплекс, характерный для стоянок каменного века: сколы и отщепы (43 экз.); чешуйки (31 экз.); фрагменты пластин (7 экз.); микропластины (2 экз.); целые и битые гальки (4 экз.). К орудиям отнесены два скола с ретушью и обломок скребка. Остатки фауны представлены фрагментами колотых костей северного оленя. Уровень к. с. 2 включал несколько различного генезиса пятен, в т.ч. следы кротовин.

Планиграфический анализ показал, что артефакты к. с. 2 образовали вытянутое скопление в северо-западном углу раскопа 3.2 маркируя поверхность пологого склона. Найденные здесь костные остатки имели лучшую тафономическую сохранность. Во время расчистки культуросодержащих отложений отмечалось наличие в зонах скоплений находок тонкой неравномерной мощности прослойки светлой супеси, разделяющей верхний и нижний уровни залегания артефактов, но четкой границы между материалами к. с. 2 и к. с. 3 на этапе полевых работ зафиксировать не удалось. Предварительно данный комплекс отнесен к раннеголоценовому времени (11–9 тыс. л. до н. э.).

Комплекс артефактов, получивший обозначение основного **культурного слоя 3** (к. с. 3) стоянки Крутая, приурочен к геологическим отложениям контактной зоны буро-коричневой и светло-коричневой супесей, пачку которых подстилал плотный слой суглинка с признаками карбонатизации. Глубина залегания культурных остатков от современной поверхности существенно варьировалась (до 2,44 м), что было обусловлено особенностями палеорельефа.

Термин «культурный слой» в работе использован для обозначения уровней культуросодержащих отложений, включающих весь комплекс признаков, предъявляемых к данному понятию в современной археологии [Александрова, 1990; Леонова, 1993; Сычева и др., 1998; Амирханов, 2009; Инешин, Тетенькин, 2010].

В планиграфии к. с. 3 в границах изученного участка находки образовывали скопление, вытянутое от верхней гипсометрической точки северо-западного борта древней ложбины. Анализ пространственного расположения артефактов показал возрастание их концентрации в зоне тальвега при разреженности по бортам. Изменения рельефа отслеживались по уровню выявления находок, маркирующих его поверхность, при этом, в трехмерном пространстве, массив точек фиксации отражал изменение мощности культуровмещающих отложений (в диапазоне от 0,25–0,5 м до 1,2 м). Особенности позиционирования площадок обитания определяли частичное смещение артефактов. Аппликативные связи позволили выявить два направления миграции артефактов (рис. 5).

Первый – локального характера, с направлением север–юг на расстоянии одного или чуть более метра, фиксировался на уровне подошвы культуросодержащих отложений в придонной части понижения (кв. 103–99). В планиграфии этой зоны сохранились связанные между собой группы артефактов, включающие каменные орудия и крупные фрагменты костей. Обнаруженные внутри этой зоны кости млекопитающих сохраняли позиции анатомических связок. Морфотипологические характеристики артефактов указывали на ситуационное применение случайных форм сколов, имеющих острые кромки. В ходе зачистки неоднократно отмечалось залегание колотых костей с «прилипшими» микросколами (чешуйки и фрагменты тонких отщепов).

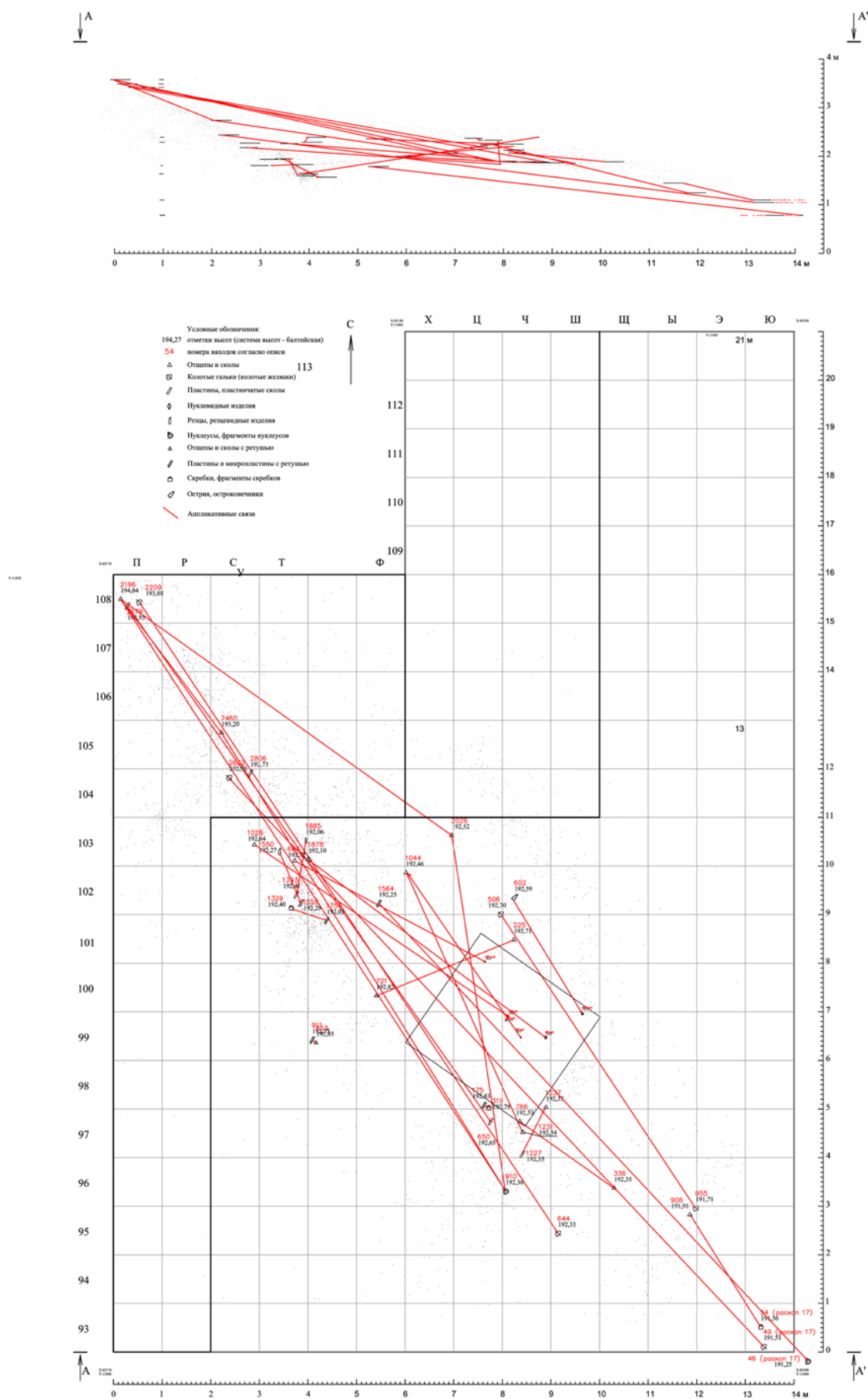

Рис. 5. Стоянка Крутая. Направления аппликативных связей каменного инвентаря к с. 3.

Второе направление переотложения носило более масштабный характер с переносом фрагментов изделий на расстояние от 8 до 20 м и выше – с гипсометрически более высокого уровня вниз по склону СЗ–ЮВ. Примечательно, что данный процесс захватывал довольно крупные предметы (в т. ч., битые гальки), при этом у ряда обнаруженных в юго-восточной части раскопа каменных артефактов на поверхности образовалась карбонатная корка.

Археологический материал

Коллекция изделий из камня к. с. 3 (2017 г.) включала 1985 единиц. Технику первичного расщепления характеризуют нуклеусы (16 экз.) и нуклевидные изделия (4 экз.), продукты дебитаж: чешуйки – 975 экз, отщепы – 398 экз. (первичные 86 экз.); сколы – 290 экз. (в т. ч., обушковые – 139 экз., первичные – 4 экз.). Пластинчатые снятия (159 экз.), включают: целые пластины 14 экз. (3 первичных); пластинчатые отщепы (7 экз.) и сколы (18 экз.); фрагменты пластин (120 экз.). Микропластинчатые снятия 48 экз., в их числе: 12 экз. целых и 29 фрагментов; 7 микропластинчатых сколов, в т. ч., переоформления нуклеусов.

Орудийный набор. К орудиям отнесено 90 предметов (табл. 2) часть из них апплицирована из двух-трех фрагментов, порой найденных на значительном удалении друг от друга. Основами для орудий служили: пластины (39); отщепы (18); сколы (21); уплощенной формы речные гальки. Последние использовались как без дополнительной обработки – отбойники-ретушеры, так и с таковой (рис. 6:1, 3, 4).

Табл. 2. Типы каменных орудий и минерального сырья

Тип орудия	Всего	А.	Б.	В.	Г.
Скребки	18	9	6	3	
Скрёбла	5		2	2	1
Ножевидные	5	1	3	1	
Долотовидные орудия	2	2			
Струги	3		3		
Скобель	1				(1)
Резцовые	5		3	2	
Отбойники, ретушеры (целые)	2		2		
Рубящие	2		2		
Микропластины (и фр.) с ретушью	2			2	
Пластины (12 экз.) и их фрагменты с ретушью (20)	32	5	14	7	6
Сколы (3) и отщепы (10) с ретушью	13		7	3	3
Итого	90	17	42	20	11

Минеральное сырьё: А. Кварциты; Б. Алевролит-аргиллиты; В. Кремень (яшма); Г. Песчаники и эффузивные

Галечные орудия стоянки Крутая типологически не выходят за рамки групп изделий известных в енисейском палеолите.

Выделяется экземпляр орудия на продолговатой подтреугольной формы гальке с естественным вогнутым боковым профилем, со стороны

которого по ребру нерегулярной грубой односторонней оббивкой был оформлен рабочий край с неровным контуром (рис. 6:4).

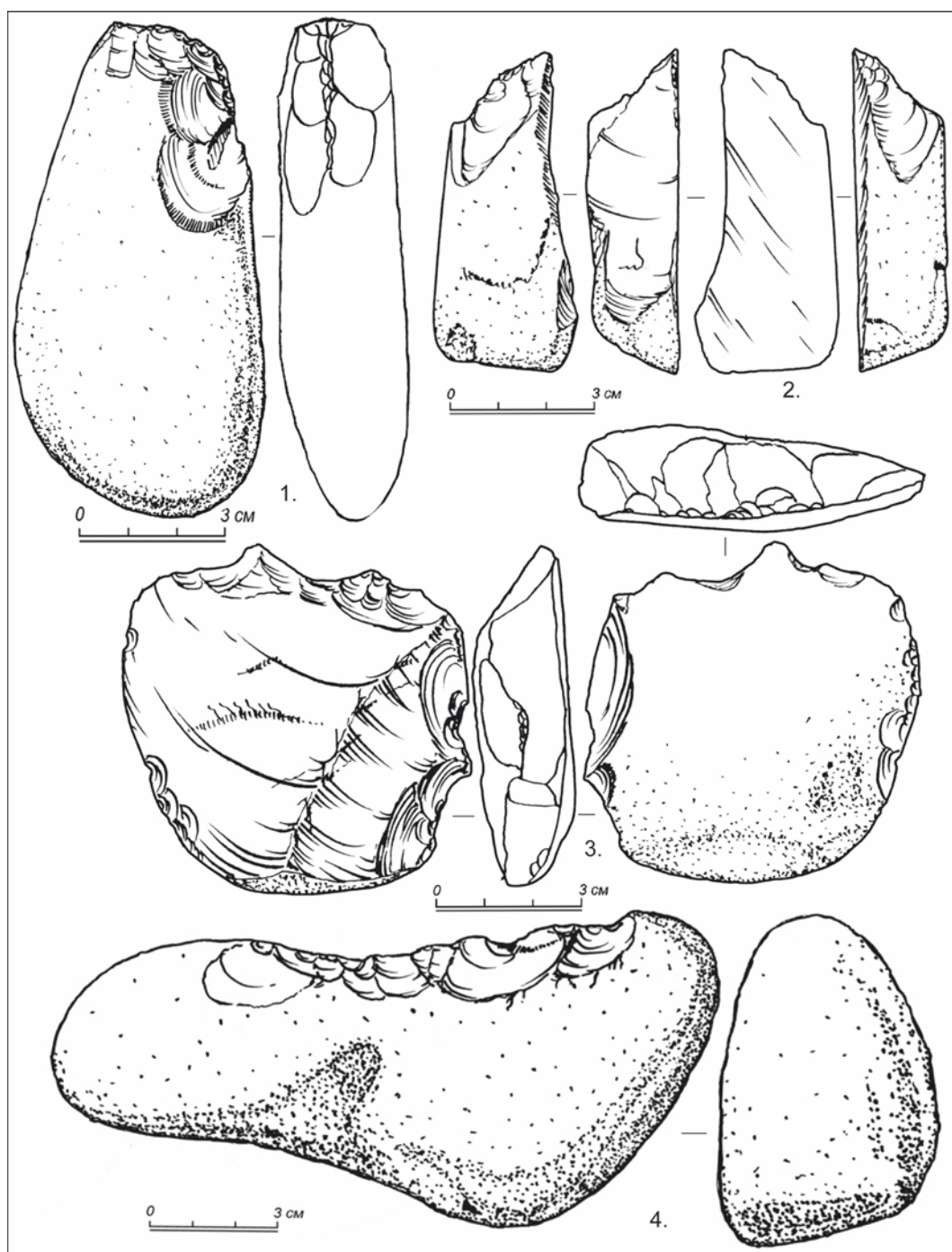

Рис. 6. Стоянка Крутая. Каменный инвентарь: 1-4 – галечные орудия; 2 – резцевидное орудие (перфоратор?); 3 – комбинированное выемчатое орудие.

Отбойники представлены как целыми гальками со следами забитости поверхности и негативами снятий, так и их фрагментами, часть из которых апплицируется. Примечательно, что части отбойников могли быть разнесены в пространстве раскопа на расстояние до 9 м.

В качестве отбойников выступали как уплощенные округлой формы гальки среднего размера (до 10–12 см), так и довольно крупные (длиной до 24 см) продолговатой формы, подтреугольные или трапециевидные в сече-

нии. Для нанесения удара как правило использовался зауженный конец, в то время как поверхности обушков не несли следов забитости. Орудия могли ситуационно использоваться в разных функциях (например, отбойника–ретушера–ложила). Представленные в слое обушковые сколы, по сути, являются фрагментами такого рода орудий.

Скребла, скребки, скобель, резцы, пластины и сколы с ретушью в коллекции орудий к. с. 3 составляют значительную долю. Всего было выделено 18 скребков: концевые (12 экз.), высокой формы (1 экз.), микро-скребки (2 экз.), в фрагментах (3 экз.). Рабочие кромки оформлялись дорсальной ретушью: на отщепах (4 экз.), на сколах (5 экз.), на пластинах (6 экз.) (рис. 7:1-3).

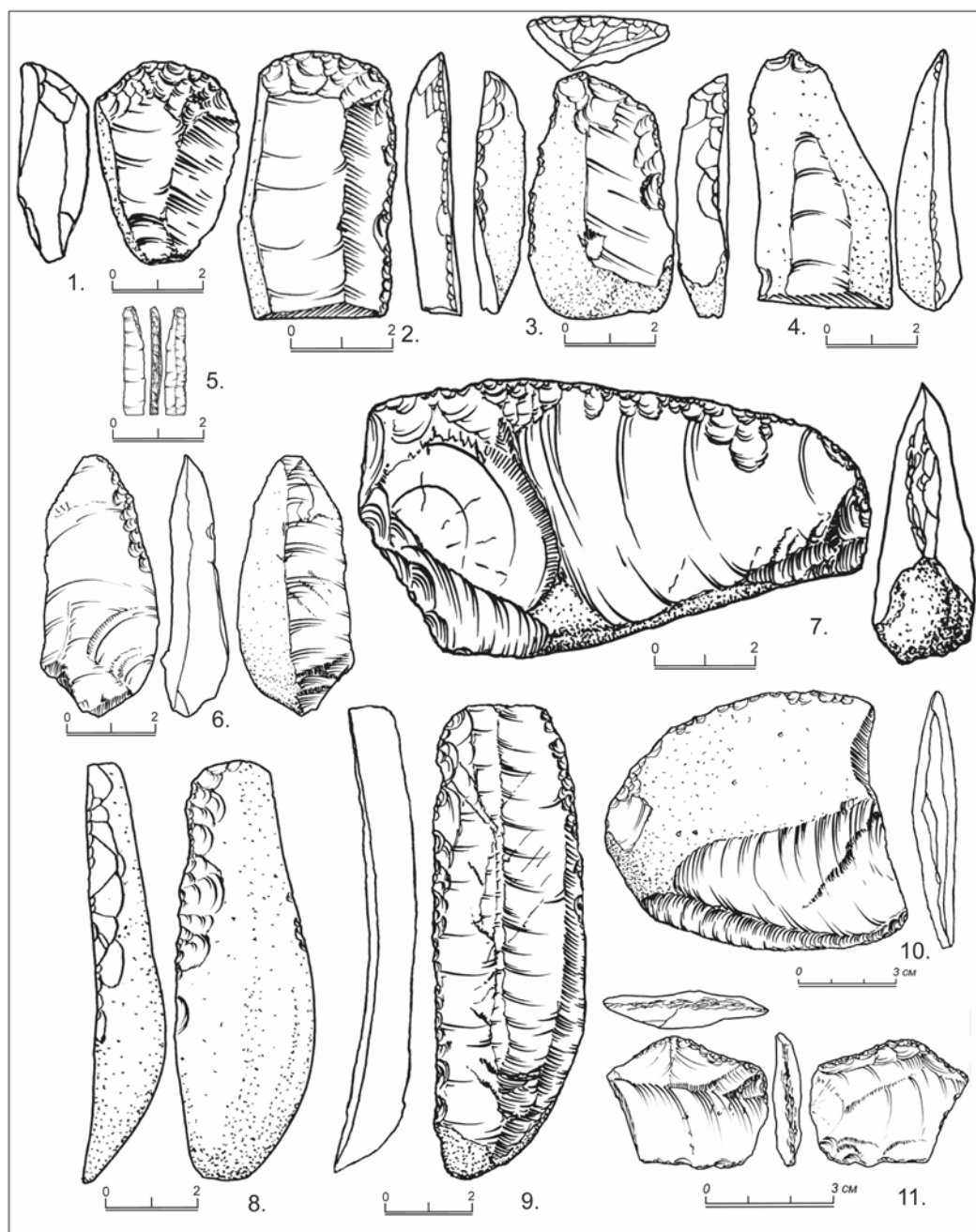

Рис. 7. Стоянка Крутая. Каменный инвентарь: 1–3 – скребки; 4 – проколка; 5 – микропластинка с ретушью; 6 – отщеп с ретушью; 7, 10 – скребла; 8, 9 – пластины с ретушью; 11 – долотовинное орудие.

Скребла (5 экз.): одно концевое и два продольных (рис. 7:10) оформлены на первичных сколах; продольное на пластинчатом сколе (рис. 7:7); скребловидное орудие выполнено на первичном сколе (вишневый кремль). Три орудия представлены в обломках.

В коллекции присутствует комбинированное двойное выемчатое орудие, выполненное на массивном первичном сколе (рис. 6:3).

Пять предметов с тонкими кромками со следами утилитарного износа и мелкой эпизодической ретушью по маргиналам, были отнесены к категории ножевидных орудий (рис. 7:6). Неправильной геометрической формы скол с ретушью и апплицированное из двух фрагментов первичное пластинчатое снятие с нерегулярной дорсальной ретушью по кромкам, противоположащим рабочим, также имели оформленные выемки (*encoches*).

На первичных сколах оформлено боковое резцевидное орудие (рис. 6:2). Возможно функции резца выполнял крупный скол с ретушью по острому краю.

Пластины и пластинчатые сколы с ретушью: 12 экз. – целых (одна пластина апплицирована из трех фрагментов), в т. ч., 7 – первичных (рис. 7:8,9); 20 – фрагментов. Изделия данной группы отличаются крупными размерами, в ряде случаев фиксируется утилитарное использование первичных пластинчатых снятий без предварительной обработки, что вероятно определялось особенностями минеральной сырьевой базы. Рабочие кромки оформлялись по маргиналам краевой разнофасеточной нерегулярной ретушью. На дистальных концах двух первичных пластин с ретушью (рис. 7–4) и одном отщепе, ретушью оформлены шиповидные острия. Помимо указанного, к орудиям отнесены 10 отщепов и 3 скола с ретушью, в т.ч., скол переоформления фронта призматического нуклеуса с дорсальной ретушью утилизации по краю.

Долотовидные орудия невыразительны (2 экз.). Представлены небольшого размера кварцитовыми сколами геометрической формы с противоположащими рабочими краями (рис. 7:11).

Фаунистическая коллекция к. с. 3 насчитывает 2553 экз., помимо костей млекопитающих в ней учтены 182 экз. костей мелких грызунов найденных в заполнении кротовин. Основная масса (88 %) костного материала мелкие неопределимые осколки колотых трубчатых костей и костная труха (46 %), в т.ч., выявленные в просеве микроосколки. 127 экз. (5 %) – определимые кости. Большая доля микроостатков указывает на высокую степень утилизации пищевых ресурсов.

Предварительный анализ коллекции фауны, выполненный И.А. Орешниковым (Красноярск), показал, доминирование в остатках костей северного оленя (ок. 90 % определимых фрагментов). Также присутствовали отдельные кости марала (благородного оленя) (6 экз.), крупных копытных и, в единичных экземплярах кости бизона.

На основе анализа ростовых слоев в цементе и дентине зубов млекопитающих Н. Е. Прилепской (Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН) был установлен сезон гибели объектов добычи

(табл. 3). Материалом для анализа послужили постоянные коренные зубы северного оленя (10 образцов, 50 аншлифов). До изготовления аншлифов было выполнено 3D сканирование зубов (сканер Artec Space Spider) и получены их трехмерные модели (рис. 8).

Табл. 3. Определение сезона гибели на основе анализа ростовых слоев в цементе и дентине зубов млекопитающих

№ образца	Квад-рат	Определение предмета (северный олень)	Археологический контекст	Сезон гибели
1436	-	Передние резцы (рис. 8- <i>f</i>)	Вне контекста – просев	Осень-зима
1532	102-Т	Коренной зуб (рис. 8- <i>h</i>)	В толще культурного слоя	Весна-лето/весна-начало лета
937	96-Ч	Коренной зуб (рис. 8- <i>g</i>)	_ «...» _	Весна-лето
843	98-Ш	Коренной зуб (рис. 8- <i>c</i>)	_ «...» _	Весна-лето/весна-начало лета
348	101-Ц	Коренной зуб (рис. 8- <i>e</i>)	_ «...» _	Весна-лето
2594	105-У	Фрагмент коренного зуба (рис. 8- <i>d</i>)	_ «...» _	Осень-зима
1655	102-Т	Два коренных зуба (рис. 8- <i>b</i>)	_ «...» _	Весна-лето/весна-начало лета
909	96-Ч	Предкоренной зуб (рис. 8- <i>a</i>)	_ «...» _	Весна-лето

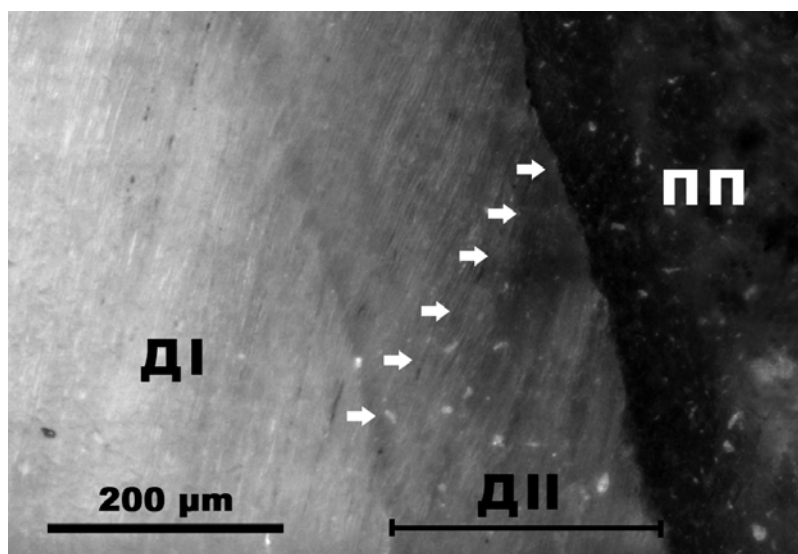

Рис. 8. Стоянка Крутая. Ростовые слои в дентине зуба северного оленя. Фото аншлифа внутренней части верхнего левого щечного зуба (Р3 или Р4) со стороны пульпы. Образец № 1532: Д I – первичный дентин; Д II – вторичный дентин; ПП – полость пульпы; стрелки – основные (зимние) элементы ростовых слоев вторичного дентина (узкие темные полосы). Сезон гибели – весна-лето.

Анализ ростовых слоев в цементе и дентине отобранных образцов – зубы как минимум от восьми индивидов северного оленя, – для двух особей показал осенне-зимний сезон гибели, что может свидетельствовать в пользу забоя их в этот период. Планиграфически данные образцы относились к участку северо-западной части к. с. 3 (рис. 10). По зубам из основного скопления археологических материалов, тяготеющего к придонной зоне понижения рельефа, для шести животных установлено время гибели в весенне-летний период (рис. 9, 10).

Рис. 9. Стоянка Крутая. 3D модели зубов, использованных для определения сезона гибели северных оленей: а) № 909 – нижний левый предкоренной зуб, р4 из левой ветви нижней челюсти; б) № 1655 – нижний левый коренной зуб, m3 из фрагмента правой ветви нижней челюсти с тремя коренными зубами; в) № 843 – нижний левый коренной зуб, р2; д) № 2594 – фрагмент верхнего правого коренного зуба, Р3; е) № 348 – верхний правый коренной зуб, Р4; ф) № 1436 – два передних резца; г) № 937 – коренной зуб; h) № 1532 – верхний левый коренной зуб, Р3 или Р4.

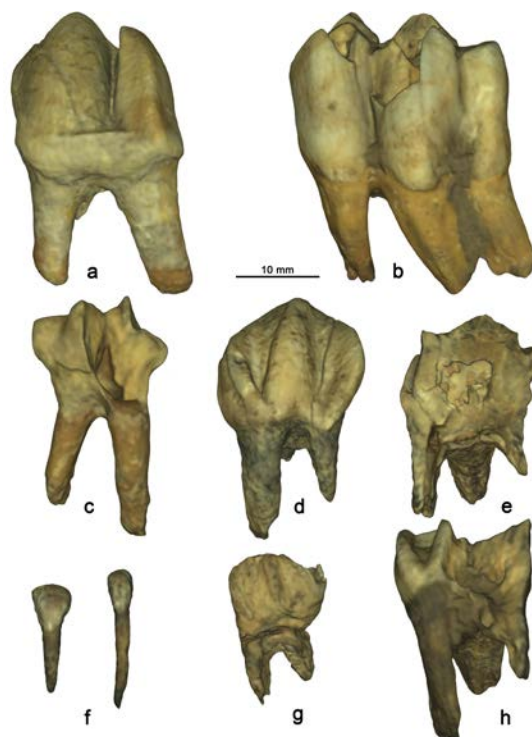
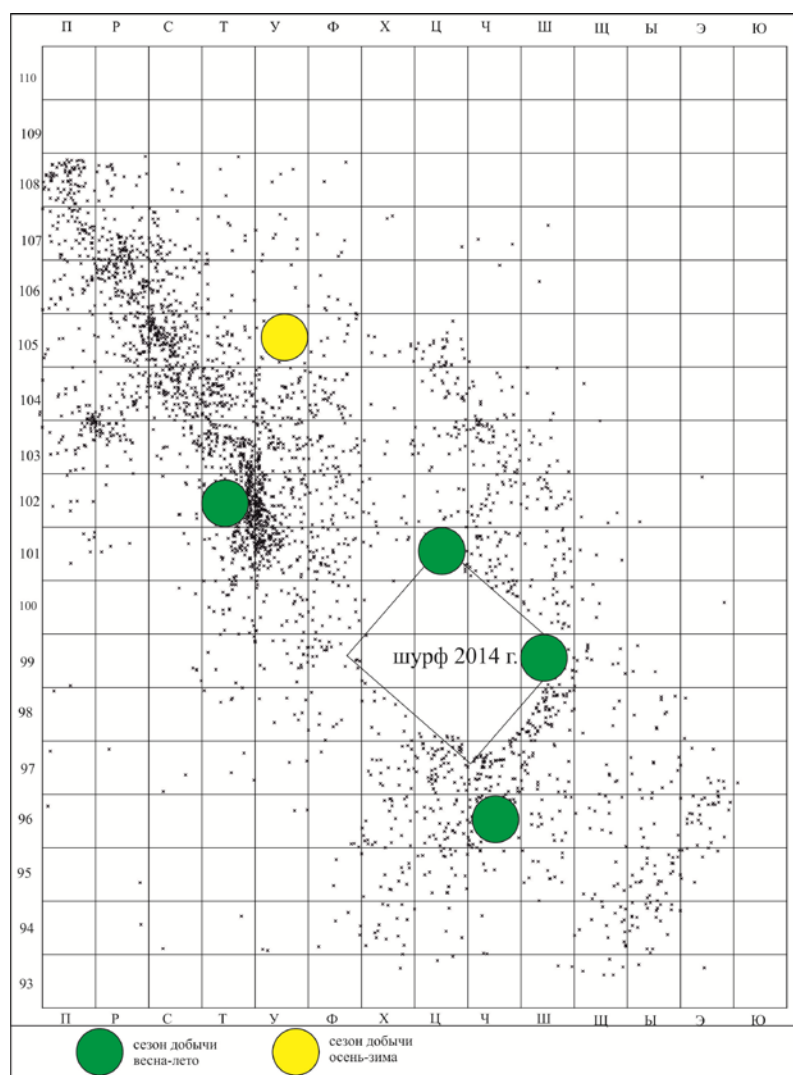

Рис. 10. Стоянка Крутая. Основной культурный слой (3). Сезонная приуроченность костных остатков.

Планиграфический анализ

В ходе разведки 2014 г. обнаруженные в шурфе артефакты были соотнесены с двумя культурными слоями (к.с.1, к.с.2). При этом сам шурф, как показали работы 2017 г., захватывал участок придонной части понижения рельефа, в заполнении которой и были выявлены археологические материалы. Совокупный анализ коллекции камня 2014, 2017 гг. выявил прямые аппликативные связи между артефактами к.с.1 и к.с.2 шурфа 2014 г., и с артефактами к.с.3 раскопа 2017 г. (рис. 5), что указывало на общий культурно-исторический контекст формирования комплекса археологических материалов. В тоже время особенности пространственного распределения находок, наблюдения за их стратиграфическим положением, геоморфология участка исследований в границах территории Афонтовой горы свидетельствовали о полигенезисе культуросодержащих отложений, что подтвердили и полученные данные о сезоне гибели животных.

В ходе планиграфического анализа основного культурного слоя стоянки Крутая были выявлены зоны скоплений археологических материалов и участки с рассеянными и единичными находками. Степень сохранности планиграфического контекста определила возможности реконструкции развития деятельностных ситуаций.

Основная зона концентрации каменных артефактов по типам изделий была связана с участком площадью порядка 12 м² (кв. 100–105, Р–Ф). На эту же зону приходилось скопление фаунистических материалов (в т. ч., кости конечностей парнокопытных, сохранивших анатомический порядок, фрагменты колотых трубчатых костей и костная труха) (рис. 11).

Анализ распределения каменного инвентаря показал взаимосвязанное расположение нуклеусов и скоплений отходов дебитажа (рис. 12, 13). Обработка камня носила ситуационный характер и была направлена на восполнение необходимого оружейного набора, поэтому утилизации подвергались как принесенные в форме нуклеусов запасы минерального сырья, так и гальки с берега рек (Енисей, Кача).

Процесс первичного расщепления был направлен на получение крупных пластин и сколов, которые использовали в качестве оружейных основ. В этом случае рабочие кромки подвергались минимальной модификации краевой разнофасеточной нерегулярной ретушью. Изначально имеющие тонкие острые кромки снятия – отщепы или фрагменты пластин, использовали без дополнительной обработки. На сохранившихся изделиях выделяются участки с заполировкой и мелкой утилитарной ретушью края.

Наиболее компактная группа из 57 орудий располагалась в кв. 100–105, Р–Ф (рис. 14). Здесь были найдены: предметы с резцовыми кромками (4 экз.); скребки (18 экз.); отщепы с ретушью (12 экз.); целые (6 экз.) и фрагменты (13 экз.) пластин с ретушью; абразив; ретушеры (2 экз.); галечный отбойник и фрагменты битых галек (6 экз.). Рядом располагались нуклеусы (6 экз.), нуклевидные изделия и обломки (4 экз.); целые (28/11) и фрагменты (49/29) пластин/микропластин, скопление отщепов (404) и чешуек (365).

пать в качестве разделочных ножей и резцов для расчленения костей, срезания мяса. Массивные рубящие орудия и отбойники – для раскалывания кости, извлечения костного мозга. На интенсивность приложения силы в процессе работы указывает большая доля фрагментированных орудий на пластинах, с преобладанием поперечного излома.

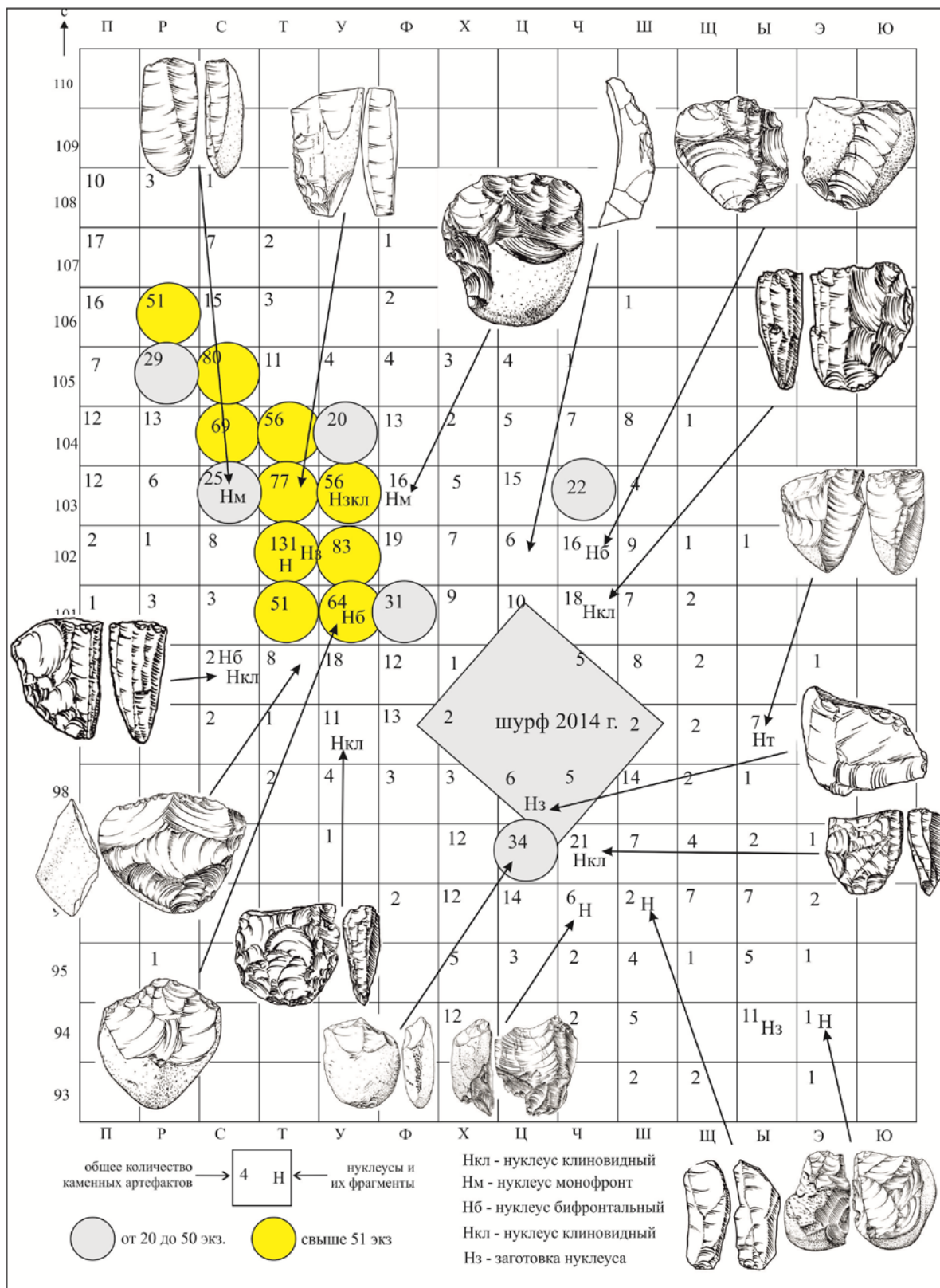

Рис. 12. Стоянка Крутая. Основной культурный слой (3): схема распределения нуклеусов и продуктов дебитаж.

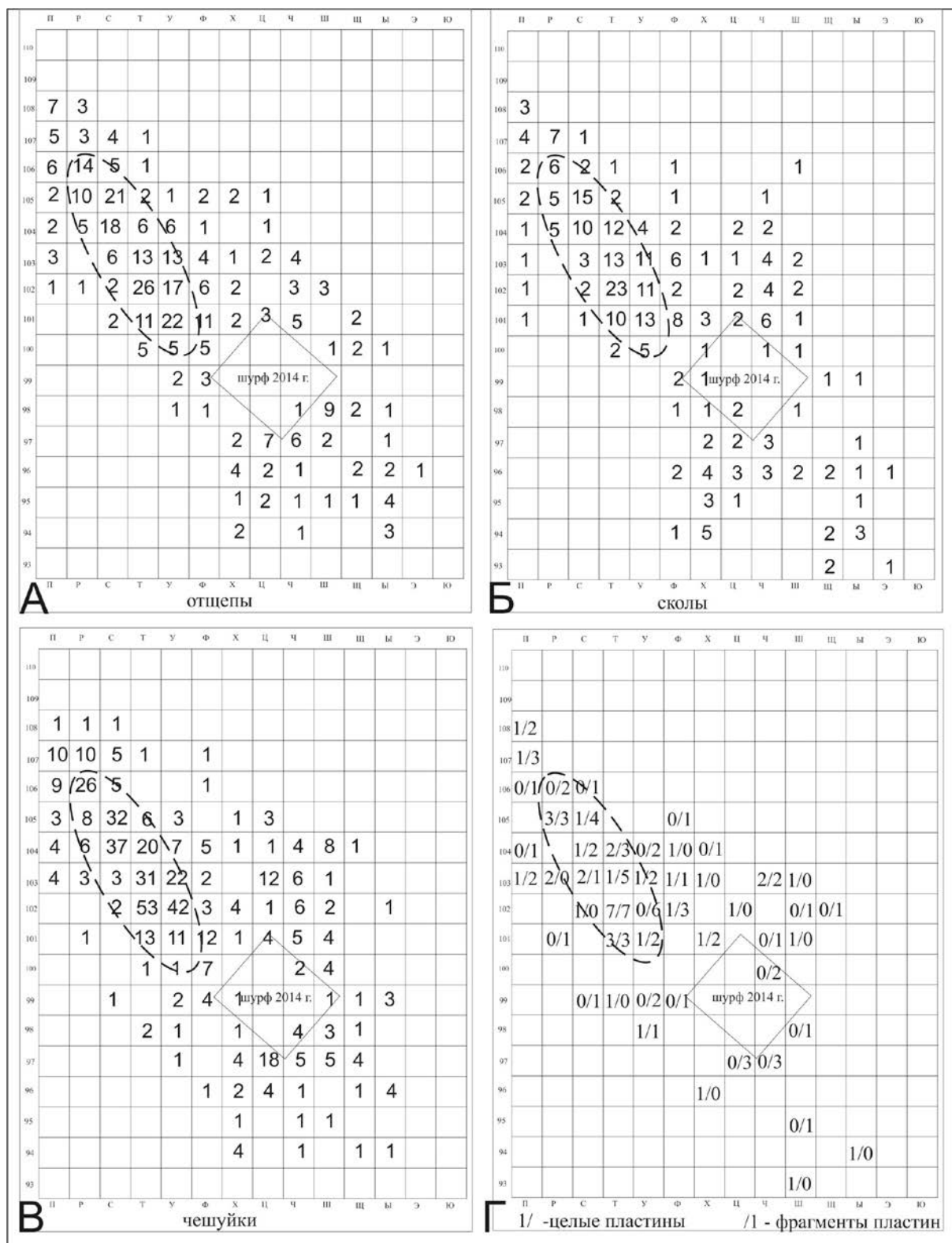

Рис. 13. Стоянка Крутая. Основной культурный слой (3): распределение каменного дебитажа по категориям.

Закключение

Анализ материалов стоянки Крутая позволяет сделать ряд предварительных выводов, свидетельствующих в пользу неоднократного использования данной территории древними людьми для организации кратковременных охотничьих лагерей.

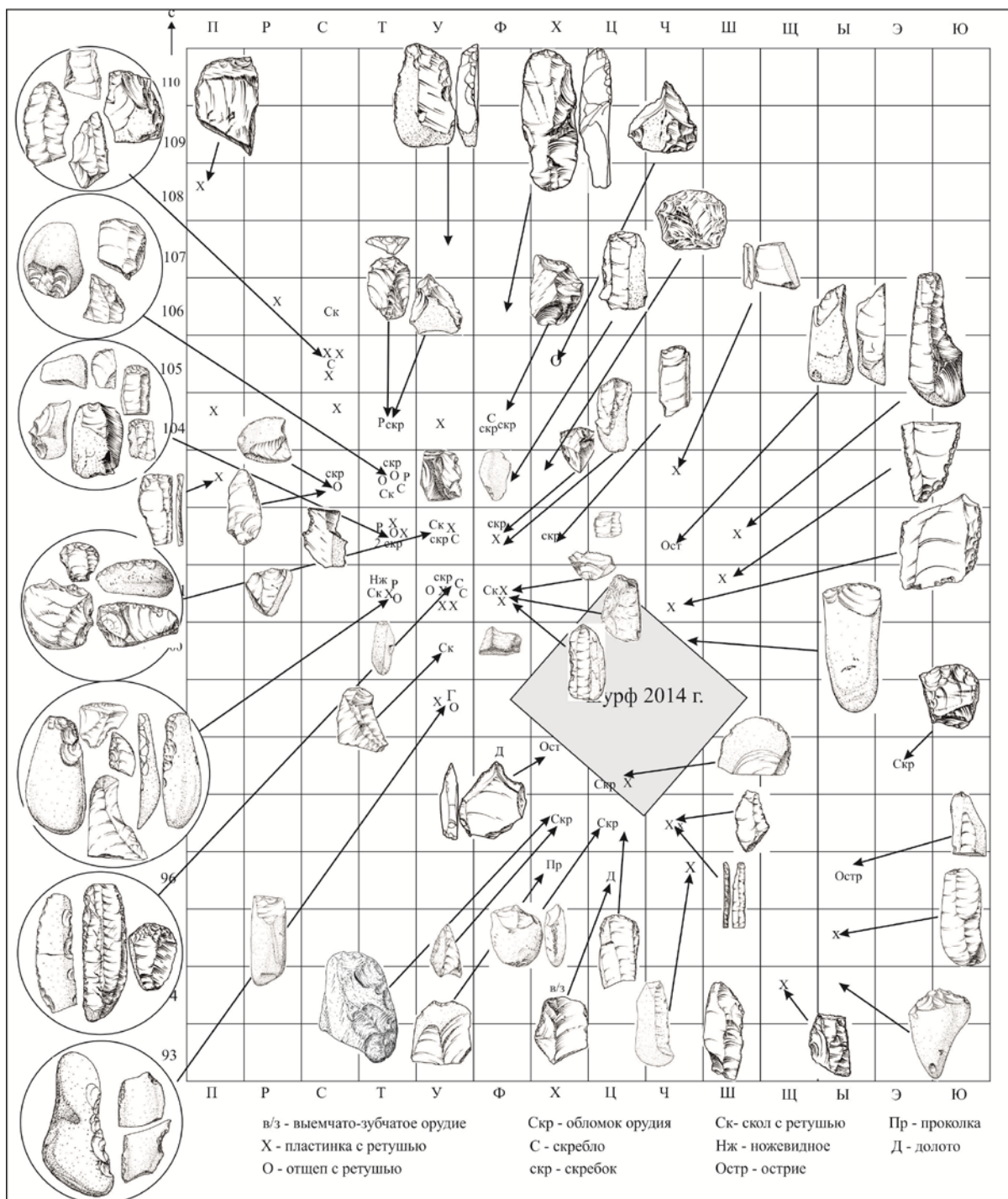

Рис. 14. Стоянка Крутая. Основной культурный слой (3): схема расположения всего комплекса орудий.

Состав фаунистических остатков коллекции к. с. 3 в границах проанализированного участка стоянки Крутая показывает, что главным направлением деятельности древних поселенцев являлась охота на северного оленя. Отдельные экземпляры костей марала, бизона и крупных копытных дополняют картину о промысловом составе фауны. Данные о сезоне гибели животных подтверждают вывод о неоднократности использования территории в качестве места организации кратковременных охотничьих стоянок.

Контекстуальные признаки выявляют хронологическую последовательность функционирования лагерей. Реконструкция древнего рельефа

показывает, что первые оставившие следы пребывания охотники выбрали для стоянки внутренний выположенный участок межсклоновой ложбины, защищенный более крутым бортом с северной стороны. Можно предположить, что в данной ситуации ими учитывались удобство площадки, роза ветров и направление солнечной экспозиции. При неоднократности выбора места данные анализа ростовых слоев в цементе и дентине зубов млекопитающих указывают на функционирование на уровне этой площадки лагерей в весенне-летний период.

Хронологически поздний эпизод обитания соотносится с участком северного склона ложбины. Расположение артефактов показывает, что он занимал место выше предыдущего лагеря по гипсометрическому уровню и был связан с охотничьей деятельностью в осенне-зимний сезон.

Судя по составу костных остатков, на место стоянок приносились части туш добытых животных. Для разделки и утилизации пищевых ресурсов использовались каменные орудия относительно крупных размеров, с преобладанием рабочих кромок, совмещающих резцовые и скребковые функции. В составе орудий большую долю составляли первичные и полупервичные пластины, сколы и отщепы с ретушью. Заметная роль отводилась скреблам и скребкам. Потребность в восполнении орудийного набора компенсировалась ситуационным расщеплением принесенных в оформленном виде нуклеусов и подобранного галечного сырья.

Характер слома оставленных орудий свидетельствует о значительном приложении силы, что, среди прочих причин, могло быть обусловлено поспешностью действий или ограниченностью времени, отведенного на выполнение конкретных операций. В контексте исследованной площади памятника не было выявлено мест, предназначенных непосредственно для отдыха и обогрева, наличие которых предполагает организация временных стоянок. Отмеченные в ходе расчистки культурных напластований углистые пятна и вкрапления углей косвенно указывают на использование огня, но зафиксировать достоверные остатки кострищ в процессе раскопок не удалось.

Из толщи культуросодержащих отложений по уровню залегания «выпадали» зафиксированные по южной линии квадратов раскопа отдельные находки костей плейстоценовой фауны, найденные в верхней части интенсивно карбонатизированного суглинка, толща которого артефактов не содержала. Анализ стратиграфического контекста и геоморфологии разреза участка указывали на процесс переотложения данных артефактов со стороны юго-западного борта палеоложкины, что определяло их принадлежность к самостоятельному эпизоду обитания, хронологически более раннему по отношению к основному скоплению материалов. Именно на этом участке раскопа стратиграфический разрез включал сохранившуюся древнюю часть отложений с фиксируемыми проявлениями процессов солифлюкции и криогенеза.

По общему облику артефактов индустрия носит безусловно пластинчатый характер. Её своеобразие определяется сравнительно крупными размерами скалываемых пластин, наличием представительной коллекции

галечных орудий, использованием технологии снятия микропластин и микроинвентаря.

В результате археологического обследования стоянки Крутая в 2017 г. были получены данные, значительно корректирующие имеющуюся информацию по характеру осадконакопления в эпоху плейстоцен-голоцена в данном районе, особенностях залегания культуровмещающих геологических отложений. Получена в определенном отношении уникальная коллекция археологических и фаунистических материалов. Изложенные в настоящей работе выводы являются предварительными и предполагают более полное их обобщение в дальнейших публикациях.

Список литературы

Александрова М.В. Некоторые замечания по теории палеолитического культурного слоя. – КСИА. Вып. 202. – М.: Наука, 1990. – С. 4–8.

Амирханов Х.А. Стоянка Зарайск А: характеристика объектов третьего культурного слоя // Исследования палеолита в Зарайске 1999–2005 / Под ред. Х.А. Амирханова. – М.: Палеограф, 2009. – С. 15–35.

Артемьев Е.В. Отчет о проведении предварительного археологического обследования на территории объекта «Строительство автодороги в створе ул. Волочаевская от ул. Дубровинского до ул. Копылова в г. Красноярске в 2014 г. – Красноярск, 2015 г. – 247 с.

Артемьев Е.В. Отчет об археологических раскопках на выявленном объекте археологического наследия «Красноярск. Стоянка Крутая» в 2017 г. В 9 т. – Красноярск, 2018. – Т. 1 (244 с.), Т. 3 (226 с.), Т. 5 (224 с.), Т. 6 (217 с.), Т. 7 (209 с.).

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. – Новосибирск: Наука, 2010. – 210 с.

Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. – М.: Наука, 1988. – 288 с.

Леонова Н.Б. Длительность обитания на верхнепалеолитических стоянках. – Проблемы палеоэкологии древних обществ: сб.ст. – М.: РОУ, 1993. – С. 74–99.

Леонова Н.Б. Культурный слой – возможности реконструкции систем природопользования и жизнеобеспечения // Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века: тез. конф. – СПб.: СПбГУ, 2011. – С. 68–72.

Леонова Н.Б. Современное палеолитоведение: методы, концепции, подходы: Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1994. – 264 с.

Разгильдеева И.И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. – Чита: ЗабГУ, 2018. – 208 с.

Сычева С.А., Леонова Н.Б., Узанов А.А., Александровский А.Л., Пустовойтов К.Е. Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений. Полевые исследования: схема описания и отбор образцов. – М.: МГУ, 1998. – 59 с.

Burke A., Castanet J. Histological Observations of Cementum Growth in Horse Teeth and their Application to Archaeology // Journal of Archaeological Science. Vol. 22, № 4. 1995. P. 479–493.

Gordon B.C. Archaeological seasonality using incremental structures in teeth. Annotated bibliography. Zooarchaeol. Res. News. Spec. Publ. 1991. P. 151.

Landon D.B. Testing a seasonal slaughter model for colonial New England using tooth cementum increment analysis // Journal of Archaeological Science. № 20. 1993. P. 439–455.

Lieberman D.E. Life history variables preserved in dental cementum microstructure // Science № 261. 1993. P. 1962–1964.

Образцова А.В.¹, Заика А.Л.¹, Халтаева А.Ю.²

¹*Красноярский государственный педагогический университет им.*

В.П. Астафьева, Красноярск

zaika_al@mail.ru

²*ООО «Красноярская Геоархеология», Красноярск*

ЕНИСЕЙСКАЯ ПИСАНИЦА

Аннотация: Енисейская писаница – один из наименее изученных объектов археологического наследия Хакасско-Минусинской котловины. Петроглифы встречаются на протяжении 0,4 км, зафиксированы на 56 плоскостях. В общей сложности зафиксировано 113 зооморфных изображений, 82 антропоморфных фигур, 16 всадников и 71 чашевидное углубление. Петроглифы охватывают широкие хронологические рамки, начиная с эпохи неолита и заканчивая Новым временем. Енисейская писаница являлась древним святилищем на протяжении 3 тыс. лет. Изображения чашевидных углублений, сконцентрированные в гроте на восточной окраине Енисейской писаницы I, могли нести культовую функцию во время проведения ритуалов, связанных с жертвоприношениями, а сам грот мог служить святилищем. Не случайны также на писанице изображения шаманов с бубнами. Культовая значимость объекта подтверждается обширными древними могильными комплексами в подножии скального массива.

Ключевые слова: Петроглифы, антропоморфная фигура, ранний железный век, средневековье, плоскость, поза внезапной остановки, грот, шаман, чашевидные лунки.

Obraztsova A.V.¹, Zaika A.L.¹, Khaltaeva A.Yu.²

¹*Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafieva, Krasnoyarsk*

²*Krasnoyarsk Geoarcheology, Ltd., Krasnoyarsk*

YENISEI PISANITSA

Resume: Yenisei Pisanitsa is one of the least studied objects of the archaeological heritage of the Khakass-Minusinsk basin. Petroglyphs occur within 0.4 km, and are recorded on 56 planes. A total of 113 zoomorphic images, 82 anthropomorphic figures, 16 riders and 71 Cup-mark recesses were recorded. The petroglyphs cover a broad chronological framework, beginning with the Neolithic and ending with the Modern history. Yenisei petroglyphs were an ancient sanctuary, since the role of the era, ending with the ethnographic modernity. Images of cup-mark depressions concentrated in the grotto on the Eastern edge of the Yenisei petroglyphs I could carry a cultic function during the rituals connected with sacrifices, and the grotto could serve as a sanctuary. Images of shamans with tambourines on the petroglyphs are no coincidence either. The cult significance of the object is confirmed by extensive ancient burial complexes at the foot of the rock mass.

Keywords: Petroglyphs, anthropomorphic figure, early iron age, middle ages, plane, pose sudden stop, the grotto, shaman, cup-marks.

Введение

Хакасско-Минусинская котловина чрезвычайно насыщена памятниками древнего наскального искусства. Несмотря на длительную историю их изучения, ряд объектов стали известны для науки сравнительно недавно. Исследования, например, Енисейской писаницы начинаются только с

70-х гг. XX в. Первым, кто обследовал данные петроглифы, был Н.В. Леонтьев (1974, 1977, 1980 гг.) [Вадецкая, 1986, с. 164], затем писаницу исследовала И.Д. Русакова (1990, 2004 гг.), обозначив ее как «Ильинская II» [Леонтьев, Русакова, 2003–2004]. Плоскости эпохи поздней бронзы изучались в 2006 г. О.В. Ковалевой [Ковалева, 2011, с. 81].

Рис. 1. Карта-схема расположения Тесинского археологического района.

В августе 2016 г. была организована совместная экспедиция сотрудников КГПУ им. В.П. Астафьева и Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова, с целью сбора данных для постановки на учет данного памятника археологического наследия. Были определены границы объекта, проведена индексация и выборочная фотосъемка наскальных рисунков. В июле 2017 г. археологическим отрядом КГПУ им. Астафьева были произведены работы по фото- и топосъемке, копировке петроглифов на всей площади памятника (рис. 2).

Енисейская писаница находится в Минусинском районе Красноярского края в долине р. Иня (левый приток р. Тубы), в 1,5 км к северо-востоку от с. Прихолмье и в 5 км к юго-западу от с. Тесь (рис. 1, 3). Петроглифы находятся на южном склоне горы (абсолютная высота 550 м), сложенной девонскими песчаниками на верхнем ярусе скальных обнажений на высоте 50 м от подножия. Юго-западные склоны горы разрушены во время каменоломных работ 1930-х г., в результате чего, вероятно, была уничтожена часть рисунков [Леонтьев, Русакова, 2003–2004, с. 34].

Рис. 2. Работа по копированию петроглифов на Енисейской писанице: зарисовка, снятие копий на микалентную бумагу.

Петроглифы встречаются на протяжении 0,4 км, зафиксированы на 56 плоскостях и территориально дифференцируются на 2 участках: Енисейская писаница I (46 плоскостей) и Енисейская писаница II (10 плоскостей).

Плоскости с наскальными рисунками вертикальные (кроме плоскости 7

Рис. 3. Карта-схема расположения Енисейской писаницы (границы памятника).

Енисейской писаницы II). Основная часть рисунков выполнена в технике выбивки, реже – гравировки. Изображения в основном обращены на юг и юго-восток. В общей сложности зафиксировано 113 зооморфных изображений, 82 антропоморфных фигуры, 16 всадников и 71 чашевидное углубление.

Енисейская писаница I

Плоскость 1 (высота 0,72 м, ширина 3,7 м) вертикальная, ориентирована на ЮЗ (аз 40°), расположена на западной оконечности писаницы. Изображения расположены у подножия. В общей сложности на плоскости фриза выявлено 12 антропоморфных фигур и 16 зооморфных изображений (олени). По центру левой части фриза глубокой крупной выбивкой выполнены: два оленя, козел и всадник на лошади с отличительной особенностью – дугообразным знаком в передней части туловища животных. Также у лошади выделена линия рта (деталь упряжи?), и, возможно, подвязан хвост (рис. 4:2-6).

Плоскость 2 (высота 1,1 м, ширина 1,2 м) расположена в 23 м к востоку от плоскости 1 на локальном выступе скальных пород, на высоте 1 м от подножия. Справа она ограничена вертикальной трещиной, слева – уступом скальных обнажений, в основании имеет площадку шириной 0,8 м. Плоскость вертикальная, обращена на ЮЗ (аз. 130°), сравнительно ровная, немного вогнутая. В правой части плоскости выявлено изображение головы и шеи лошади (рис. 5). Фигура животного обращена в левую сторону. Рисунок контурный, выполнен тонкой гравированной линией.

Рис. 4. Енисейская писаница I. 1- плоскость 40б; фрагменты плоскостей: 2,3,4,5,6 – плоскость 1; 7 – плоскость 6; 8 – плоскость 11; 9 – плоскость 31; 10 – плоскость 25в.

Плоскость 3 (высота 0,6 м, ширина 0,4 м) находится ниже и левее плоскости 2 на том же скальном обнажении под уступом на расстоянии 0,8 м. Плоскость вертикальная, обращена на ЮЗ (аз. 130°) сравнительно ровная, повреждена горизонтальными, тонкими трещинами. На высоте 0,2 м от подножия изображены две линейные зооморфные фигуры, выполненные выбивкой, ориентированные в правую сторону. В центре плоскости выявлено животное в статичной позе, с крупной прямоугольной го-

ловой. Правее зафиксировано изображение животного в позе внезапной остановки, с выраженной линией ротовой полости.

Плоскость 5 (высота 0,25 м, ширина 0,4 м) расположена в 12 м к востоку от плоскости 2, слева ограничена трещиной, справа – плоскостью 6. Плоскость находится на высоте 0,5 м от подножия, вертикальная, обращена на юг (аз. 84°). В правой части плоскости выявлено схематичное линейное изображение, выполненное выбивкой, и представляет собой две горизонтальные линии, соединенные в правой части широкой выбитой чертой.

Плоскость 6 высотой 0,25 м и шириной 0,4 м расположена в 12 м к востоку от плоскости 2, на локальном выступе скальных пород, слева ограничена плоскостью 5, справа – тонкой вертикальной трещиной. Плоскость находится на высоте 0,5 м от подножия, вертикальная, экспонирована на ЮВ (аз. 40°). На данной плоскости изображены 5 зооморфных фигур и всадник, обращенные вправо. В левой и правой части плоскости находятся линейные изображения трех животных в позе внезапной остановки. В центральной и нижней части композиции расположены силуэтные изображения: всадник с луком, фигура неопределенного животного и олень (рис. 4:7), выполненные грубой выбивкой.

Плоскость 6/7 (высота 0,4 м, ширина 0,5 м) находится на высоте 0,8 м от подножия. Плоскость обращена на юг (аз. 280°). Изображены три трудноопределимых знака.

Плоскость 7 (высота 0,3 м, ширина 0,5 м) представляет собой верхнюю часть скального обнажения, слева ограничена выломом, справа – осыпью пород, в основании имеет площадку шириной 0,2 м, экспонирована на ЮВ (аз. 80°). На высоте 0,8 м от подножия зафиксированы фигуры животного и человека, выполненные выбивкой. В левой части плоскости выявлено силуэтное изображение зооморфной фигуры в статичной позе, обращенной влево. В правой части композиции расположена фронтальная фигура человека. Плоскость повреждена горизонтальными трещинами и выломами.

Плоскость 8 (высота 0,4 м, ширина 0,6 м) находится в 0,3 м от плоскости 7 в нижней правой части того же скального обнажения, справа ограничена уступом, слева – естественными неровностями скального массива, на высоте 0,15 м от подножия обращена на ЮВ (аз. 45°). В правой части плоскости выявлено контурное изображение всадника, ориентированного в левую сторону, выполненного точечной выбивкой. Голова лошади частично отсутствует по причине вылома скальных пород.

Рис. 5. Плоскость 2. Енисейская писаница I.

Плоскость 9 (высота 0,3 м, ширина 0,3 м) расположена в 6 м к востоку от плоскости 8, на высоте 0,9 м от подножия обращена на юг (аз. 80°). Рисунок представляет собой выбитую горизонтальную линию. В левой части к ней снизу примыкает короткая вертикальная линия.

Плоскость 10 (высота 0,2 м, ширина 0,3 м) расположена в 1 м от плоскости 9, на высоте 1,35 м от подножия обращена на ЮВ (аз. 210°), справа она ограничена выломом, слева – тонкой горизонтальной трещиной. В правой верхней части выбит знак тамбовидного типа, правее зафиксирован фрагмент линейного изображения, поврежденный выломом скальных пород.

Плоскость 11 высотой 0,4 м, шириной 1,25 м расположена в 4 м к востоку от плоскости 10 на высоте 0,3 м от подножия. Слева она ограничена широкой щелью, справа – выломом скальных пород, обращена на ЮЗ (аз. 110°). На плоскости выполнены выбивкой 6 зооморфных изображений, одна антропоморфная фигура и тамбовидный знак. В центре плоскости представлено крупное, контурное изображение оленя, обращенного вправо. У него длинное туловище, в головной части выделена линия рта, показан глаз и ветвистые рога. Под крупом животного выбит знак. В левой части композиции зафиксирована контурная фигура обращенного вправо оленя, показанного в позе внезапной остановки. У него крупная треугольная голова с выделенной линией рта и ветвистыми рогами (рис. 4:8). Ниже и левее фигуры оленя выполнено грубой выбивкой силуэтное изображение животного, обращенного влево. Между ними выбита фронтальная фигура человека, к голове которого примыкает диагональная линия (косичка?). Правая часть плоскости отделена от основной композиции выломом скальных обнажений и трещиной, на ней зафиксированы три силуэтные фигуры животных, обращенных вправо.

Плоскость 12 (высота 0,4 м, ширина 1,5 м) находится в 31,5 м к востоку от плоскости 11. Справа она ограничена выломом, слева – широкой щелью. Плоскость обращена на ЮВ (аз. 60°). На высоте 1,2 м от подножия выявлены зоо- и антропоморфные фигуры, выполненные выбивкой (рис. 6). Центральную часть плоскости занимают крупные, контурные изображения голов двух быков, ориентированные в правую сторону, с выделенной линией рта. Между ними выявлена фронтальная фигура лучника и линейное изображение животного с сильным прогибом спины, коротким хвостом и согнутыми конечностями. Под головой правого быка расположены две фигуры людей: одна показана вертикально, к ее руке примыкает голова горизонтально изображенного человека. Правее головы быка выявлено изображение всадника, обращенного влево. Композиция покрыта неравномерным скальным загаром.

Плоскость 13 (высота 0,5 м, ширина 0,6 м) расположена в 11 м к востоку от плоскости 12, на высоте 1,2 м от подножия, обращена на ЮЗ (аз. 120°). Рисунок выполнен редкой точечной выбивкой. Представлена фигура животного, обращенная влево. Рядом с ней зафиксированы следы хаотичной выбивки.

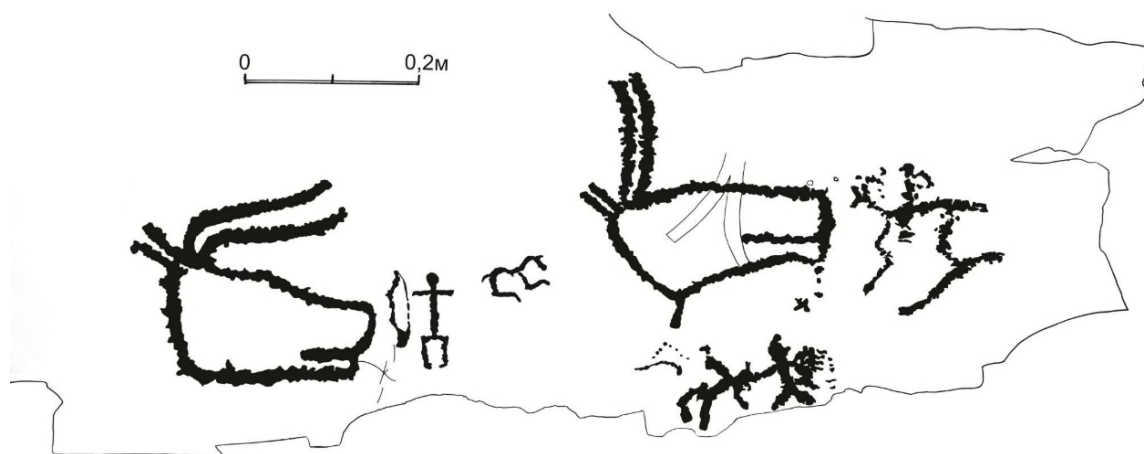

Рис. 6. Плоскость 12. Енисейская писаница 1.

Плоскость 14 (высота 0,4 м, ширина 0,25 м) находится на высоте 1 м от подножия, в 1 м от плоскости 13, справа граничит с плоскостью 15, слева – ограничена выломами скальных пород, обращена на ЮЗ (аз. 130°). В центральной части плоскости изображены две антропоморфные фигуры в своеобразных головных уборах.

Плоскость 15 (высота 0,35 м, ширина 0,2 м) расположена правее плоскости 14, на высоте 1 м от подножия, обращена на юг (аз. 90°). В центральной части композиции выявлены два изображения фигур людей в своеобразных позах, в головных уборах, отличающихся от наголовий фигур на плоскости 14.

Плоскость 16 (высота 0,4 м, ширина 1,1 м) расположена в 4,5 м к востоку от плоскости 15, на высоте 0,7 м от подножия ограничена с обеих сторон выломами, обращена на ЮВ (аз. 225°). В левой части плоскости расположено контурное, зооморфное изображение трудноопределимого животного, ориентированного вправо, выполненного грубой выбивкой. В центре плоскости находится силуэтная фигура человека. Изображение животного слева частично перекрыто современной краской.

Плоскость 17 (высота 0,75 м, ширина 0,65 м) находится на расстоянии 12,5 м от плоскости 16, на высоте 0,2 м от подножия. Плоскость ограничена справа выломом скальных пород, слева – горизонтальной трещиной, достаточно широкой у основания. Обращена плоскость на юг (аз. 90°). Зафиксирована многофигурная композиция: 8 силуэтных, зооморфных изображений в позе внезапной остановки (некоторые из них имеют гипертрофированные хвосты). В центре плоскости расположено две фигуры неопределенного вида. Поверхность плоскости покрыта однородным слоем скального загара.

Плоскость 18 (высота 0,6 м, ширина 0,6 м) расположена в 1,5 м к востоку от плоскости 17, сверху ограничена небольшим карнизом, справа – тонкой, горизонтальной трещиной, слева – естественными неровностями скальных обнажений. Плоскость находится на высоте 0,5 м от подножия, немного вогнутая, обращена на ЮЗ (аз. 280°). На плоскости изображена линейная фигура животного (козла?), выполненная грубой выбивкой.

Плоскость 19а (высота 0,75 м, ширина 0,8 м) расположена в 8,5 м к востоку от плоскости 18, обращена на ЮВ (аз. 235°). Слева она ограничена уступом, справа – плоскостью 19б. На высоте 0,4 м от подножия находится 4 антропоморфные фигуры и одна зооморфная, выполненные выбивкой. В левой части плоскости выявлено крупное, линейное изображение человека. В центральной части представлены две фигуры людей в динамичной позе, со специфическими головными уборами (уши, косички?), у них в одной руке показан Т-образный предмет (чекан?), вторая согнута и упирается в область талии. Под ними расположено животное в статичной позе. В правой части плоскости находится идентичная фигура человека (рис. 7).

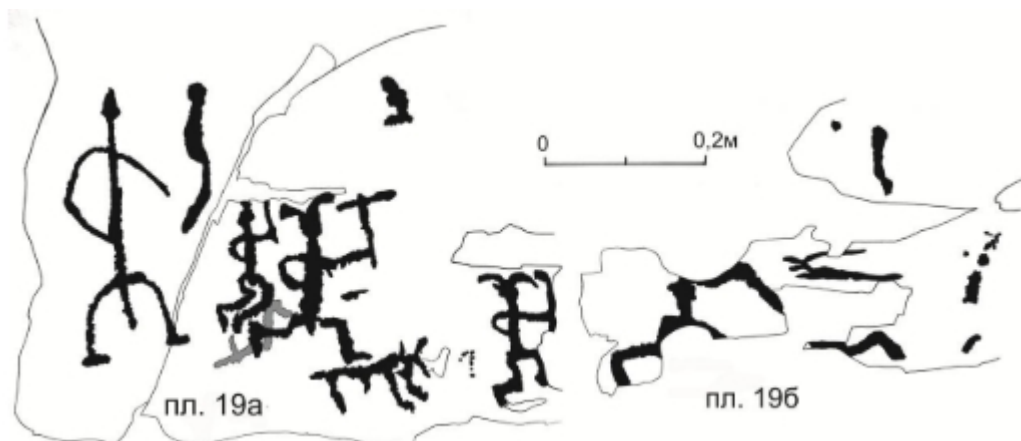

Рис. 7. Плоскость 19а, 19б. Енисейская писаница 1.

Плоскость 19б (высота 0,4 м, ширина 0,6 м), обращена на ЮВ (аз. 235°). Слева она ограничена горизонтальной щелью и плоскостью 19а, справа уступом (рис. 7). На высоте 0,4 м от подножия зафиксирована трудно-определимая выбивка. Плоскость покрыта многочисленными выломами скальной породы.

Плоскость 20 (высота 0,3 м, ширина 1,1 м) находится на расстоянии 16 м к востоку от плоскости 19, обращена на ЮВ (аз. 30°). На высоте 0,75 м от подножия изображены три антропоморфных фигуры и пять чашеобразных лунок. В центре нижней части композиции расположены две фигуры людей в динамичной позе, обращенные вправо, с продолговатыми предметами в руках. Правее зафиксирована фронтальная фигура человека. В левой части плоскости выявлены 5 чашевидных лунок.

Плоскость 21а (высота 0,25 м, ширина 0,4 м) расположена в 5 м к востоку от плоскости 20. Справа она ограничена уступом, слева – выломом скальных пород, обращена на юг (аз. 85°). На высоте 0,5 м от подножия зафиксировано изображение креста, выполненное выбивкой.

Плоскость 21б (высота 0,4 м, ширина 0,4 м) расположена в 0,15 м правее плоскости 21а, на высоте 0,5 м от поверхности земли, обращена на ЮВ (аз. 20°). Слева она ограничена выломом, справа – плоскостью 22б. Выявлена антропоморфная фигура с длинными ногами. Поверхность изображения пересекает тонкая, горизонтальная трещина. Часть левой ноги фигуры человека повреждена выломом скальных пород.

Плоскость 22а (высота 0,2 м, ширина 0,4 м) находится в 0,1 м от плоскости 21а, справа ограничена щелью, слева – выломом пород, обращена на ЮЗ (аз. 120°). На высоте 0,8 м от подножия изображена предположительно зооморфная фигура, обращенная влево. Поверхность изображения пересекается тонкими горизонтальными трещинами и покрыта патиной.

Плоскость 22б (высота 0,25 м, ширина 0,5 м) расположена под небольшим навесом, над которым находится плоскость 22а, на высоте 0,5 м от подножия обращена на ЮЗ (аз. 115°). Слева она ограничена плоскостью 21б, справа – горизонтальной трещиной. Выявлено трудноопределимое изображение, выполненное выбивкой.

Плоскость 23а высотой 0,25 м, шириной 0,7 м находится на расстоянии 5,5 м от плоскости 22б, практически, у подножия, со всех сторон ограничена выломами скальных пород, обращена на ЮВ (аз. 240°). Зафиксированы две зооморфных фигуры, обращенных вправо, и два антропоморфа. В левой части плоскости находится изображение животного в позе внезапной остановки. Фигура выполнена контурно и заполнена различными завитками, голова и шея отсутствует в связи с выломом скальных обнажений. В правой части композиции расположены две фронтальные фигуры людей, между ними находится линейное изображение животного.

Плоскость 24 (высота 0,5 м, ширина 0,5 м) расположена в небольшом гроте, в 1 м от плоскости 23а, обращена на восток (аз. 5°). У подножия изображена антропоморфная фигура с поднятыми вверх руками (рис. 8).

Плоскость 25а (высота 1,1 м, ширина 0,7 м) расположена в гроте, в 1 м от плоскости 24, справа ограничена широкой трещиной и плоскостью 25б, слева – выломом скальных пород, сверху – узкой кривой трещиной. Плоскость находится у подножия, у осыпи земли, обращена на ЮЗ (аз. 110°). Изображены 5 антропоморфных и одна зооморфная фигуры. В центре композиции нахо-

Рис. 8. Плоскость 24. Енисейская пещера 1.

дятся три силуэтных разновеликих рисунка людей («семейный портрет?»), выбитых друг поверх друга. Видимо, сначала был выполнен рисунок ребенка, потом – мужчины, затем – женщины. Другие антропоморфы и изображение зооморфного вида, исполненное редкой точечной выбивкой, выявлены в верхней и в нижней частях плоскости. Плоскость пересекается множеством тонких горизонтальных трещин.

Плоскость 25в высотой 0,5 м, шириной 1,1 м) расположена под плоскостью 25б. Справа она ограничена основанием плоскости 25а, слева – плоскостью 27а. Левая часть плоскости находится у поверхности слабо задернованной каменистой осыпи, правая же часть на высоте 0,5 м образует

навес, под которым расположена плоскость 26. Петроглифы экспонированы на ЮЗ (аз. 210°). Зафиксированы три зооморфные фигуры, ориентированные в правую сторону. В центре композиции выявлено изображение оленя в позе внезапной остановки. Туловище и ноги его выполнены линейно. Гипертрофированный подтреугольный контур головы оленя по-вдоль пересекает линия рта (рис. 4:10). Под фигурой оленя расположены четыре выбитые, волнистые фигуры неопределенного типа. В правой части изображены две статичных линейных фигуры животных.

Плоскость 26 (высота 0,3 м, ширина 0,5 м) расположена под навесом в 0,25 м от плоскости 25в, обращена на юг (аз. 100°), ограничена справа уступом, слева – осыпью, сверху – выломом скальных пород. Изображения, выполненные выбивкой, находятся у самого подножия, представляют собой две зооморфные фигуры, обращенные вправо. В левой части плоскости рисунок контурный, в правой части изображена силуэтная фигура лошади.

Плоскость 27а высотой 0,7 м, шириной 0,65 м, расположена правее плоскости 25в, на высоте 0,75 м от подножия обращена на ЮВ (аз. 65°). Справа она ограничена плоскостью 27б, между ними трещина в ширину 0,1 м. Композиция состоит из пяти всадников (у одного всадника показан лук), козла, и двух фигур животных, обращенных вправо. Рисунки силуэтные, выполнены в технике выбивки. По всей видимости, представлена сцена конной охоты на волка [Леонтьев, Русакова, 2003-2004, с. 35-36]. Плоскость покрыта скальным загаром, по диагонали ее пересекает широкая трещина.

Плоскость 27б (высота 0,75 м, ширина 0,7 м) находится в 0,1 м правее плоскости 27а, на высоте 0,7 м от поверхности земли обращена на юг (аз. 100°), справа ограничена выломом скальных пород. В центре плоскости расположено контурное изображение животного (марал?), ориентированного вправо. Над ним выбита фигура человека с бубном (шаман?). В левой части композиции выявлена силуэтная фигура животного (рис. 9). Плоскость покрыта скальным загаром, ее пересекают две вертикальные трещины.

Рис. 9. Плоскость 27б. Енисейская писаница 1.

ванного вправо. Над ним выбита фигура человека с бубном (шаман?). В левой части композиции выявлена силуэтная фигура животного (рис. 9). Плоскость покрыта скальным загаром, ее пересекают две вертикальные трещины.

Плоскость 27в (высота 0,2 м, ширина 0,35 м) расположена на расстоянии 0,15 м правее плоскости 27б. Плоскость вогнутая, ограничена справа и слева выломами, обращена на ЮВ (аз. 225°). На высоте 1,1 м от подножия изображена антропоморфная фигура с бубном (контур бубна заполнен, более поздней выбивкой).

Плоскость 28 (высота 0,3 м, ширина 0,4 м) расположена на высоте 0,15 м от подножия, слева и права ограничена выломами, обращена на юг (аз. 240°). Путем точечной выбивки выполнена фигура человека. Правая часть изображения повреждена выломом скальных пород.

Плоскость 29 (высота 0,15 м, ширина 0,3 м) находится на расстоянии 1 м от плоскости 28, на высоте 0,1 м от поверхности земли обращена на ЮВ (аз. 130°), слева ограничена широкой трещиной, справа – плоскостью 30. На плоскости путем выбивки изображено несколько трудноопределимых фигур. Плоскость повреждена многочисленными выломами.

Плоскость 30 (высота 0,6 м, ширина 1 м) расположена правее плоскости 29, на высоте 0,1 м от подножия обращена на ЮВ (аз. 80°), справа она ограничена тонкой вертикальной линией. Грубой выбивкой выполнены зоо- и антропоморфная фигуры и несколько трудноопределимых изображений. Плоскость вертикальная, покрыта темным скальным загаром, имеет несколько широких горизонтальных трещин.

Плоскость 31 (высота 1,4 м, ширина 2,5 м) расположена в 10 м к востоку от плоскости 30, на высоте 1 м от подножия (на 2 м выше уровня тропы), обращена на ЮВ (аз. 50°). На плоскости выявлена зооморфная фигура и три всадника, выполненные в технике выбивки. В левой части композиции изображен олень в позе внезапной остановки, обращенный вправо. Фигура оленя выполнена контурно и заполнена различными завитками, в головной части выделена линия рта, показан глаз и ветвистые рога (рис. 4:9; 10). В правой части плоскости выявлены три силуэта всадников, у одного всадника показан лук, и он ориентирован влево, остальные два обращены вправо. Нижняя и правая часть плоскости покрыты лишайником, зафиксированы современные записи.

Рис. 10. Плоскость 31. Енисейская писаница 1.

Плоскость 32 (ширина 1,4 м) находится в 1,5 м ниже плоскости 31, снизу она ограничена осыпью земли, справа – естественными неровностями скального обнажения, слева – осыпью, обращена на юг (аз. 109°). Левая часть плоскости имеет высоту 0,8 м, правая – 1,5 м. В верхней части композиции зафиксирован ряд трудноопределимых знаков. В нижней правой части выявлено контурное зооморфное изображение, туловище животного

частично заполнено грубо выбитыми завитками. Правее, перед головой животного выбита точечными ударами антропоморфная фигура. Плоскость покрыта скальным загаром.

Плоскость 33 (высота 0,3 м, ширина 1,5 м) расположена в 15,5 м к востоку от плоскости 32 в небольшом гроте, на высоте 1,2 м от подножия обращена на ЮЗ (аз. 155°). Справа она ограничена выломом скальных пород, слева – щелью скалы, снизу – горизонтальной трещиной. Изображены три зооморфные фигуры, ориентированные в правую сторону. В центре плоскости расположены два линейных изображения животных, выполненных в технике граффити. В правой части выявлена фигура животного, выполненного выбивкой.

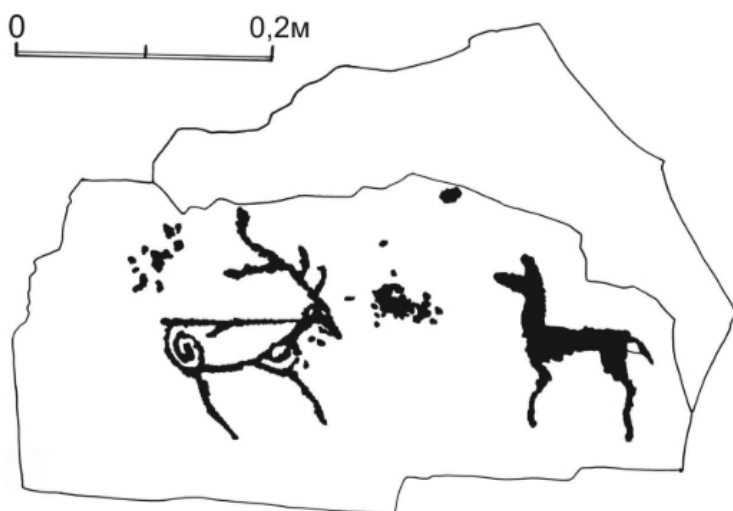

Рис. 11. Плоскость 34. Енисейская писаница 1.

Плоскость 34 (высота 0,6 м, ширина 1 м) расположена к востоку от плоскости 33 на расстоянии 9,5 м, обращена на ЮВ (аз. 20°). Слева она ограничена выломом, справа – уступом, нижнюю ее часть пересекают две горизонтальные трещины, на плоскости выбиты две зооморфные фигуры, обращенные друг к другу головами (рис. 11). В левой части композиции выявлено

контурное изображение оленя, со спиральным завитком в районе крупа. В правой части плоскости расположена силуэтная фигура лошади. Между ними зафиксирован ряд хаотичных точечных ударов.

Плоскость 35 (высота 0,3 м, ширина 0,55 м) находится на расстоянии 0,2 м правее плоскости 34, слева ограничена плоскостью 34, справа – вертикальной трещиной, обращена на ЮЗ (аз. 5°). У подножия зафиксировано изображение животного в позе внезапной остановки, ориентированного в правую сторону.

Плоскость 36а (высота 0,15 м, ширина 0,3 м) расположена в 5 м к востоку от плоскости 35, в 0,5 м левее плоскости 36б, обращена на ЮВ (аз. 35°). На высоте 1,1 м от подножия выявлены два линейных изображения животных, выполненные выбивкой. Фигуры обращены влево.

Плоскость 36б (плоскость 35 по [Ковалева, 2011, с. 97, табл. 11]) высотой 0,4 м и шириной 1,2 м находится на расстоянии 0,5 м от плоскости 36а, обращена на ЮВ (аз. 40 °). На высоте 0,5 м от подножия изображены: одна горизонтальная антропоморфная фигура и 5 зооморфных изображений, выполненные выбивкой. Справа выявлен ряд хаотичных ударов, образующий горизонтальную линию. В центре плоскости расположена одна вертикальная силуэтная фигура крупного животного с массивным туло-

вищем, голова отсутствует по причине вылома скальной породы. В нижней части зафиксированы изображения животных в линейном стиле, в статичной позе, ориентированных в правую сторону (рис. 12). В правой части расположена горизонтальная фигура человека. Поверхность плоскости повреждена выломами, трещинами, отслоениями скальной корочки.

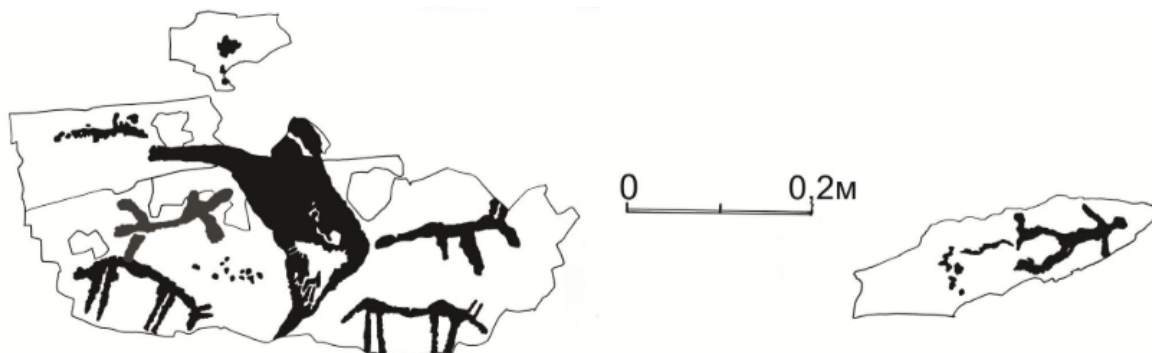

Рис. 12. Плоскость 36б. Енисейская писаница 1.

Плоскость 36в (высота 0,5 м, ширина 0,7 м) расположена правее и выше плоскости 36б на 1,1 м, слева и справа она ограничена выломами, обращена на ЮВ (аз. 30°). На высоте 1,65 м от подножия зафиксированы три фигуры животных, выполненных выбивкой. Левый рисунок силуэтный, ориентирован влево, передняя нога выставлена вперед и оканчивается «шариком», под туловищем, предположительно, зафиксировано еще одно изображение животного меньших размеров. В правой части плоскости рисунок – контурный, обращен вправо. Фрагмент головы и передних конечностей отсутствует, в связи с выломом скальных обнажений.

Плоскость 37 (высота 0,3 м, ширина 0,55 м) находится в 1 м к востоку от плоскости 36в, слева ограничена выломом, справа – уступом, обращена на ЮЗ (аз. 120°). На высоте 1,1 м от подножия выбиты трудноопределимое изображение и фигура животного, обращенного вправо, выполненного в линейном стиле.

Плоскость 38 (высота 0,15 м, ширина 0,30 м) расположена в 2,5 м к востоку от плоскости 37, на высоте 0,25 м от подножия обращена на ЮВ (аз. 20°). На данной плоскости выявлено силуэтное изображение (лошадь?), ориентированное в левую сторону. Правая часть изображения уничтожена по причине вылома скальных пород.

Плоскость 39 (высота 0,2 м, ширина 0,4 м) находится в 1 м правее плоскости 38. Контурное изображение зооморфной фигуры расположено на высоте 0,1 м от подножия, слева ограничено горизонтальной трещиной, экспонировано на ЮЗ (аз. 130 °).

Плоскость 39а (высота 1,1 м, ширина 1,2 м) расположена правее плоскости 39, на высоте 0,75 м от подножия обращена на ЮЗ (аз. 125 °). Слева и справа плоскость ограничена трещинами. В верхней части плоскости изображены силуэтный рисунок всадника и фигура животного, ориентированные в правую сторону. В нижней части выявлены трудноопределимые знаки.

Плоскость 39б (высота 1,5 м, ширина 1,1 м) находится правее плоскости 39а, на высоте 0,75 м от подножия обращена на ЮЗ (аз. 125 °). Слева она ограничена естественными неровностями скалы и трещиной, справа – трещинами и выломами. На плоскости изображено 8 антропоморфных фигур, различных по исполнению, и одна зооморфная фигура. В центре композиции зафиксирован крупный вылом скальной породы.

Плоскость 39в (высота 0,3 м, ширина 0,45 м) расположена правее плоскости 39б, на высоте 0,8 от подножия обращена на ЮЗ (аз. 130°). Зафиксирована горизонтальная фигура человека и под ней – изображение животного. Часть поверхности плоскости покрыта выломами.

Плоскость 40а (высота 0,2 м, ширина 0,25 м) находится в 0,3 м выше плоскости 40б, обращена на ЮВ (аз. 35°). На высоте 2,1 м от подножия изображены гравированные линии (рис. 13:1).

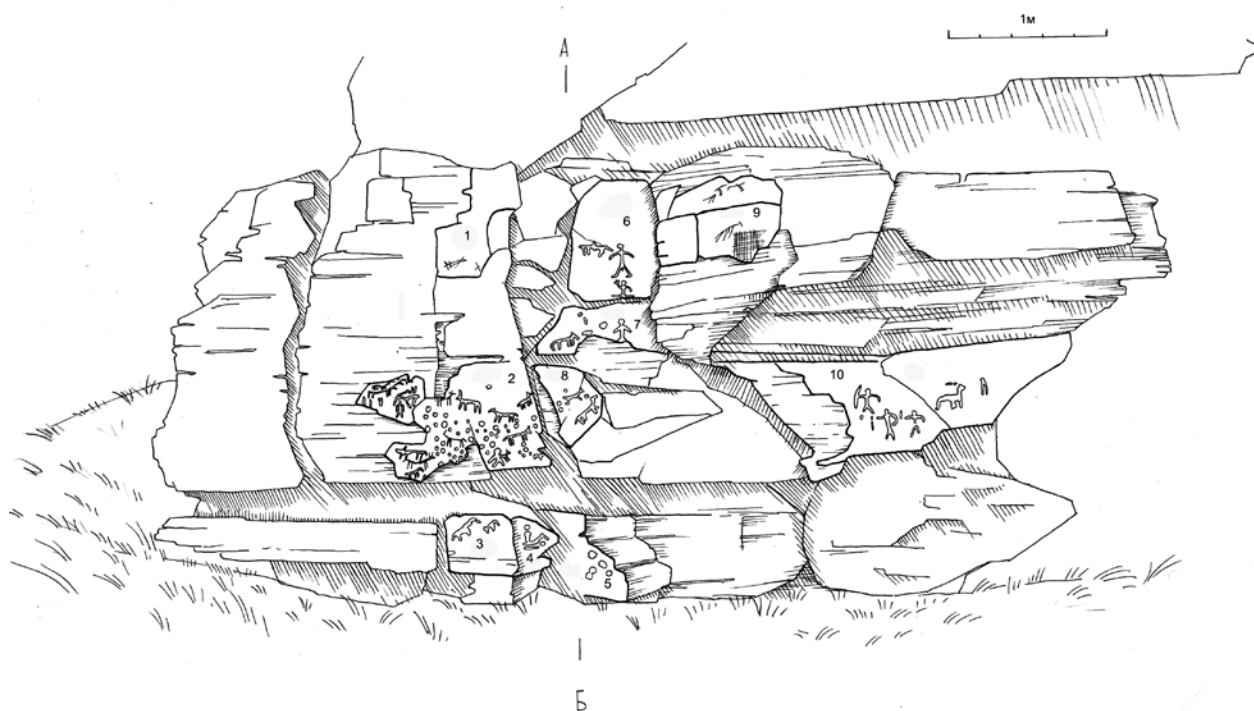

Рис. 13. Енисейская писаница I. Фронтальное изображение гота (прорисовка А.Ю. Халтаевой). 1 – плоскость 40а; 2 – плоскость 40б; 3 – плоскость 40в; 4 – плоскость 40г; 5 – плоскость 40д; 6 – плоскость 41а; 7 – плоскость 41б; 8 – плоскость 41в; 9 – плоскость 42; 10 – плоскость 43.

Плоскость 40б высотой 0,65 м, шириной 0,8 м расположена в 0,4 м выше плоскости 40в, на высоте 1 м от подножия обращена на ЮВ (аз. 20°). Справа она ограничена горизонтальной щелью, слева – выломами скальных пород. На плоскости представлено 56 чашевидных лунок, 14 зооморфных изображений, 4 антропоморфные фигуры. В левой верхней части плоскости изображены 4 фигуры животных с сильным прогибом спины, коротким хвостом и согнутыми конечностями. Ниже выявлена лошадь, выполненная в линейном стиле в технике выбивки и дальнейшей шлифовки. Правее зафиксированы плавные широкие линии, выполненные выбивкой. В левой нижней части изображены три линейные, зооморфные фигуры, две выполнены путем выбивки, одна в технике гравировки. В центре компо-

зиции сконцентрированы чашевидные углубления. Также выявлено два животных, выполненных линейно. В правой части расположены пять фигур животных и одно антропоморфное изображение, перекрывающее животное в линейной манере исполнения, вместо головы человека автор использует одну из чашевидных лунок (рис. 4:1), (рис. 13:2). Поверхность плоскости повреждена многочисленными трещинами и выломами скальных пород.

Плоскость 40в (высота 0,2 м, ширина 0,35 м) расположена на 0,4 м ниже плоскости 40б, справа находится смежная плоскость 40г. На высоте 0,35 м от подножия она обращена на ЮВ (аз. 55°). Изображены: зооморфный силуэтный рисунок, ориентированный в правую сторону, и одна неопределенная фигура, поврежденная выломами (рис. 13:3).

Плоскость 40г (высота 0,2 м, ширина 0,2 м) расположена правее плоскости 40в, обращена на ЮВ (аз. 15°). На высоте 0,35 м от подножия выбит трудноопределимый рисунок (рис. 13:4).

Плоскость 40д (высота 0,15 м, ширина 0,2 м) находится правее плоскости 40г, справа она ограничена уступом, слева – тонкой горизонтальной трещиной, обращена на ЮВ (аз. 110°). На высоте 0,25 м от подножия изображены 7 чашевидных лунок (рис. 13:5).

Плоскость 41а (высота 0,3 м, ширина 0,4 м) расположена в 0,5 м правее от плоскости 40а, на высоте 2 м от подножия обращена на ЮВ (аз. 50°). На данной плоскости выбивкой изображены антропоморфная и зооморфная фигуры (рис. 13:6).

Плоскость 41б (высота 0,4 м, ширина 0,6 м) находится на 0,05 м ниже плоскости 41а, на высоте 1,75 м от подножия обращена на ЮВ (аз. 45°). Представлены две фигуры человека и одно изображение животного (рис. 13:7).

Плоскость 41в (высота 0,5 м, ширина 0,4 м) расположена в 0,03 м от плоскости 41б, на высоте 1,4 м от подножия обращена на ЮВ (аз. 50°). Слева она ограничена вертикальной трещиной, справа – широкой горизонтальной щелью. Зафиксировано несколько чашевидных лунок и два линейных изображения животных, выполненных выбивкой (рис. 13:8).

Плоскость 42 (высота 0,55 м, ширина 0,4 м) расположена в 0,3 м правее плоскости 41а, на высоте 2,1 м от подножия обращена на юг (аз. 220°). Выявлены гравированные линии, в одном случае сгруппированные в сетчатый контур (рис. 13:9).

Плоскость 43 (высота 0,4 м, ширина 0,8 м) находится на расстоянии 0,9 м от плоскости 42, на высоте 1,65 м обращена на ЮЗ (аз. 110°). В правой части плоскости выбивкой изображены 3 антропоморфные фигуры, среди которых присутствует лучник в своеобразном головном уборе. В левой части плоскости выявлен зооморфный силуэтный рисунок, обращенный вправо (рис. 13:10).

Плоскость 44 (высота 0,3 м, ширина 1,1 м) расположена на расстоянии 2,5 м к востоку от плоскости 43, на высоте 0,95 м от подножия она обращена на ЮВ (аз. 10°). Слева плоскость ограничена тонкой трещиной, справа – выломом. В левой части плоскости изображены две силуэтные фи-

гуры вооруженных всадников и зооморфная фигура (волк?), в правой части плоскости – одно животное и одно антропоморфное изображение. Поверхность плоскости повреждена многочисленными трещинами (рис. 14).

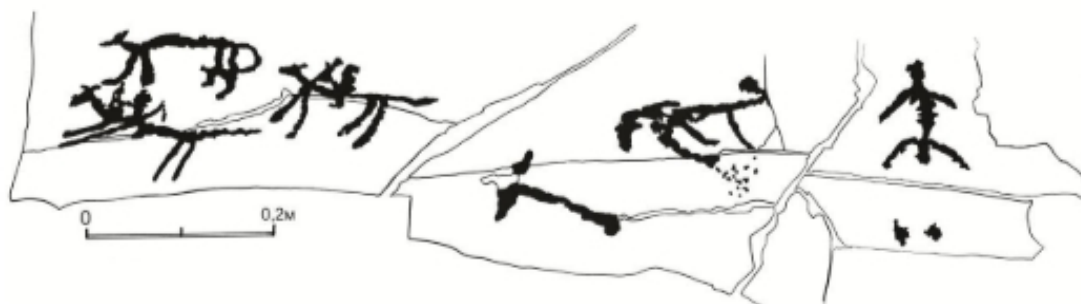

Рис. 14. Плоскость 44. Енисейская писаница 1.

Плоскость 45 (высота 0,5 м, ширина 0,3 м) расположена в 5 м от плоскости 44, на высоте 0,5 м от подножия обращена на юг (аз. 105°). Изображены две вертикальные выбитые линии.

Плоскость 46 (высота 0,15 м, ширина 0,3 м) находится на расстоянии 0,5 м от плоскости 45, на высоте 0,3 м от подножия обращена на юг (аз. 15°). Слева она ограничена выломом, справа – естественными неровностями поверхности скалы. Зафиксирована выбитая зооморфная фигура, обращенная в правую сторону.

Енисейская писаница II

Плоскость 1 (высота 0,5 м, ширина 0,45 м) вертикальная, сравнительно ровная, обращена на юг (аз. 90°). Слева она ограничена вертикальной трещиной, справа – уступом скальных обнажений, в основании имеет площадку шириной 0,5 м. В центральной части плоскости изображен всадник и зооморфная фигура, ориентированные в правую сторону. Композиция перекрывается современной выбитой надписью и изображением человека.

Плоскость 2 (высота 0,3 м, ширина 0,5 м) расположена на верхнем ярусе, на расстоянии 7 м от плоскости 1. На высоте 0,4 м от подножия она обращена на ЮВ (аз 75°). В центральной части плоскости изображена антропоморфная фигура в горизонтальном положении (рис. 15). Плоскость повреждена горизонтальными трещинами.

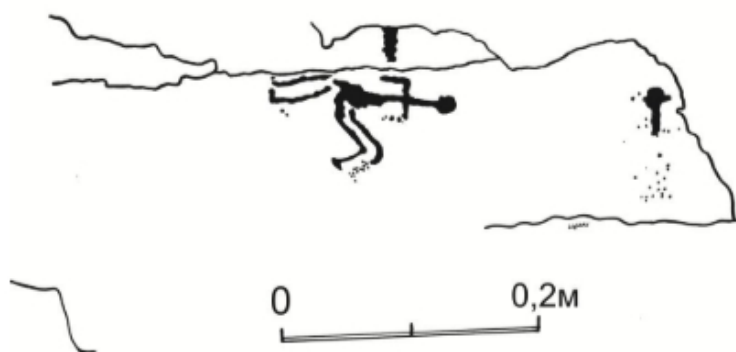

Рис. 15. Плоскость 2. Енисейская писаница 2.

Плоскость 3а (высота 0,35 м, ширина 0,4м) находится на расстоянии 11 м восточнее плоскости 1, на высоте 1 м от подножия обращена на юг (аз 90°). Зафиксировано изображение человека, выполненного выбивкой.

Плоскость 3б (высота 0,35 м, ширина 0,4 м) расположена на 0,3 м ниже плоскости 3а, на высоте 0,55 м от подножия обращена на юг (аз 90°). В центральной части композиции – одно изображение животного, 4 антропоморфа и две, широкие, полукруглые линии, выполненные выбивкой.

Плоскость 4а (высота 0,5 м, ширина 1 м) расположена на верхнем ярусе, на расстоянии 10 м от плоскости 2, на высоте 1,4 м от подножия обращена на запад (аз 6°). В правом верхнем углу выявлена фронтальная фигура человека с очень широким торсом, рука образует изогнутую линию, переходящую в хвост, туловище, шею животного, выполненного линейно. Левее расположено еще одно антропоморфное изображение и ряд точечных хаотичных ударов.

Плоскость 4б (высота 0,3 м, ширина 0,55 м) расположена на верхнем ярусе, ниже плоскости 4а на 0,2 м, на высоте 0,5 м от подножия обращена на запад (аз 8°). В нижней части плоскости выявлена зооморфная фигура, выполненная грубой, редкой выбивкой. В правой части зафиксирован ряд хаотичных ударов.

Плоскость 5 (высота 1 м, ширина 1,2 м) находится в 24 м восточнее плоскости 3, на высоте 0,65 м от подножия обращена на ЮВ (аз 20°). В центральной части плоскости выбито пять силуэтных фигур животных, ориентированных вправо и несколько трудноопределимых изображений.

Плоскость 6 (высота 0,4 м, ширина 1,2 м) расположена над плоскостью 7, на высоте 0,5 от подножия обращена на ЮЗ (аз 110°). В центральной части плоскости выявлено четыре антропоморфных фигуры, выполненных выбивкой. Также тонкой гравированной линией показаны: всадник с луком, лань и два изображения животных. Плоскость повреждена горизонтальными трещинами.

Плоскость 7 (высота 1 м, ширина 0,8 м) находится под плоскостью 6 на расстоянии 0,5 м. Она, практически, горизонтальная, является обвалившимся блоком скальных пород. На ее широкой поверхности выбивкой изображены две антропоморфные фигуры (рис. 16). Рисунки перекрыты современными надписями.

Плоскость 8 (высота 0,2 м, ширина 0,3 м) расположена в 2 м к востоку от плоскости 6, на нижнем ярусе Енисейской писаницы II. Плоскость находится на высоте 0,6 м от подножия, вертикальная, обращена на восток (аз 350°). В центральной части плоскости выявлено схематичное изображение круга, выполненного грубой выбивкой.

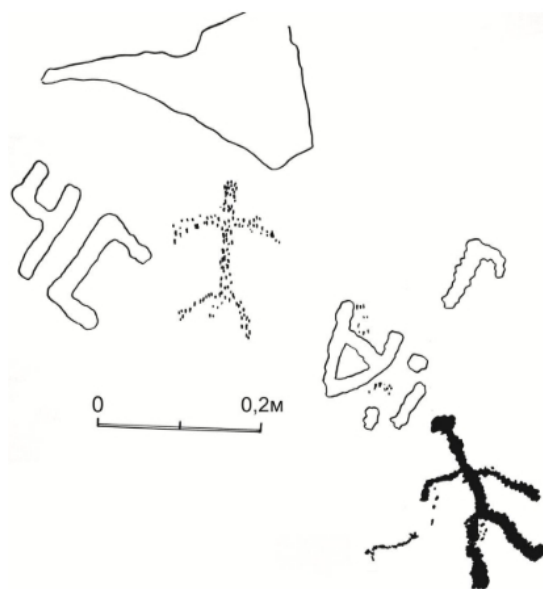

Рис. 16. Плоскость 7. Енисейская писаница 2.

Плоскость 9 (высота 0,3 м, ширина 0,50 м) находится в 6 м восточнее плоскости 8, на высоте 0,5 м от поверхности земли обращена ЮВ (аз 25°). По центру плоскости изображена антропоморфная фигура, предположительно с луком. Плоскость повреждена горизонтальными трещинами.

Плоскость 10 (высота 0,7 м, ширина 0,9 м) расположена на нижнем ярусе скальных обнажений в 1,5 м восточнее плоскости 9, на высоте 0,2 м от поверхности земли экспонирована на ЮВ (аз 30°). В центральной части плоскости выбивкой изображены фигуры человека и животного. В левой нижней части композиции выявлена антропоморфная фигура с широкой линией плеч и расставленными в стороны пальцами рук.

Вопросы хронологии и культурной принадлежности петроглифов

К минусинскому стилю неолитической изобразительной традиции можно отнести зооморфные фигуры на двух плоскостях Енисейской писаницы I. В центральной части плоскости 27б изображен контурный рисунок животного с характерными особенностями: грузный корпус с несколькими точками, выбитыми в ряд вдоль ребер, слабо выраженные вертикальные конечности, маленькая голова с вытянутой вперед мордой (рис. 9). Подобный рисунок, но выполненный силуэтно среднеточечной выбивкой, выявлен на плоскости 36б (рис. 12). Голова фигуры, к сожалению, отсутствует по причине разрушений камня.

К окуневскому культурному хронологическому горизонту эпохи ранней бронзы относятся контурные изображения голов двух быков на плоскости 12. Упоминание о них встречается в публикации Н.В. Леонтьева [Леонтьев и др., 2006, рис. 19, с. 37]. К окуневскому времени можно отнести 71 чашевидные лунки (рис. 4:1), глубиной до 1 см, которые сконцентрированы в восточной части Енисейской писаницы I (плоскости. 20, 40б, 40д, 41в) (рис. 13:2,5,8).

К эпохе поздней бронзы относится ряд изображений, которые можно разделить на стилистические группы. Линейная стилистическая группа петроглифов может сочетаться в одних композициях с изображениями условно-реалистического стиля [Ковалева, 2011, с. 34]. Изображения животных, зафиксированные на плоскости 40б Енисейской писаницы I, выполнены в линейном стиле (рисунки сконструированы прямыми линиями), присутствуют длинные прямые ноги с копытами-«шариками», маленькие уши, узкие головы на длинной шее (рис. 4:1). Зооморфные изображения на плоскостях 19а, 36б, 46, 40б Енисейской писаницы I имеют характерные для условно-реалистического стиля особенности: сравнительно широкий контур туловища, прогиб спины, выступ в районе лопатки (холка) (рис. 13, 5:1).

Большинство петроглифов соотносятся с эпохой раннего железного века. К изобразительной традиции тагарской культуры можно отнести ряд изображений оленей, имеющих общие отличительные черты для этого времени: поза внезапной остановки, заполнение туловища спиралями и завитками, ветвистые рога (рис. 4:2-10). Но, не смотря на сходство, изображения оленей очень разные по технике выбивки, по манере исполнения, многие

фигуры выглядят лишь «пародией на высокохудожественные образцы скифо-сибирского звериного стиля» [Леонтьев, Русакова, 2003–2004, с. 34].

В отдельную группу можно отнести изображения оленей со специфическими чертами – животные с широким контуром головы и выделенной линией рта (плоскости 1, 3, 5, 11, 25в Енисейской писаницы I). Некоторые енисейские изображения животных с утрированным ртом вызывают, по мнению О.С. Советовой, ассоциацию с «масками-навершиями, знакомыми нам по пазырыкским материалам» [Советова, 2007, с. 164] (рис. 4:3,4,7,8-10).

Композиции с изображения людей, относящихся к изобразительной традиции тагарской культуры, очень многообразны. Некоторые изображения представлены фантастическими образами с двумя или тремя выступающими на месте головы, возможно, в своеобразных головных уборах (уши, косячки?) (плоскость 14 Енисейской писаницы I). Данная особенность образа человека также зафиксирована на плоскости с изображением бегущих воинов с чеканами в руках. Изображения воинов в батальных сценах не единичны: на плоскости 12 Енисейской писаницы I выявлена сцена приема захвата воином волос противника. Силуэтные фигуры вооруженных всадников зафиксированы в сцене охоты на волка (плоскости 27а, 44).

В правой нижней части плоскости 40б Енисейской писаницы I выявлена антропоморфная фигура, датируемая средневековьем. Она перекрывает животное, в качестве головы человека автор использует одно из чашевидных углублений (рис. 4:1). Чашевидные лунки отличаются по степени загара, можно предположить, что некоторые лунки обновлялись в позднее время, например, в эпоху средневековья. К средневековой изобразительной традиции также можно соотнести рисунок решетки, выполненный гравированными линиями (рис. 13:9) (плоскость 42 Енисейской писаницы I). С этнографической современностью можно соотнести антропоморфное изображение с бубном (шаман?) (рис. 10). В непосредственной близости с фигурой шамана находится еще одно антропоморфное изображение с бубном, у которого бубен обновлен, более свежей выбивкой, либо добавлен позже (плоскость 27в Енисейской писаницы I). Изображение шеи и головы лошади (рис. 6), выполненное гравированной линией датируется Новым временем.

Заключение

Енисейская писаница, как объект историко-культурного наследия представляет интерес не только своими культурно-хронологическими параметрами, но и чрезвычайным разнообразием изобразительного материала, что предоставляет возможность проследить различные направления в развитии искусства в тот или иной период. Например, своеобразие зооморфных изображений эпохи раннего железа может свидетельствовать о пребывании в данной местности носителей разных художественных школ на определенных этапах развития скифо-сибирского звериного стиля. Бо-

лее того, Енисейская писаница, по всей видимости, являлась культовым, священным местом, по ряду признаков.

Изображения чашевидных углублений (рис. 17), сконцентрированные в гроте на восточной окраине Енисейской писаницы I, могли нести культовую функцию во время проведения ритуалов, связанных с жертвоприношениями, а сам грот с площадкой в подножии мог служить святилищем (рис. 13). Не случайны также на писанице изображения шаманов с бубнами. Культовая значимость объекта подтверждается обширными древними могильными комплексами в подножии скального массива.

Рис. 17. Плоскость 406. Енисейская писаница I. Работа по копированию петроглифов на микалентную бумагу.

Наскальные рисунки находятся в аварийном состоянии. Многие плоскости с петроглифами разрушаются вследствие растрескивания, отслаивания и вылома скальных пород, часть их покрыта лишайником и современными надписями, перекрыта грунтом и скальными осыпями. Соответственно, необходимо проведение на памятнике комплексных охранно-спасательных мероприятий в виде консервационных и реставрационных работ. В состав их входит установка водоотводных козырьков, укрепление каменных блоков, подклейка отслаивающейся скальной корочки, удаление красочных надписей, лишайников и других биообрастателей, нивелировка и патинизация выбитых и гравированных надписей и др. Результативность данных мероприятий возможна только при организации реальной охраны памятника и контролируемого экскурсионного посещения писаницы. Как показывает отечественная и зарубежная практика, это возможно в случае музеефикации памятника, организации на его территории музея-заповедника. В состав предполагаемого музея-заповедника, по нашему мнению, должны входить не только петроглифы Енисейской писаницы, но

и соседние скалы с рисунками (писаницы Ильинская, Георгиевская), а также прилегающие археологические памятники (могильники, стоянки, поселения) (рис. 18).

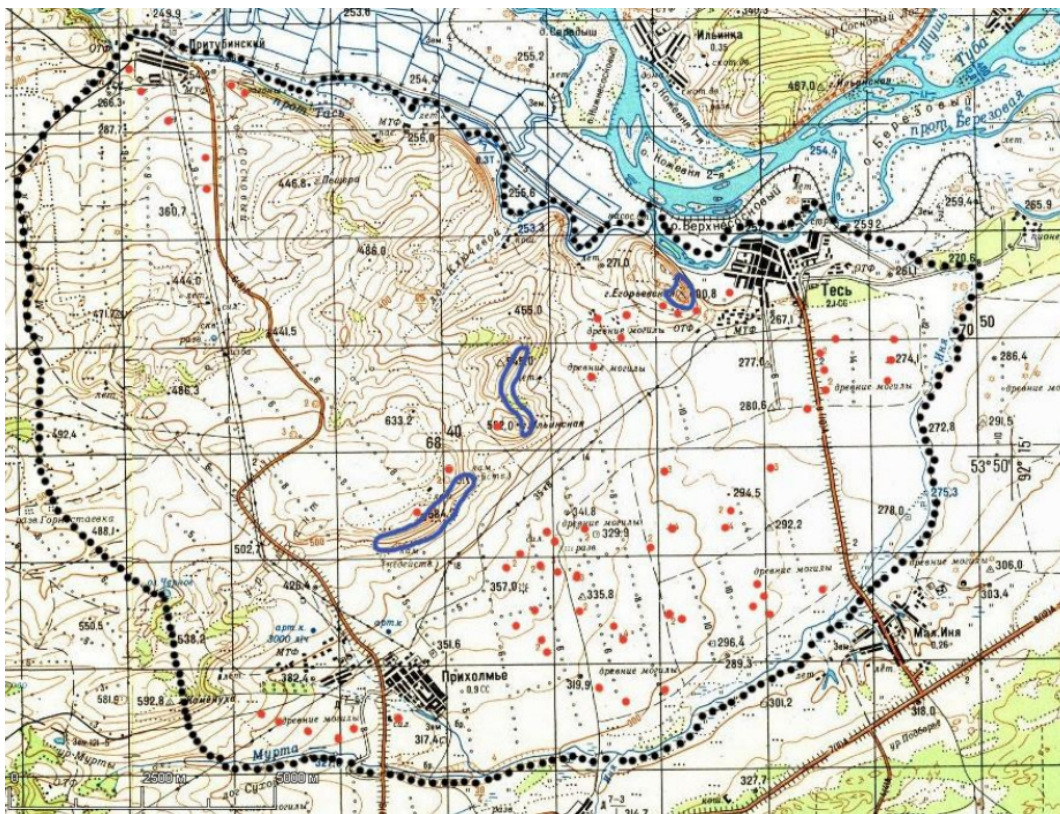

Рис. 18. Карта-схема расположения археологических памятников на территории проектируемого музея-заповедника «Тесинский».

В ближайшей перспективе писаница требует дальнейших исследований с целью уточнения полученной информации, конкретизации культурно-хронологической атрибуции наскальных рисунков, определения характера и степени их разрушений, разработки конкретных мер по сохранению петроглифов и их музеефикации.

Список литературы

- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.
- Ковалева О.В.** Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 158 с.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н.** Изваяния и стелы окуневской культуры – Абакан: Хакаское книж. изд-во, 2006. – 236 с.
- Леонтьев Н.В., Русакова И.Д.** Петроглифы раннего железного века на горе Ильинской. – Вестник САИПИ, 2003-2004. – Вып. 6-7. – С. 34-41.
- Советова О.С.** Наскальное искусство как источник по истории материальной и духовной культуры населения бассейна Среднего Енисея в эпоху раннего железного века. – Кемерово, 2007. – 440 с.

Гревцов Ю.А.¹, Леонтьев В.П.², Дроздов Н.И.²

¹ ООО "Красноярская Археология Новостроек", Красноярск
urga66@yandex.ru

² ИАЭТ СО РАН, Новосибирск

МОГИЛЬНИК УСТЬ-КОВА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ (ЗОНА ВОДОХРАНИЛИЩА БОГУЧАНСКОЙ ГЭС)

Аннотация: Могильник располагался в границах известной палеолитической стоянки Усть-Кова 1, в ходе изучения которой были выявлены три культурных слоя, относящихся к эпохе палеолита, неолита и железного века. В ходе работ на стоянке раскопано и изучено 11 погребений, 4 ритуальных захоронения предметов из металла и 2 захоронения изделий из кости.

Ключевые слова: Северное Приангарье, археология, могильник, палеометалл, обряд, реконструкция, ритуальные сооружения.

Grevtsov Yu.A.¹, Leont'ev V.P.², Drozdov N.I.²

¹ Krasnoyarsk Archeology of new buildings, Ltd., Krasnoyarsk

² Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

THE UST-KOVA BURIAL GROUND IS SITUATED WITHIN THE NORTHERN ANGARA RIVER (RESERVOIR ZONE OF THE BOGUCHANSKAYA HPP)

Abstract: The Ust-Kova (the mouth of the Kova river) burial ground is situated within the Northern Angara river territory (the middle part of the Angara). The burial ground was found during the research of archeological multilayer site Ust-Kova-1, consisting of 3 cultural archeological which layers dated from the Upper Paleolithic Age up to the Medieval one. The burial ground includes 11 heterogeneous in time human graves made in different funeral rites and 3 hidden sets of products (1 of metal products and 2 – of antler and bone ones) which we rank as ritually buried treasures. The burial ground's objects are dated from II-th thousand B.C. to XII-th century A.D. Due to the research there were obtained the results concerning ancient Angara population's rites and some new data about the ethnographic genesis of aboriginal inhabitants.

Keywords: The Northern Angara River Territory, archeology, burial, paleometal, the rite, reconstruction, structures, grave, sepulture, cremation, funeral rite, cult articles.

Введение

Устьковинский могильник располагался на территории стоянки Усть-Кова 1, которая долгое время оставалась одной из самых северных палеолитических стоянок в Приангарье (58-я широта). Памятник был обнаружен на левом берегу р. Ангары, выше места впадения р. Ковы, напротив Ковинской Шиверы. В ходе археологического изучения памятника, до затопления его водохранилищем Богучанской ГЭС, было выявлено три культурных слоя, относящихся к эпохе палеолита, неолита, раннего железного века и средневековья.

Культурный слой эпохи раннего железного века и средневековья, вероятно, имеющей отношение к могильнику, залегает под дерном на глубине 0,18–0,35 м от дневной поверхности в слое гумусированной супеси серовато-бурого цвета. Слой характеризуется наличием очажных пятен, ке-

рамическими «развалами», предметами, связанными с древним металлургическим производством, коптильнями, с дымоходами, сложенными из речной гальки и валунчиков, погребениями и ритуальными захоронениями предметов («кладов»). По слою имеется радиоуглеродная дата 1580 ± 60 (ГИН-2519).

За время работ на стоянке раскопано и изучено одиннадцать разновременных погребений, охвативших эпохи бронзового, раннего железного века и позднего средневековья, четыре ритуальных захоронения предметов из металла и два захоронения изделий из кости, металла и керамики. Все перечисленные объекты приурочены к борту Ангарской террасы, выше впадения р. Ковы в р. Ангару (рис. 1-2).

Рис. 1. Усть-Ковинский могильник, вид с р. Ангары.

Рис. 2. Усть-Ковинский могильник, вид с юго-восточной стороны.

Погребение № 1, зафиксированное в ходе работ 1979 года (рис. 3), совершалось по обряду ингумации. Оно обнаружено на глубине 0,9 м от поверхности, ориентировано по линии запад-восток. Размеры могильной ямы (1,63 x 0,66 м). Над могильной ямой, в плане четко фиксировалось пятно почвы со следами высокого температурного воздействия (поминальное кострище?). Погребение парное – женщина с младенцем. Погребенные были захоронены в берестяном конверте. На фрагментах берестяного конверта зафиксированы следы ряда проколов, свидетельствующих о том, что конверт был зашит. Погребенная женщина лежала на спине головой на восток. Младенец располагался слева от взрослого. Кости конечностей женщины вытянуты вдоль тела. На лобной кости черепа взрослого костяка находилась «диадема» – выгнутая железная пластина, с двумя параллельными рядами накладных бронзовых полусферических бляшек, закрепленных клепками (рис. 3:1).

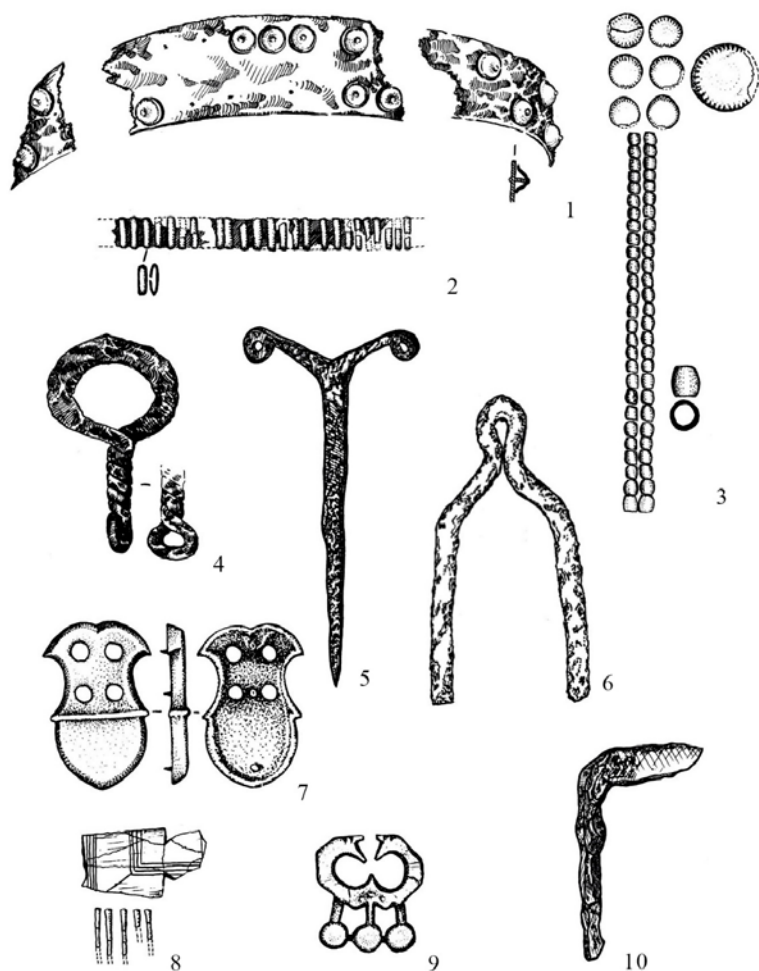

Рис. 3. Усть-Ковинский могильник 1979 г. Инвентарь погребения № 1. 1. Железо, бронза. 2. Бронза, кожа. 3. Бронза. 4. Железо. 5. Железо. 6. Железо. 7. Бронза. 8. Рог. 9. Бронза. 10. Железо.

В районе грудной клетки, вдоль позвоночника фиксировалось сложное декоративное украшение погребального костюма, либо детали сложного наконечника украшения (рис. 3:3). Изделие представляло собой два ряда из трех плоских круглых бляшек с насечками по диаметру в верхней части изделия и две параллельные снизу пронизей бочёнквидной формы по 28 штук в каждой. Во внутренних полостях пронизей, сохранились фрагменты жильных нитей. В области костей запястья левой руки взрослого костяка, обнаружена находка кожаного ремешка-браслета (рис. 3:2), украшенного 24 бронзовыми несомкнутыми скобками. В области

пары голов птиц в верхней части, и тремя полусферами, в нижней (рис. 3:9). Под медиальной частью правой бедренной кости взрослого костяка лежали фрагменты костяного гребня с гравированным геометрическим орнаментом (рис. 3:8). В районе поясничного отдела взрослого костяка, с левой стороны, зафиксировано скопление металлических предметов (рис. 3:4-6). Компактное размещение предметов в скоплении и наличие фрагментов кожи среди находок, может свидетельствовать о том, что данные предметы находились в кожаной ёмкости (сумка, мешок). В «мешке» находились 10 железных попарно сочлененных «восьмеркообразных» звеньев, 12 непарных «восьмеркообразных» звеньев, 5 антропоморфных изделий из железного прутка. Последние из упомянутых находок, имеют прямые аналоги в этнографических материалах по шаманской атрибутике современных кетов. Здесь они называются «улат'л» (ребро человека) и относятся к наиболее древним элементам шаманской атрибутики кетов [Алексеев, 1981]. С левой стороны бедренной кости левой ноги взрослого костяка зафиксированы железный черешковый Г-образный раскройный нож (рис. 3:10) и железное четырехгранное острие с навершием в виде двух расходящихся плоских спиралей («рога барана») (рис. 3:5).

В 1982 г. были исследованы погребения № 2 и № 3. *Погребение № 2* совершено по обряду трупосожжения «на стороне». Пятно скопления фрагментов жженой кости человека в плане имело круглую (диаметр – 0,41 м) и линзовидный профиль. Четкие контуры линзы костей, а также – плотность находок в ней, свидетельствуют о том, что прах погребенного и инвентарь, после обряда кремации, были погребены в компактной ёмкости. На верхнем уровне фиксации скопления фрагментов костей, в северо-восточной его части, фиксировались две крупные речные гальки. Инвентарь в погребении располагался следующим образом: крупные лезвийные предметы находились в донной части ямы с фрагментами жженой кости, ориентированы длинными осями по линии запад-восток; мелкие металлические предметы и фрагменты костяных изделий находились в линзе костей бессистемно (были ссыпаны в погребальную ёмкость вместе с прахом кремированного). В составе погребального инвентаря выявлено: два железных тесла-пазника (рис. 4:1,2); 15 железных антропоморфных изделий из прутка различной геометрии ("улат'л") (рис. 6). Примечательно расположение данных находок в могиле. Все перечисленные предметы зафиксированы в южной части скопления фрагментов костей. Форма скопления антропоморфных подвесок – «рассыпавшаяся пачка», которая состояла из пяти нижних предметов, залегающих один над другим и остальных верхних вещей – четырёх фрагментов, попарно сочлененных «восьмеркообразных» звеньев, которые «съехали» в северо-западном направлении к борту ямы. Кроме перечисленного, в заполнении лежало железное зубило; крупный однолезвийный нож с цельнометаллической рукоятью и петлевидным навершием (рис. 5:1); два фрагмента рукоятей железных ножей с петлевидными навершиями; железный черешковый нож (рис. 5:2); две бронзовые бляшки-пуговицы (рис. 4:7-8); наконечник легкой пики с удлиненной

частью перехода пера клинка во втульчатый насад (рис. 5:4); железный трубчатый игольник (рис. 4:5); железная коническая шумящая подвеска (рис. 5:3); две костяные пластины-накладки с гравированным геометрическим орнаментом (рис. 5:5-6).

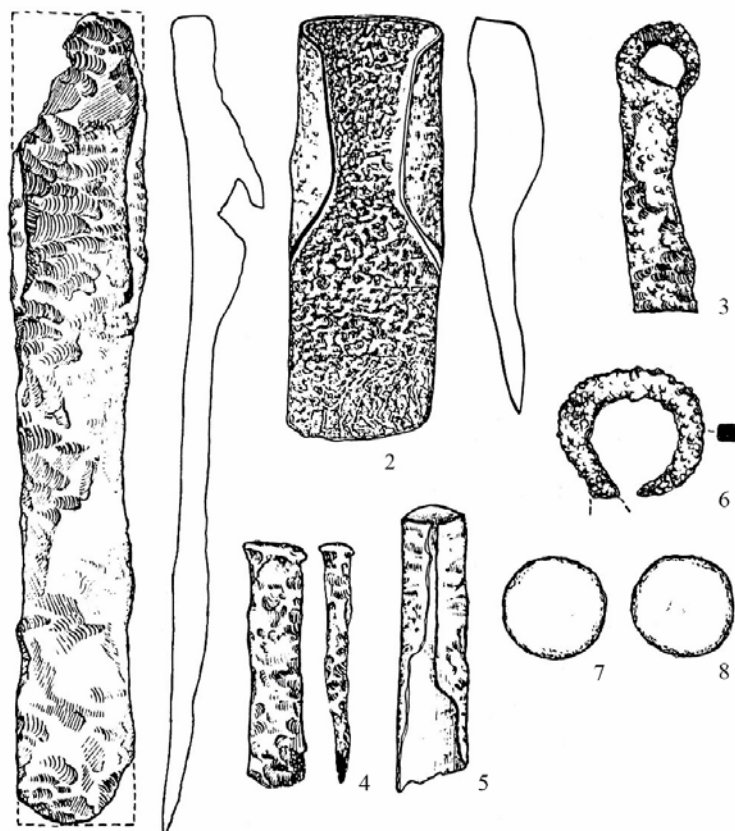

Рис. 4. Усть-Ковинский могильник 1982 г. Инвентарь погребения № 2. 1-6. Железо. 7-8. Бронза.

Погребение № 3 свершено по обряду ингумации. Надмогильного сооружения зафиксировано не было. На глубине 0,39 м от поверхности был зафиксирован свод черепа человека. Контуры могильной ямы в плане не читались. Ряд фактов, такие как отсутствие значительной части мелких костей скелета (из всех костей скелета присутствовали только кости черепа и длинные трубчатые кости конечностей) указывали на то, что данное погребение является вторичным. Длинные кости нижних конечностей погребенного (бедренные и большие берцовые) перепутаны местами. Погребение ориентировано по линии запад-восток. Костяк расположен «на спине» головой на восток. Кости верхних конечностей – параллельно телу. Погребальный инвентарь представлен серией находок (рис. 7-8). Справа от черепа зафиксирован круглодонный керамический сосуд яйцевидной формы, который украшен геометрическим орнаментом, нанесенным «смазанным наlepным валиком» (рис. 8:4). В зауженной привенчиковой части, сосуд был перехвачен железным хомутком-обоймой. По сохранившейся части хомутка, можно судить о том, что на нем имелись приспособления для подвешивания (переноски). Внутри сосуда, в донной его части, зафиксированы фрагменты волокна органического происхождения (мха?).

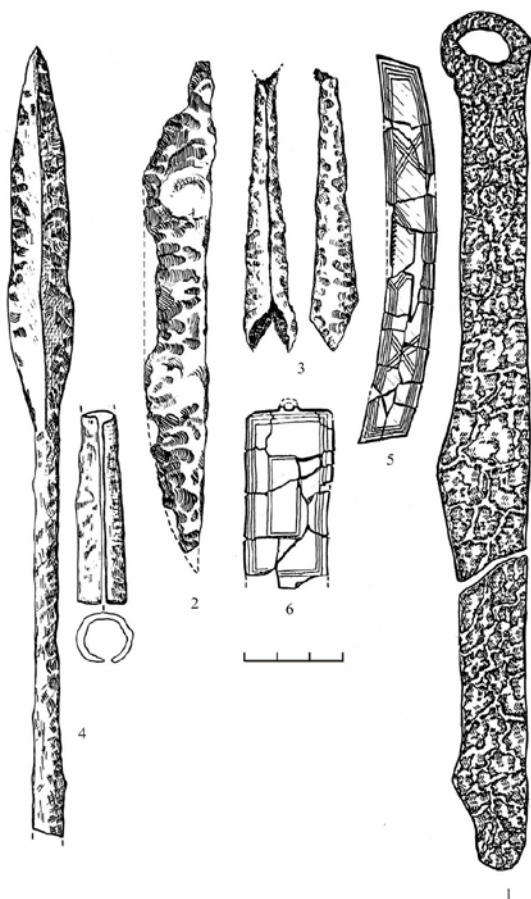

Рис. 5. Усть-Ковинский могильник 1982 г. Инвентарь погребения № 2. 1–4. Железо. 5–6. Кость.

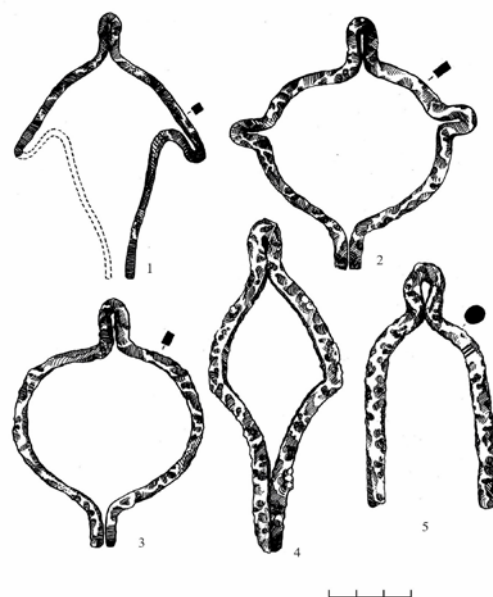

Рис. 6. Усть-Ковинский могильник 1982 г. Инвентарь погребения № 2. 1–5. Железо.

На донной части сосуда – следы термического воздействия. Весьма вероятно, что сосуд выполнял функции дымокура при защите от гнуса. Справа от черепа, зафиксирована находка железного тесла-пазника с удлиненной лезвийной частью (рис. 7:1). Тесло находилось лезвием вверх, что позволяет судить о том, что изделие имело длинный черен, а металлическая часть, была насажена на деревянную рукоять, наподобие пешни. Слева от берцовой кости левой ноги, перпендикулярно ей обнаружено тесло-пазник с коротким массивным лезвием (рис. 7:3). Положение находки в могиле, может свидетельствовать о том, что данное орудие, имело деревянную часть, схожую с топором. В области грудной части погребенного, зафиксирован фрагмент погребального облачения. Находка представляет собой прямоугольную накладку из кожи, нашитую при помощи жильной нити на кожаную же основу (рис. 8:5). Нашивка – сложенная в трубку полоска кожи с краями, сшитыми с изнаночной стороны жильной нитью зигзагообразным швом. С лицевой стороны, нашивка украшена двумя параллельными рядами полых бронзовых круглых бляшек (по 16 штук в ряду), пришитых сквозь парные отверстия жильной нитью. Вдоль правой плечевой кости зафиксирован железный черешковый нож (рис. 7:2). В западной части могилы, в районе предполагаемых ступней погребенного,

найдена плоская ложечка из рога (рис. 8:1). Резное навершие ложки выполнено в виде изображения головы лосихи. В области поясничного отдела найден лезвийный инструмент из рога (мотыжка?) (рис. 8:2). Под черепом погребенного обнаружен фрагмент изделия из лопатки животного, имеющее отверстие и украшение в виде двух гравированных линий (рис. 8:3).

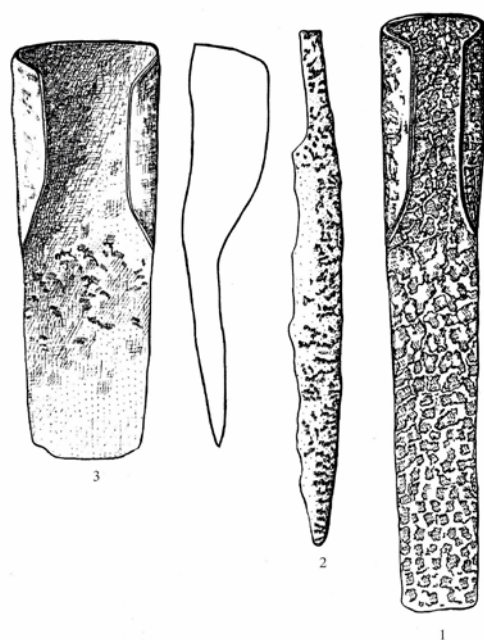

Рис. 7. Усть-Ковинский могильник 1982 г. Инвентарь погребения № 3. 1–3. Железо.

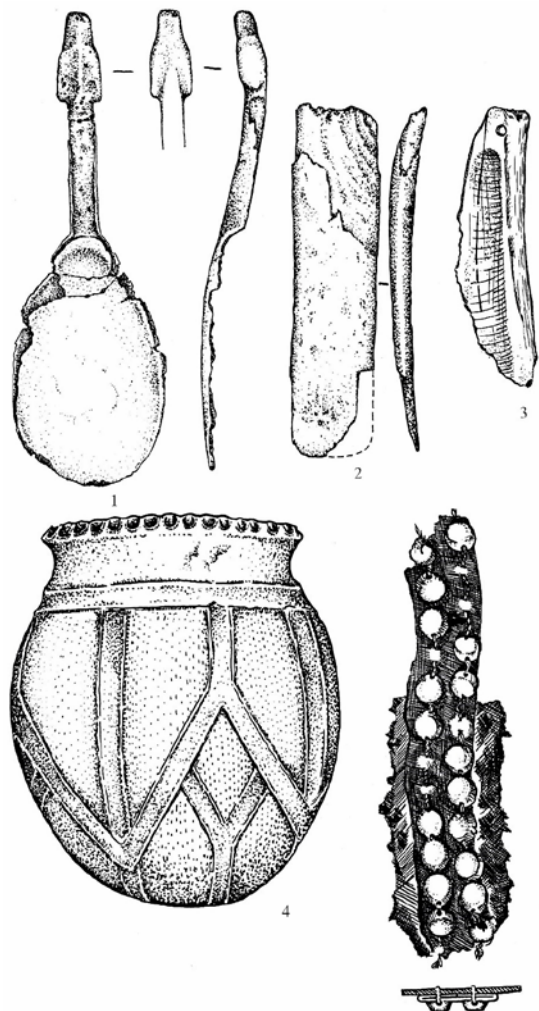

Рис. 8. Усть-Ковинский могильник 1982 г. Инвентарь погребения № 3. 1–2. Рог. 3. Кость. 4. Керамика. 5. Бронза, кожа.

Погребение № 4 выявлено в ходе работ 1983 г. Совершено по обряду трупосожжения «на стороне». Верхний уровень фиксации могильной ямы, наблюдался в слое гумусированной супеси. Линза фрагментов жженных костей человека имела форму правильного овала, ориентированного длинной частью по линии северо-восток – юго-запад (с размерами $0,53 \times 0,37$ м) и чашевидный профиль мощностью 0,04–0,07 м. Предметы погребального инвентаря находились в линзе фрагментов костей бессистемно. Среди найденного (рис. 9): железное четырехгранное острие с частично утраченным вильчатым навершием (рис. 9:1); фрагмент литой бронзовой бляшки с изображением птицы в «скелетном» стиле (рис. 9:2).

Погребение № 5 выявлено в ходе работ 1988 г. Совершено по обряду трупопожжения «на стороне». При расчистке подпернового горизонта темно-серой гумусированной супеси, обнаружена линза фрагментов жженных костей человека. В плане, линза имела овальную форму, размером 0,40 × 0,80 м, длинной осью ориентирована по линии С-З–Ю-В. Мощность заполнения в разрезе – 0,10–0,15 м. По периметру линзы костей, в восточной ее части, фиксировались фрагменты берестяной погребальной ёмкости. Объект в значительной степени разрушен русским поселением XVII–XX вв. Заполнение могильной ямы частично «растеклось» по ангарской террасе согласно склону, поскольку местами подпадало под техногенное воздействие существовавшего посёлка. В северо-восточной части скопления, в верхнем горизонте находок, выявлены три крупных речных гальки, под которыми зафиксированы фрагменты гладкостенной керамики темно-серого цвета. Предметы погребального инвентаря находились в линзе фрагментов костей бессистемно.

Погребальный инвентарь представлен серией находок (рис. 10). В южной части погребения зафиксировано скопление фрагментов привенчиковой части лепного орнаментированного керамического сосуда (рис. 10:1). Внешний край венчика утолщен треугольным в сечении налепным валиком, по которому нанесен орнамент, состоящий из четырех поясов вертикальных оттисков плоского штампа. Тулово орнаментировано вертикальными прямыми линиями, образованными смазанными налепными валиками. В центральной части линзы, найдены две

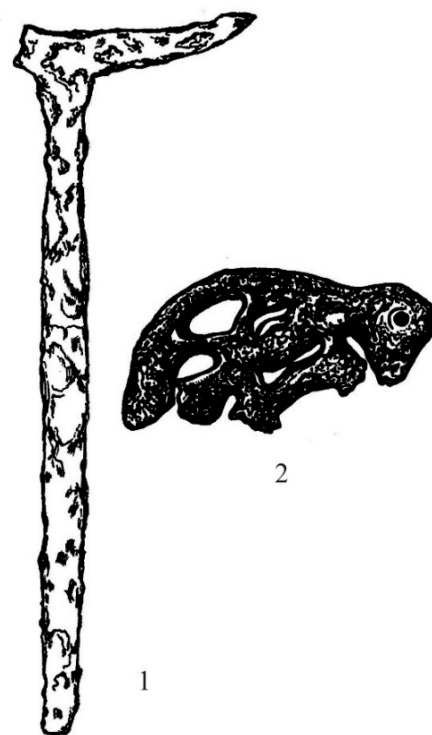

Рис. 9. Усть-Ковинский могильник 1983 г. Инвентарь погребения № 4. 1. Железо. 2. Бронза.

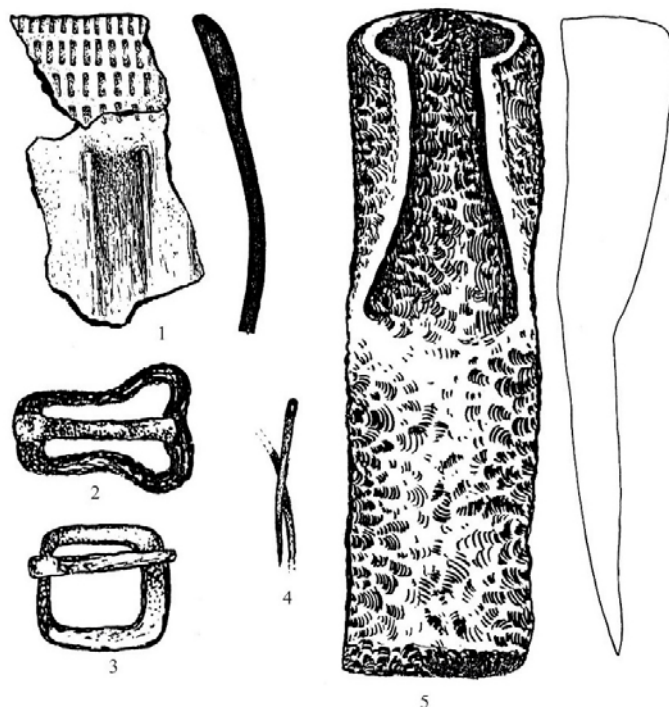

Рис. 10. Усть-Ковинский могильник 1988 г. Инвентарь погребения № 5. 1. Керамика. 2–5. Железо.

железные ременные пряжки с подвижными язычками: одна трапецевидной формы, другая – квадратной (рис. 10:2,3). Между двумя пряжками залегали две железные швейные иглы (рис. 10:4). Иглы спаяны в результате высокого температурного воздействия. Взаимное расположение спаянных игл позволяет судить о том, что данные предметы при обряде кремации, находились в игольнике. Обе иглы имеют круглое сечение диаметром 0,2 см. В 0,4 м к юго-западу от линзы фрагментов костей, в вертикальном положении зафиксирована находка железного тесла пазника (рис. 10:5). В линзе фрагментов костей человека, выявлены фрагменты астрагала лошади (определение Н.Д. Оводова). Совокупный набор перечисленных признаков позволяет свидетельствовать об обряде кремации.

Погребение № 6, выявленное в ходе работ 1988 г., совершено по обряду трупосожжения «на стороне». При расчистке поддернового горизонта темно-серой гумусированной супеси, выявлена линза фрагментов жженных костей человека. В плане, линза имела овальную форму. Размеры: по линии С-З – Ю-В – 0,80 м; по линии Ю-З – С-В – 0,40 м; мощность – 0,015 м. Объект в значительной степени разрушен русским поселением XVII–XX вв. Заполнение могильной ямы частично «сползло» по склону Ангарской террасы в северо-западном направлении. В верхнем горизонте объекта, северо-восточной его части, зафиксирована находка крупной речной гальки. Предметы погребального инвентаря бессистемно залегали в линзе с костями.

Погребальный инвентарь (рис. 11): в восточной части линзы зафиксировано скопление фрагментов тулова лепного керамического сосуда. Тулово орнаментировано вертикальными прямыми линиями, образованными смазанными наlepными валиками (рис. 11:1-2). В центральной части найдено 19 железных бусинок-пронизок. В результате пребывания в огне они спеклись между собой по 3–5 штук (рис. 11:3). Здесь же обнаружены: бронзовая каплевидная подвеска (рис. 11:4); железная ременная пряжка трапецевидной формы с подвижным язычком (рис. 11:5); железная шумящая конусообразная подвеска (рис. 11:7); железная ременная застежка-фиксатор с шаровидными окончаниями (рис. 11:13); фрагменты гарпунного наконечника (рис. 11:6), фрагменты острия с отверстием и фрагменты накладки с овальными прорезями, выполненные из рога (рис. 11:8-12).

Среди фрагментов костей человека установлены фрагменты костей мелких копытных животных и шейных позвонков северного оленя (определение Н.Д. Оводова).

Погребение № 7, обнаруженное в ходе работ 1988 г., совершено по обряду трупосожжения «на стороне». При расчистке поддернового горизонта темно-серой гумусированной супеси, выявлена линза фрагментов жженных костей человека, имевшее круглую в плане форму диаметром 0,70 м и чашевидный профиль, мощностью до 0,18 м. Четкие контуры линзы костей, свидетельствуют о том, что прах погребенного и инвентарь, после обряда кремации, были погребены в компактной ёмкости. В северо-

западной части скопления в верхнем горизонте фиксации находок находилась крупная речная галька.

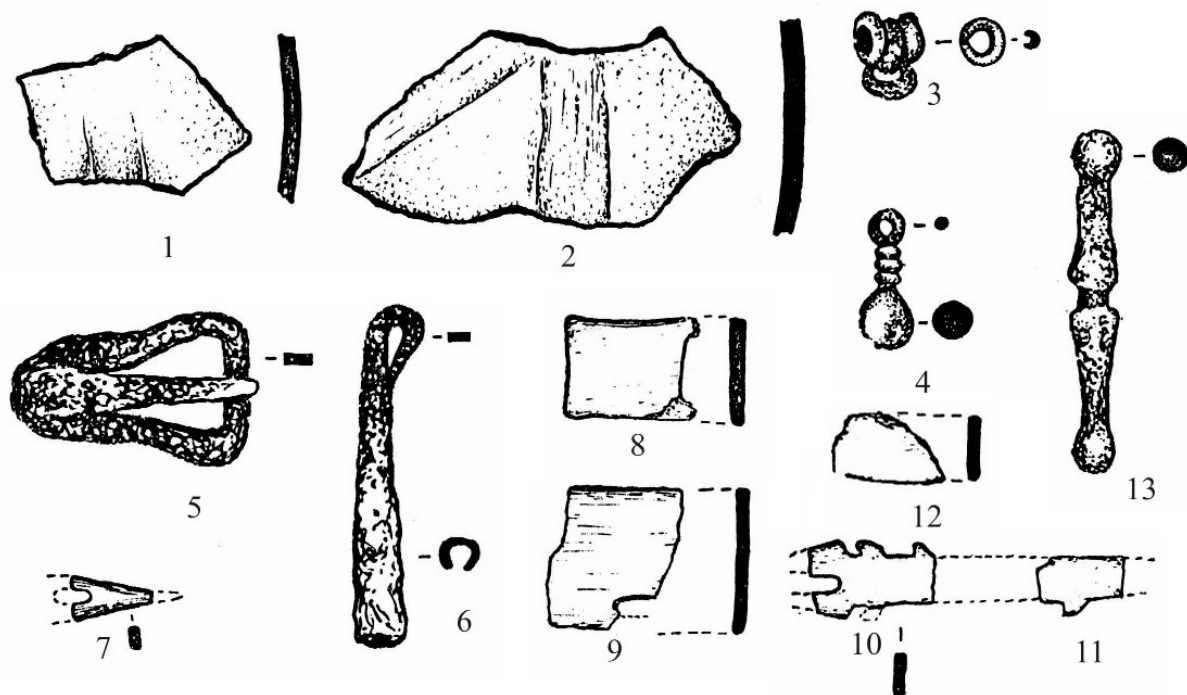

Рис. 11. Усть-Ковинский могильник 1988 г. Инвентарь погребения № 6. 1–2. Керамика. 3, 5–6, 13. Железо. 4. Бронза. 8–12. Рог.

Предметы погребального инвентаря (рис. 12–13) залежали в линзе бессистемно. В составе находок: фрагмент каменного наконечника стрелы с вогнутой базой (рис. 13:1); фрагмент железной швейной иглы с ушком (рис. 13:2); два фрагмента бронзовой ременной «бабочковидной» бляшки (рис. 13:3–4); бронзовая «якореподобная» подвеска (рис. 13:5); пастовая цилиндрическая бусина-пронизка (рис. 13:6); две оплавленные капли из голубого стекла, бывшие, очевидно, бусинами (рис. 13:7); фрагмент неопределимого железного изделия на базе пластины (рис. 13:8); фрагменты изделий из рога; фрагменты трубчатого изделия с гравированным орнаментом (игольник?) с орнаментом в виде продольных параллельных линий с мелкими перпендикулярными насечками (рис. 13:9); фрагмент втулки-обоймы для крепления наконечника на древке стрелы (рис. 13:10); фрагменты костяных острий различных форм (фрагменты гребня?); поддон лепного керамического сосуда, орнаментированный горизонтальными параллельными рядами отисков прямого штампа (рис. 12). В 0,12 м юго-восточнее контура погребальной ямы, на уровне фиксации речной гальки, выявлены фрагменты лепного керамического сосуда. Все найденные фрагменты относятся к поддону сосуда. Фрагментов венчика и тулова сосуда, найдено не было. Поддон орнамен-

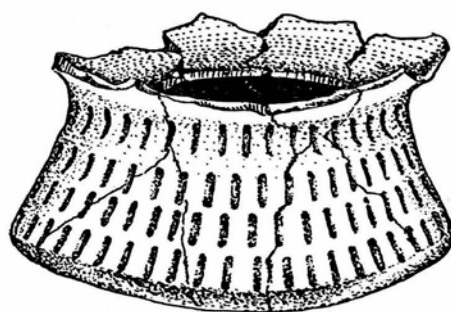

Рис. 12. Усть-Ковинский могильник 1988 г. Инвентарь погребения № 7. Керамика.

тирован горизонтальными параллельными рядами вертикальных оттисков прямоугольного штампа.

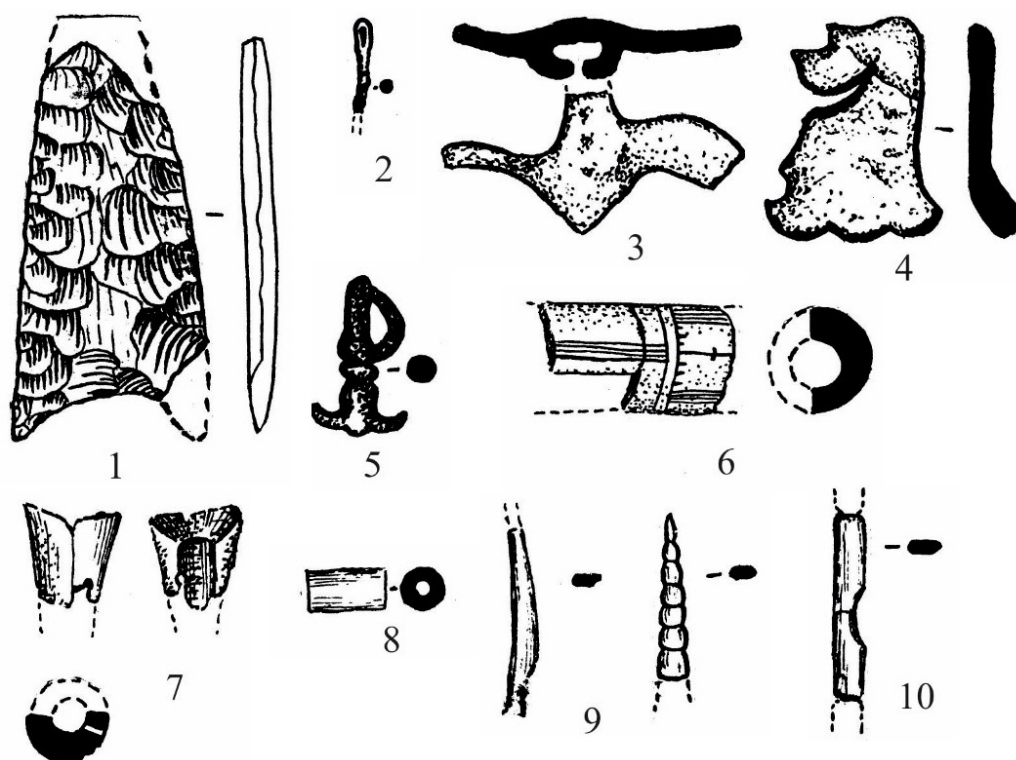

Рис. 13. Усть-Ковинский могильник 1988 г. Инвентарь погребения № 7. 1. Камень. 2. Железо. 3-5. Бронза. 6-9. Рог. 8. Паста.

Погребение № 8, обнаруженное в ходе работ 1988 года, совершено по обряду трупосожжения «на стороне». При расчистке поддернового горизонта темно-серой гумусированной супеси, выявлена линза фрагментов жженных костей человека правильной овальной формы с размерами по линии С-З – Ю-В – 0,41 м; по линии Ю-З – С-В – 0,19 м и чашевидным профилем мощностью 0,10–0,15 м. В юго-восточной части, погребение разрушено хозяйственной ямой русского поселения XVII–XX вв. Четкие контуры линзы костей, свидетельствуют о том, что прах погребенного и инвентарь, после обряда кремации, были погребены в компактной ёмкости. В северо-восточной части, в верхнем горизонте фиксации объекта, найдены две крупные речные гальки.

Предметы погребального инвентаря находились в линзе фрагментов костей и залежали бессистемно. Они представлены: двумя фрагментами железных изделий неудовлетворительной сохранности (полностью окисленные фрагменты швейных игл?); мотыжкой из кости голени мелкого копытного животного (рис. 15); пластиной из лопаточной кости животного (рис. 14). На изделии присутствует биконическое овальное отверстие. Одна из плоскостей находки украшена гравировкой, состоящей из плавно изогнутых линий и фрагментов полосы с сетчатым орнаментом. Неполная сохранность пластины, не дает возможности интерпретировать сюжет рисунка.

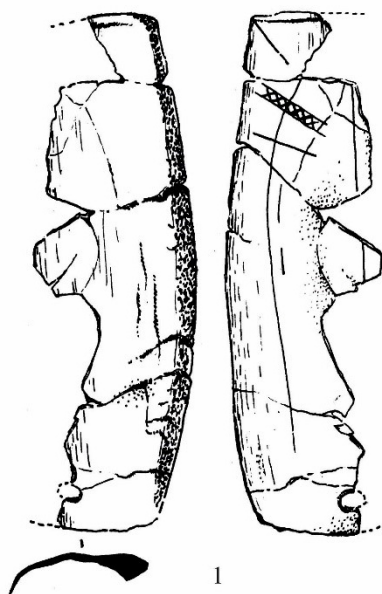

Рис. 14. Усть-Ковинский могильник
1988 г. Инвентарь погребения № 8. 1- кость.

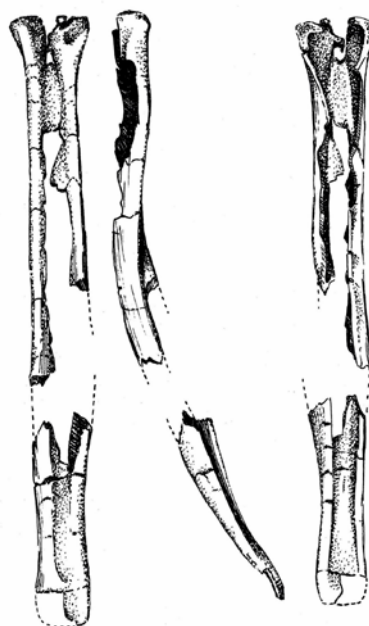

Рис. 15. Усть-Ковинский могильник
1988 г. Инвентарь погребения № 7. Кость.

Погребение № 9, обнаруженное в ходе работ 1988 года, совершено по обряду трупосожжения «на стороне». При расчистке подперного горизонта темно-серой гумусированной супеси выявлена линза фрагментов жженных костей человека правильной овальной формы с размерами по линии С-З – Ю-В – 0,21 м; по линии Ю-З – С-В – 0,30 м. Профиль линзы имеет мощность до 0,15 м. Её четкие контуры свидетельствуют о том, что прах погребенного и инвентарь после обряда кремации были погребены в компактной ёмкости. Обращает на себя внимание тот факт, что в линзе костей присутствовали исключительно фрагменты черепа взрослого человека. Металлические предметы погребального инвентаря залежали параллельно друг другу вдоль длинной оси могильной ямы. Находки располагались на нижнем уровне заполнения, под скоплением фрагментов черепа. Исключение составило четырехгранное острие с навершием, которое располагалось воткнутым остриём вниз под углом до 20 градусов к горизонту. Предметы из железа имели плохую сохранность в результате высокого температурного воздействия.

В составе инвентаря (рис. 16): тесло-пазник с массивной лезвийной частью (рис. 16:3); четырехгранное острие с навершием в виде двух расходящихся плоских спиралей «рога барана» (рис. 16:1); железное антропоморфное изображение – «марионетка», с ножом, вкованным в подвижную конструкцию изделия, посредством петлевидного навершия (рис. 16:2). Основная часть изделия выполнена из отдельных деталей в виде попарно сочлененных «восьмеркообразных» звеньев. Звенья, соединяясь между собой, крепятся к детали, внешне похожей на псалию сложных удил, концы ее закручены в спирали «рога барана». В центральной части «псалия» присутствует петлевидный изгиб, к которому прикован нож. Завер-

шая описание данного погребения, уместно будет высказать следующее предположение. Весьма вероятно, что данный объект может быть отнесен к ритуальным захоронениям предметов, которые условно называются нами «железными кладами». Во-первых, это факт нахождения здесь ритуального предмета – «марионетки». Аналогичные сложные изделия, встречены в двух случаях именно в «кладах». Во-вторых, череп человека в данном контексте, может являться не фрагментом тела погребенного, а к примеру, атрибутом трофейной практики. Значительная степень коррозии массивных железных предметов, как следствие высокого температурного воздействия, может быть объяснена следующим образом.

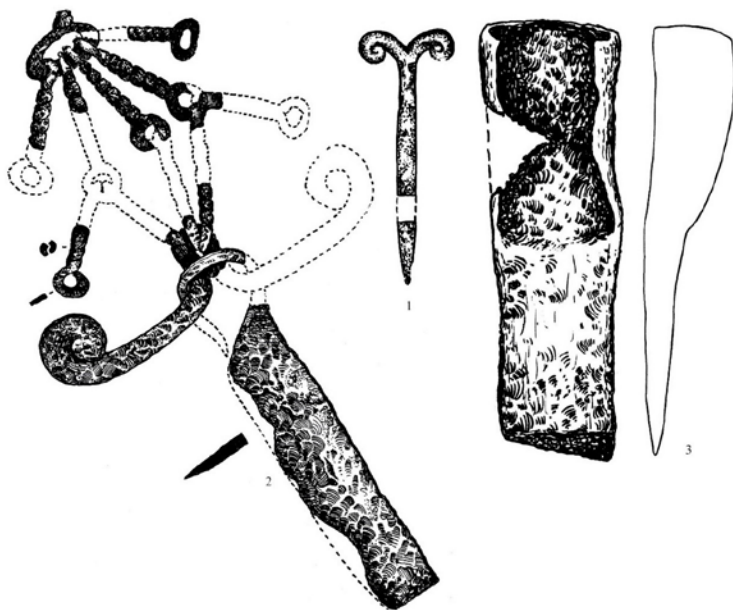

Рис. 16. Усть-Ковинский могильник 1988 г. Инвентарь погребения № 9. Железо.

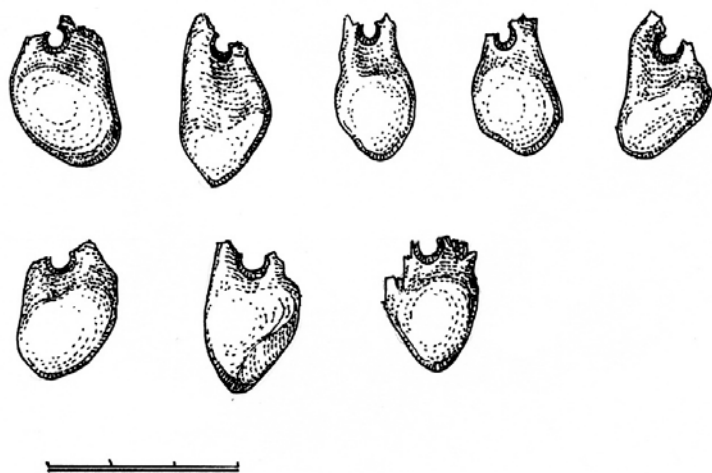

Рис. 17. Усть-Ковинский могильник 1990 г. Инвентарь погребения № 10. Подвески из зубов оленя.

жаного чехла круглой формы. Под слоем фрагментов кожи находились два бронзовых антропоморфных изделия (рис. 20:1), расположенных одно над другим. Верхняя фигурка представляла собой изображение человека в фас.

Погребение № 10, обнаружено в ходе работ 1990 года (рис. 17-21). При расчистке горизонта бурой супеси на глубине 0,57 м от поверхности выявлено скопление речной гальки и фрагментов песчаникового плитняка. Скопление имело форму правильного овала, ориентирована длинной частью по линии 3–В. Размеры кладки по линии 3–В – 2,40 м, по линии С–Ю – 1,10 м. Непосредственно под кладкой зафиксирован контур могильной ямы прямоугольной формы. Размеры ямы по линии 3–В – 1,90 м, по линии С–Ю – 0,90 м. Мощность заполнения могильной ямы: 0,35–0,40 м.

Погребение совершено по обряду ингумации. Костяк погребенного ориентирован головой на запад. Погребенный лежал на спине, ноги прямые, руки вытянуты вдоль тела.

В области груди зафиксирован фрагмент ко-

Высота изделия – 0,13 м. Круглая голова соединяется с туловищем длинной шеей. Черты лица хорошо детализированы. Глаза в форме симметрично расположенных овальных выпуклостей, такие же рельефные прямой рот и нос. На щеках расположены выступающие линии, возможно, имитирующие татуировку. Туловище – в форме перевернутой равнобедренной трапеции с широко расставленными ногами. Руки подняты вверх, предплечья расположены параллельно земле. Туловище, руки и ноги по периметру обрамлены округлым валиком, украшенным выпуклыми горизонтальными линиями.

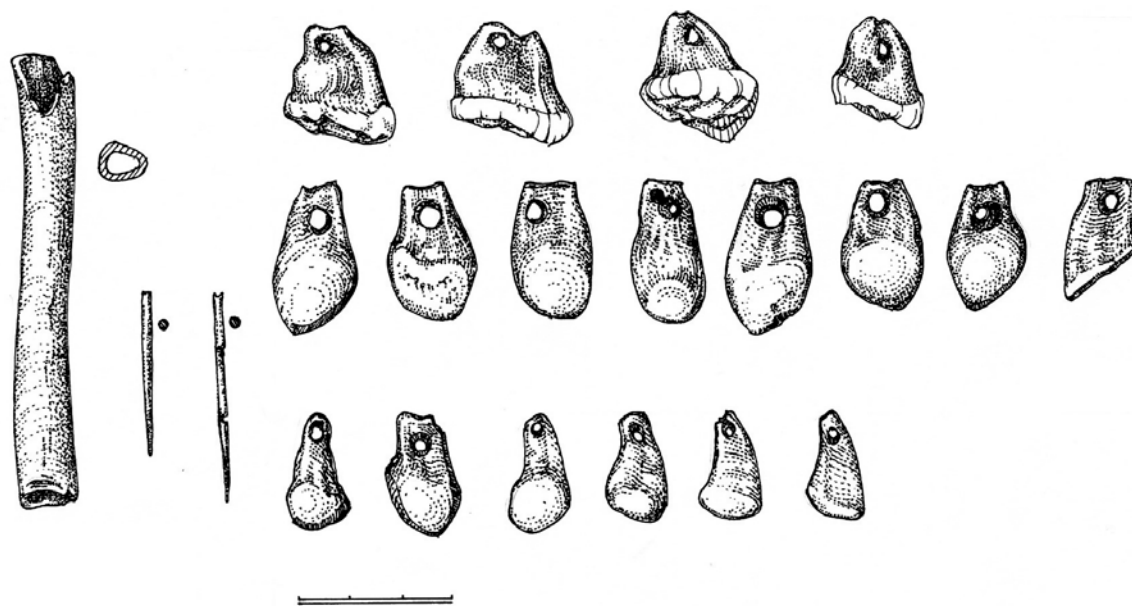

Рис. 18. Усть-Ковинский могильник 1990 г. Инвентарь погребения №10. Кость.

Рис. 19. Усть-Ковинский могильник 1990 г. Погребение №10. 1. Общий вид. 2. Деталь.

Второе антропоморфное изображение расположено в бронзовом кольце диаметром – 0,18 м. Ширина полосы, образующей это кольцо – 0,15 м. Туловище, вероятно, было выполнено тремя вертикальными параллельными полосами. Плечи широкие, руки подняты вверх, кисти покоятся с внешней стороны на поверхности кольца.

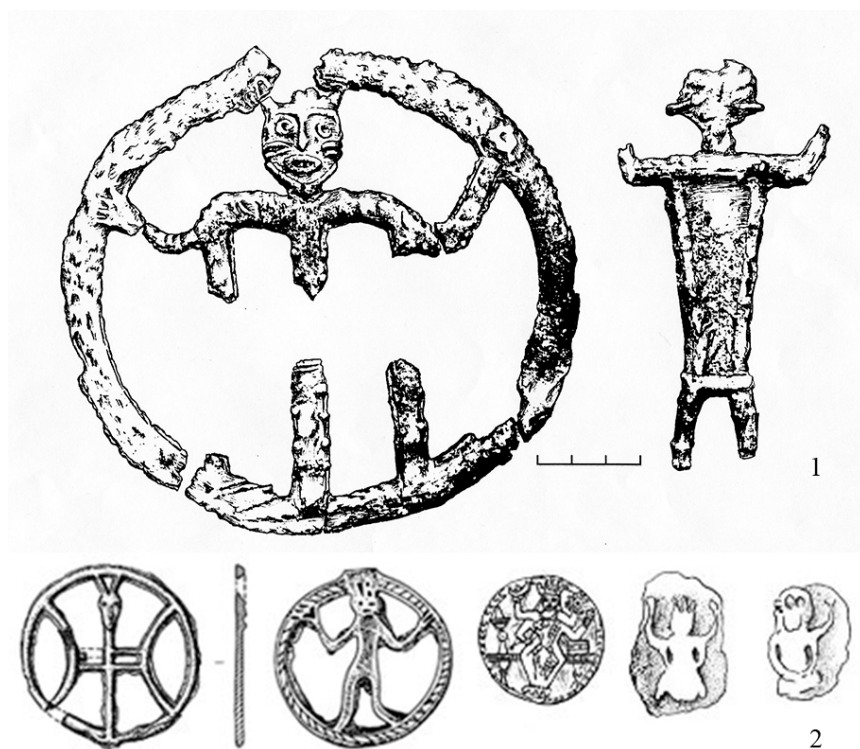

Рис. 20. Ковинский могильник 1990 г. Инвентарь погребения № 10. 1 – Бронза. 2 – Аналоги изображениям из погребения № 10. 1. Могильник Курма XI (оз. Байкал). 2. Находка близ с. Напас на р. Тым (Западная Сибирь). 3–5. Изображения из Тешик-кала (Средняя Азия).

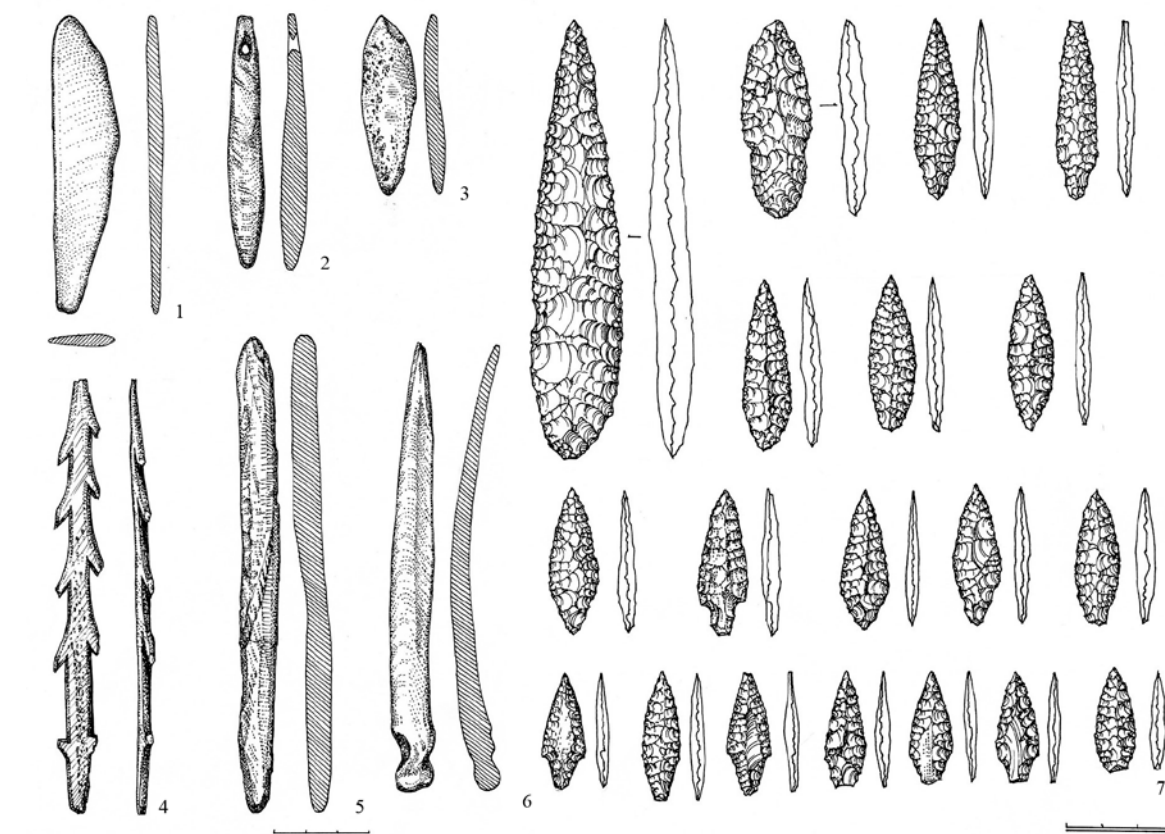

Рис. 21. Усть-Ковинский могильник 1990 г. Инвентарь погребения № 10. 1. Графитовый сланец. 2-4. Рог. 5-6 кость. 7- камень.

На правой руке чётко выражено пять коротких пальцев, три пальца левой руки уничтожены процессом окисления металла. Черты лица достаточно хорошо детализированы. Голова увенчана трехрогой короной, релье-

ефно выступают надбровные дуги, такой же рельефно выступающий заостренный нос. Глаза имеют форму симметрично расположенных выпуклых кругов с углублениями в центре. Щеки, как и у первой фигурки, украшены двумя выпуклыми параллельными линиями. Отчетливо моделированы крутые скулы. Изображён широко раскрытый рот овальной формы, видны острые зубы по два сверху и снизу.

Подбородок покоится на широком выступающем «воротничке». Оба изделия изготовлены способом плоского литья, тыльная сторона не обработана. В области ключиц, зафиксировано скопление подвесок, изготовленных из зубов медведя и крупного копытного животного – 22 экземпляра (рис. 17, 18), вероятно относящихся к элементам декоративного оформления погребального одеяния. Возле проксимального эпифиза левой плечевой кости найден каменный наконечник копья.

У левого локтевого сустава находились изделия из кости и камня, среди которых: костяной двусторонний гарпун (рис. 21:4), трубчатый игольник с двумя костяными иглами (рис. 21:5), прямоугольная в сечении костяная игла с ушком (рис. 21:2), костяное острие, сланцевый «карандаш» (рис. 21:5). С внешней стороны правой бедренной кости обнаружено 20 каменных наконечников стрел (рис. 21:7).

Наконечники располагались компактной группой. Здесь же обнаружена тонкая роговая обкладка лука плохой сохранности, длиной – 0,6 м и шириной – 0,03 м.

Погребение № 11, обнаруженное в ходе работ 1992 г., совершено по обряду трупосожжения «на стороне». При расчистке поддёрнового горизонта темно-серой гумусированной супеси, выявлена линза фрагментов жженных костей человека правильной круглой формы с размерами по линии север – юг – 0,23 м; по линии запад – восток – 0,22 м. Линзовидное в разрезе сечение имело мощность до 0,15 м. Четкие контуры линзы костей, свидетельствуют о том, что прах и инвентарь, после обряда кремации, были погребены в компактной ёмкости. Находки в линзе фрагментов костей, располагались в нижнем уровне линзы – на дне могильной ямы.

Погребальный инвентарь представлен следующими находками: два железных тесла-пазника (рис. 22:1,3); бронзовая китайская монета («у-шу» 118 г. до н. э. – 612 г. н. э.) (рис. 22:3); железные удила; два железных стремена. Обращают на себя миниатюрные размеры стремян. Скорее всего, данные стремена предназначались для оснащения сбруи лошади, принадлежащей подростку.

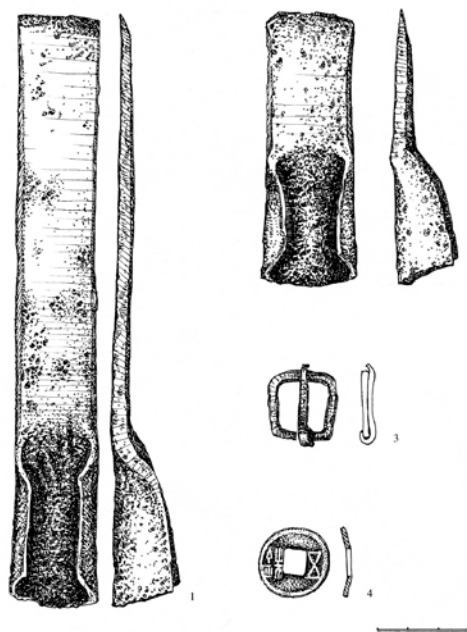

Рис. 22. Усть-Ковинский могильник 1992 г. Инвентарь погребения № 11. 1-3. Железо. 4. Бронза.

В процессе раскопок Усть-Ковинского могильника, было обнаружено четыре ритуальных захоронения металлических изделий, так называемых – «железных кладов». Для данной категории археологических объектов характерны несколько общих черт. В инвентаре «кладов» отсутствует антропологический материал. На всех предметах ярко выражены следы высоко температурного воздействия. Характерная высокая плотность находок в скоплении и их почти вертикальное положение могут свидетельствовать о том, что содержимое «клада» было помещено в тесную ёмкость из органического материала. Расположение в «кладах» наборов инвентаря по категориям (пряжки – с пряжками, ножи – с ножами и т. д.) послойно, свидетельствуют о преднамеренной укладке предметов в ёмкости перед захоронением в грунте.

Рис. 23. Усть-Ковинский могильник 1983 г., "Железный клад" № 1. Железо.

«Железный клад» № 1, обнаруженный в ходе работ 1983 г. (рис. 23), зафиксирован в углублении, впущенном в горизонт гумусированной супеси. Углубление имело округлую форму, диаметром 0,32 м и мощностью в разрезе до 0,12 м. В заполнении обнаружены находки 19 железных кованых изделий. Из-за плохой сохранности находок возможно идентифицировать только пять предметов «клада». Все уцелевшие предметы, представляли собой антропоморфные шумящие подвески, названные авторами по аналогии с кетскими подвесками – «улат'л». Изделия имеют различные геометрические очертания с общими образами, выраженными в сильной степени стилизации контурного изображения фигуры человека, где петля для подвешивания изображает голову, а расходящиеся исходного концы прутка – контуры тела и конечностей.

Рис. 24. Усть-Ковинский могильник 1987 г., "Железный клад" № 2. Железо.

«Железный клад» № 2, обнаруженный в ходе работ 1987 г., зафиксирован в стратиграфической ситуации, аналогичной «кладу» № 1. Контур и размеры углубления стратиграфически не выражены. В составе инвентаря выделены: восемь железных наконечников стрел (рис. 24), имеющих прямое острие и уплощенный, без упора, насад; два железных тесла-пазника (рис. 25:9,10); железный черешковый нож с узким длинным лезвием (рис. 25:1); железный нож с втульчатым насадом и лезвием (рис. 25:3), расположенным под углом 25 градусов по отношению к центральной оси ножа; железный нож

с коротким лезвием двусторонней заточки и длинным четырехгранным в сечении насадом, увенчанным петлеобразным навершием и металлической клепанной трубчатой муфтой для деревянной рукояти; железный черешковый миниатюрный нож (рис. 25:15); две проколки четырехгранного сечения с навершием в виде бараньих рогов (рис. 25:4,5); железная цепочка (рис. 25:6), состоящая из 76 мелких звеньев в виде восьмерок, выполненных их из тонкой четырехгранной проволоки; две подвески миниатюры изображения лука; миниатюрное железное зубило; железная прямоугольная пластина-подвеска с отверстием и чеканным точечным орнаментом (рис. 25:11); железная язычковая трапециевидная пряжка (рис. 25:12); железная язычковая круглая пряжка (рис. 25:14).

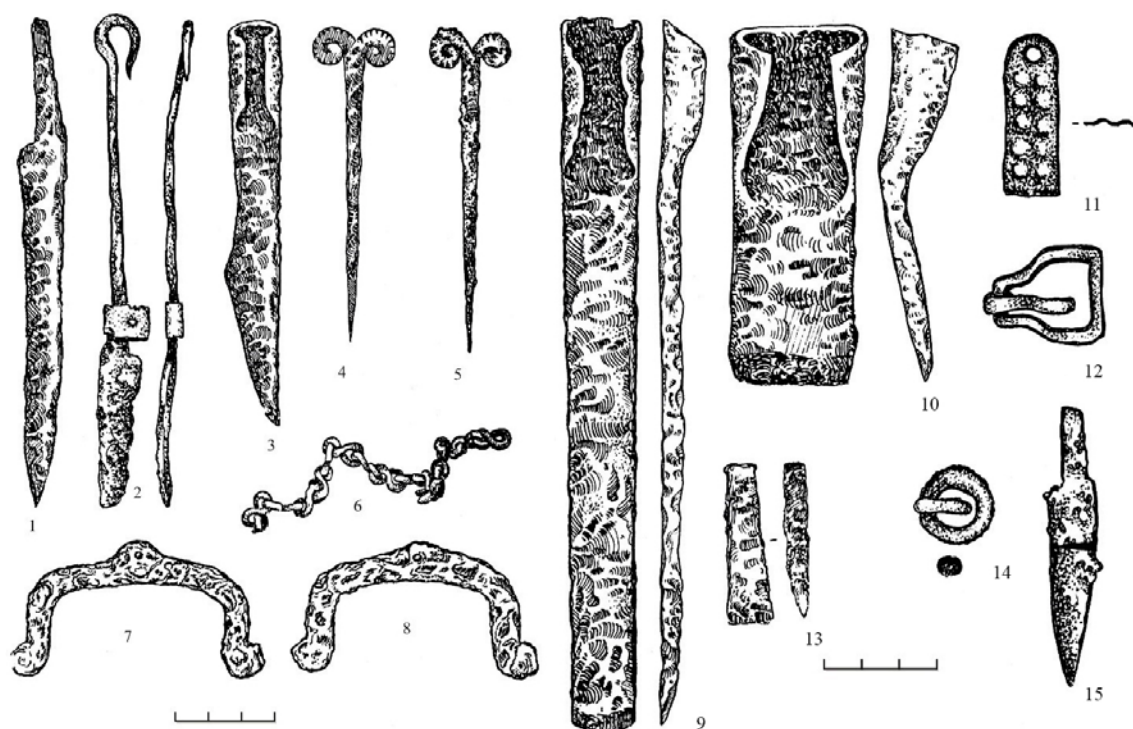

Рис. 25. Усть-Ковинский могильник 1987 г., "Железный клад" № 2. Железо.

«Железный клад» № 3, обнаружен в ходе работ 1987 г., в стратиграфической ситуации, аналогичной вышеописанным объектам. В его составе выделены следующие находки: железное сложносоставное антропоморфное изображение «марионетка» (рис. 26:1); два железных тесла-пазника (рис. 26:2-3); железный нож с прямым обушком и навершием в виде бараньих рогов (рис. 26:4); железный раскройный нож Г-образной формы (рис. 26:8); два железных кольца (рис. 26:5-6), изготовленных из четырехгранного в сечении стержня; две бронзовых бочонковидных пронизи (рис. 26:7); бронзовая спиралевидная пронизь; бронзовая трубчатая пронизь.

«Железный клад» № 4, обнаруженный в ходе работ 1988 г. морфологически аналогичен трём вышеописанным объектам. Все предметы, имеющие вытянутую форму, находились в субвертикальном положении. В

составе находок (рис. 27): три железных подвески в виде миниатюрных луков, залегающих последовательно одна на другой; железное тесло пазник (рис. 27:7); миниатюрное железное зубило; железный черешковый узколезвийный нож (рис. 27:9); железное прямоугольное в сечении острие с навершием в виде бараньих рогов (рис. 27:3); железный раскройный Г-образный нож с втульчатым насадом (рис. 27:2); железная язычковая пряжка трапецевидной формы (рис. 27:6); железный скребок с втульчатым насадом (рис. 27:4); железное четырехгранное острие; железная коническая трубка (игольник?) (рис. 27:8); три бронзовых круглых бляшки-пуговицы с железными петлями для крепления, расположенные горизонтально в ряд (рис. 27:5). С внутренней стороны бляшек, сохранились фрагменты жженой кожи; фрагменты железных изогнутых различным образом полос; железное сложносоставное антропо – зооморфное изображение «марионетка» (рис. 27:10).

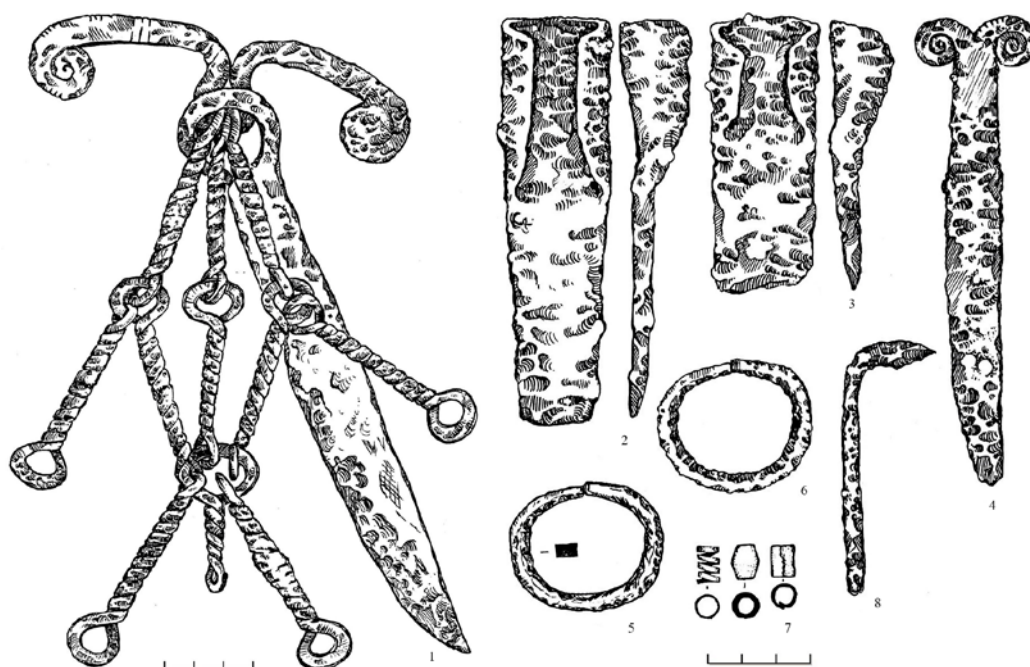

Рис. 26. Усть-Ковинский могильник 1987 г., "Железный клад"
№ 3. 1 6, 8. Железо. 7. Бронза.

В процессе раскопок могильника, было обнаружено два ритуальных захоронения изделий из кости, рога, керамики и мелких фрагментов металлических предметов. Основу находок в данной категории объектов составляли изделия из кости и рога. Соответственно, эти объекты получили условное наименование «костяные клады», которые характеризуются рядом схожих характеристик. Все предметы имеют следы высокотемпературного воздействия и залежали в центре зольных пятен. Это обстоятельство позволяет предположить то, что данные предметы были сожжены в специально подготовленном углублении с последующей засыпкой грунтом. Основной категорией находок в «костяных кладах» являются наконечники стрел. В силу того, что фрагменты сожженных изделий повторяют контуры целого предмета, а наконечники залегают в скоплениях па-

параллельно друг другу, делается предположение, что в «клады» помещались стрелы в колчанах.

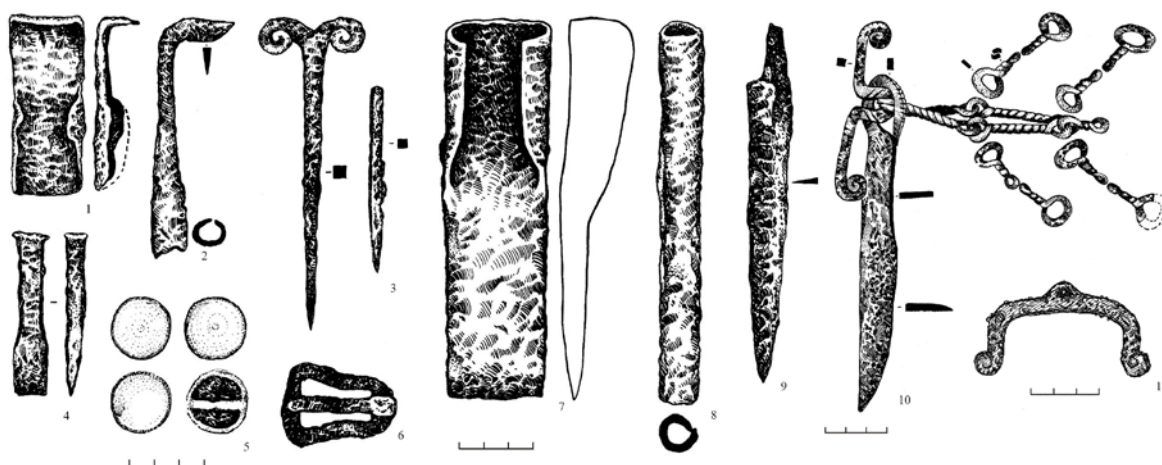

Рис. 27. Усть-Ковинский могильник 1988 г., "Железный клад" № 4. 1–5, 7–11. Железо. 6. Бронза.

«Костяной клад» № 1, обнаружен в ходе работ 1987 г. Находка зафиксирована в углублении почти правильной круглой формы. Диаметр верхнего горизонта ямы – 0,43 м. Глубина – 0,16 м. В верхнем горизонте заполнения ямы, найден «развал» целого лепного керамического сосуда (рис. 28:10). После реставрации выяснилось, что сосуд имел круглодонную форму, диаметр по венчику – 15,5 см, а высоту – 12 см. Верхний край венчика слегка отогнут наружу и утолщен полукруглым в сечении налепным валиком, орнаментированным тремя параллельными горизонтальными рядами наклонных оттисков прямого плоского штампа. Тулово орнаментировано чередующимися группами вертикальных и наклонных параллельных линий, образованных тонкими смазанными пальцевыми валиками.

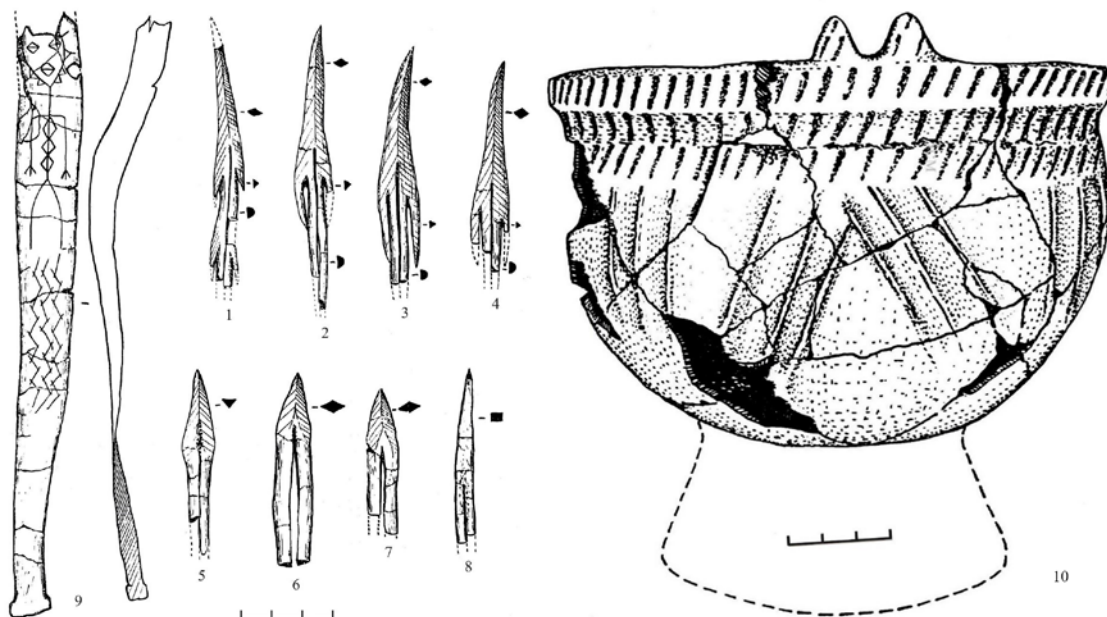

Рис. 28. Усть-Ковинский могильник 1987 г., "Костяной клад" № 1. 1-9. Рог. 10. Керамика.

С внешней стороны стенки сосуда имеют черный цвет от пребывания в огне, следы которого отмечены также на изделиях из кости. Верхний край венчика в двух местах украшают попарно расположенные треугольные «рога», орнаментированные вертикальными оттисками плоского штампа. На дне сосуда, с внешней стороны, остались следы кольцевидного налёпа – места крепления к донной части сосуда, конического поддона. Один из таких поддонов, орнаментированный четырьмя горизонтальными рядами вертикальных оттисков прямого штампа, был найден в погребении № 7. Любопытен следующий факт: диаметры мест сочленений поддонов (8 см), с донными частями сосудов у находок из «клада» и из погребения совпадают.

Ниже развала сосуда, в линзе супеси со следами высоко температурного воздействия и золы зафиксировано скопление фрагментов предметов из рога (рис. 28:1-9). В процессе реставрации были восстановлены 12 наконечников стрел и фрагмент орнаментированной пластины – накладки на лук. Восстановленные наконечники представлены двумя типами. Первый – это наконечники с ромбовидными и прямоугольными в сечении жалами, и раздвоенными вильчатыми насадами – 8 экз. Второй тип – это гарпуны, с параллельными парами шипов и раздвоенными вильчатыми насадами – 4 экз.

Внешняя плоскость пластины накладки украшена гравировкой (рис. 28:9). В верхней ее части прослеживается антропоморфное изображение, исполненное в «скелетном» стиле. Наиболее детально изображено лицо с приострѐнным подбородком, глазами и ртом, изображенными в виде горизонтальных рассеченных ромбов. Овал лица обрамляет украшение (борода?) в виде треугольников. Фигура изображенного имеет широкие плечи, трехпалые руки. Туловище изображено в виде трех вертикально расположенных ромбов, соединенных между собой. В вертикальном направлении ромбы пересекает прямая линия, переходящая в широко расставленные ноги. Под фигурой человека накладку украшают три продольных ломаных линии.

По мнению А.Л. Заики (устное сообщение), иконография изображения на роговой накладке соответствует изобразительным традициям Нижней Ангары во 2–1 тыс. до н. э. исследователь считает, что изображенный – это божество водной стихии, имеющее «рыбоголовое» изображение лица, а также, потоки воды у ног, вычерченных в виде параллельных зигзагов. В контексте «клада» с подборкой рыболовных гарпунных наконечников это обстоятельство может иметь особый смысл.

Здесь же было бы уместно привести и мнение В.И. Привалихина по поводу данной находки. Данный исследователь скифской эпохи Приангарья, высказывает предположение о том, что орнаментированная накладка, может относиться к элементам оформления колотушки бубна. По аналогиям с материалами этнографических коллекций современных коренных народов Сибири [Привалихин, Леонтьев, Дроздов, 2018].

«Костяной клад» № 2, обнаруженный в ходе работ 1988 г. (рис. 29) оказался частично разрушен позднейшей хозяйственной деятельностью русского старожильского поселения. Захоронение костяных изделий фиксировалось в линзе супеси со следами высокого температурного воздействия (участки прокалённого грунта с изменением цвета) с включением золы. В верхнем уровне фиксации зольное пятно имело форму неправильного овала с размерами 0,80 м по линии С-Ю и 1,70 м по линии З-В. Мощность заполнения составила 0,07–0,10 м. При расчистке объекта зафиксировано скопление фрагментов костяных наконечников стрел. По имеющимся фрагментам посчитано, что в «кладе» находилось не менее 20 наконечников стрел, расположенные в центральной части пятна. Наконечники имели треугольные и ромбические в сечении жала, круглые в сечении удлиненные шейки и уплощенные насады. Удлиненные шейки наконечников, позволяют относить их, на наш взгляд, к орудиям рыбной ловли. В северо-восточной части скопления найдена железная сферическая пуговица и оплавленные фрагменты бронзовой «бабочковидной» бляшки. Металлические бляшку и пуговицу, по-видимому, следует отнести к фурнитуре колчана для стрел.

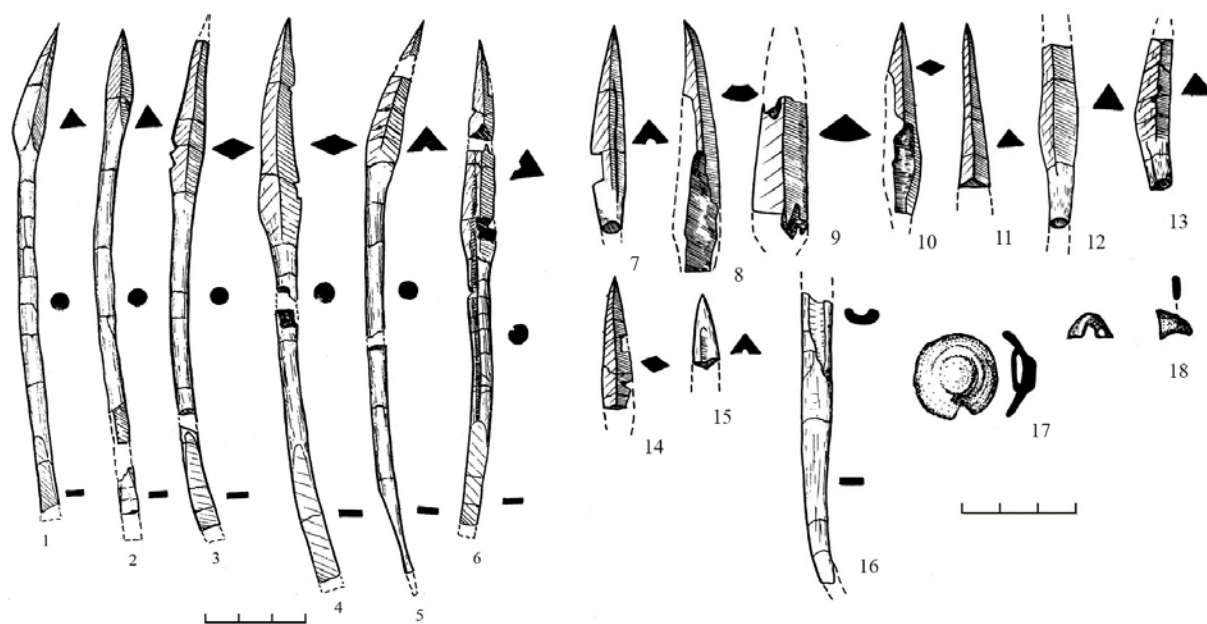

Рис. 29. Усть-Ковинский могильник 1988 г., "Костяной клад" № 2.

В результате проведённых исследований следует констатировать, что все объекты могильника, подразделяются на три культурно-хронологических группы. К первой следует отнести погребение № 10, которое, по характеру погребального инвентаря, может быть датировано карасукским временем (рубеж II–I тыс. до н. э.). Ближайшим аналогом инвентарного ряда может являться погребение, изученное А.Л. Заикой на культовом комплексе Каменка в Богучанском районе Красноярского края [Заика, 1999]. Особый интерес вызывают антропоморфные бляхи из погребального инвентаря данного объекта. Весьма схожими данным предметам

являются находки антропоморфных изображений, заключенных в кольцо. В их числе ажурная бляха из могильника Курма XI в Прибайкалье [Горюнова, Вебер, 2003]; находка близ с. Напас на р. Тым в Западной Сибири [Косарев, 1984]. Данные находки трактуются М.Ф. Косаревым, как предметы, имеющие отношение к солярному и астральному культам. Нам же представляется наиболее интересной иконография изображения антропоморфного существа, заключенного в кольцо бляхи. Ближайшими по композиционному расположению образа и оформлению деталей, являются изображения согдийской богини Нанайи (Великой Матери) из Самарканда. Имя Нана или Нанай принадлежит богине неиранского происхождения, образ которой в Иране и Средней Азии слился с образом иранской богини Анахиты. Имя Анахиты восходит к эпитету иранской богини плодородия Арадависуры-Анахиты и означает «Незапятнанная». В согдийской ономастике широко распространено первое из них – Нанай, сохранившееся по сей день в таджикском языке, в котором она значит мать, матушка, тогда как Анахита среди согдийских имен не встречается. На оттисках на комьях глины из Тешик-кала (Средняя Азия), изображения популярной «великой матушки», являются прямым аналогом Усть-Ковинского изображения. В верхней паре рук, богиня держит небесные святила. Богиня изображалась в виде четырехрукого существа (две руки подняты вверх, две – лежат в области пояса). Богиня сидит либо на барсе, либо на троне. На голове трехрогая корона либо – остроугольный колпак, с перевернутым полумесяцем на нём (трёхзубый головной убор) [Маршак, 2008]. В нашем же случае, изображенный, верхней парой рук «держит» собственно кольцо солярного круга, в которое сам и заключен.

Таким образом, есть основания утверждать, что население таежной зоны Северного Приангарья, во второй половине второго тысячелетия до н.э., испытывало значительное идеологическое влияние с юго-запада. Вероятно, стремительное распространение постулатов зороастрийского мировоззрения оказывало значительное влияние на формирование идеологических мифологем как древних ангарцев, так и племен таежной зоны Сибири в целом. Обращает на себя внимание факт хранения бронзовых изображений в глухом кожаном футляре. Такой способ ношения не предусматривает получения внешнего эстетического эффекта от предмета декоративного искусства, но подчеркивает его сакральный статус. Наличие в погребальном инвентаре сразу двух значимых сакральных атрибутов, свидетельствует об особом статусе погребенного.

Вторая группа объектов могильника включает в себя погребение № 7 и оба «костяных клада». Данные объекты могут быть датированы скифским временем. Наконечники из обоих кладов, имеют наибольшее количество прямых аналогов, в материалах Усть-Тасеевского культового комплекса на Нижней Ангаре. Комплекс датируется IV в. до н.э. – I в н.э. [Дроздов, Гревцов, Заика, 2011]. Примечателен тот факт, что в обоих случаях подобные наконечники использованы в качестве подношений в обряде огненного жертвоприношения. «Костяные клады» вероятнее всего яв-

ляются жертвенниками, иллюстрирующими охотничье-рыболовные обрядовые практики таёжного населения скифской эпохи. Весьма вероятно, что данные обрядовые действия, предусматривали практику «почитания предков» при выборе места жертвенника близ мест погребения. Кстати сказать, место расположения могильника в устье р. Ковы до момента затопления Богучанским водохранилищем, считалось у местного населения одним из наиболее «уловистых» (обильным на рыбную ловлю) во всем регионе. Есть основания предполагать, что объекты могильника, относящиеся к скифской эпохе, не сохранились до момента исследования в полном объеме. Дело в том, что данная категория находок, была сделана на площадке памятника, наиболее активно используемой в хозяйственной деятельности русским старожильческим поселением.

Погребение № 7, весьма неоднозначно по инвентарю. С одной стороны – в наличие каменный наконечник, роговая обойма для крепления наконечника в древке, фрагмент рогового изделия с гравировкой (орнамент имеет прямые аналогии орнаменту роговых наверший из материалов Усть-Тасеевского культового комплекса [Гревцов, 1997]), бронзовая «бабочковидная» бляшка – указывают на принадлежность объекта к находкам скифского времени (IV–I вв. до н. э.). С другой стороны, наличие предположительно стеклянных бусин, стальной швейной иглы, должно бы значительно омолаживать возраст погребения до эпохи средневековья. Отталкиваясь от того факта, что на территории Северного Приангарья в скифскую эпоху (вторая половина I тыс. до н. э.) имелись технологии производства на местном сырье железа и стали высокого для того времени качества [Гревцов, Лысенко, 2013]; было принято решение, отнести данное погребение к периоду скифской эпохи. Учитывая то, что на рубеже IV–III вв. до н.э. на территории Северного Приангарья происходит смена обряда погребения (от ингумации – к кремации «на стороне») [Привалихин, 2011], наиболее вероятной датой для описываемого погребения, может быть III–I вв. до н. э.

К третьей группе следует отнести объекты могильника эпохи средневековья. Данная группа включает в себя девять погребений, и четыре «железных клада». «Железные клады» являются самостоятельной подгруппой ритуальных объектов. «Клады» представляют собой захоронения предметов, совершенные с соблюдением правил, соответствующим обрядам погребения человека. Наборы инвентаря «кладов» в значительной части дублирует наборы погребального инвентаря могильника. Единственным, чрезвычайно важным исключением являются обнаруженные железные сложносоставные антропо – зооморфные «марионетки», все, имеющиеся в коллекции экземпляры которых, найдены в составе «железных кладов». В связи с этим проблематично погребение № 9 в инвентаре которого, зафиксировано подобное изделие. Не случайно, данный объект относится нами к разряду погребений весьма условно, несмотря на присутствие в нём антропологических останков. Авторы склонны считать, что погребение № 9 является по сути «железным кладом», а наличие в его наборе фраг-

ментов кремированного черепа человека, скорее всего, должно свидетельствовать об особом статусе данной находки, как обособленного, вероятно, ритуального атрибута. Это может быть частью воинской обрядовой трофейной практики, либо иллюстрацией к практике «почитания» уважаемого предка. Почитание человеческого черепа, имеет место на ранних этапах становления мировоззренческих постулатов почти у всех народов мира.

Сложносоставные антропоморфные «марионетки», являются уникальными культовыми атрибутами, не имеющими аналогов в современных материалах археологических памятников Средней Сибири [Гревцов, 1988; 1989а; 1989б; 1991; Леонтьев, Дроздов, 2003]. В данном случае, нас интересует сам факт наличия данных культовых атрибутов, как маркера в материалах «железных кладов». «Марионетка» отсутствует в «кладах» № 1 и № 2. Во-первых, тому причиной могла послужить неудовлетворительная сохранность железного инвентаря «клада № 1», из-за чего не удалось надёжно интерпретировать часть находок. Во-вторых, те предметы, что удалось атрибутировать – также являются антропоморфными изображениями, определёнными как «шумящие подвески». Ни одного бытового либо охотничьего инструмента в наборе «клада» не содержалось. Отсутствие «марионетки» в «железном кладе» № 2 можно объяснить тем, что данный объект был зафиксирован в непосредственной близости (1 метр) от «железного склада» № 3. В кладе № 3 марионетка присутствовала. Весьма вероятно, что клады № 2 и № 3, могут являться одним объектом, инвентарь которого распределен по двум погребальным ёмкостям.

В целом, «железные клады» могут быть интерпретированы двояко. В первом варианте их можно рассматривать как погребения – кенатафы, когда захоронение погребального инвентаря производилось по обряду кремации, но без праха умершего, утраченного по различным причинам. В данном случае, можно предположить, что в роли тела могла бы кремироваться кукла, либо макет тела человека. Этим объясняется отсутствие антропологических останков в материалах «кладов». Подобная практика, была широко распространена в Азии, в гуннское время на рубеже эры.

Второй вариант предусматривает, что «железные клады» являются элементом сложного погребального обряда, в ходе которого, после проведения обряда кремации прах человека отделялся от инвентаря и погребался отдельно. Подобная практика, существовала у современных народов Сибири (эвенков, кетов, нганасан). Данный обряд осуществлялся при погребении шаманов. Смысл обрядности состоял в том, что оставшиеся в «мире живых», подобным образом пытались обезопасить себя от злых козней переселившегося в «мир мёртвых» шамана, ведуна, колдуна, могущество которого без необходимой атрибутики, безусловно, было бы сведено на нет [Басилов, 1984]. Этот вариант кажется авторам наиболее убедительным, несмотря на тот факт, что при исследовании Усть-Ковинского могильника безинвентарных погребений, совершенных по обряду трупосожжения «на стороне», встречено не было.

Группа погребений эпохи средневековья неоднородна. Несмотря на очевидную идентичность основной массы погребального инвентаря она включает в себя погребения, совершенные как по обряду ингумации в берестяных конвертах (погребения № 1; 3), так и по обряду кремации «на стороне» (погребения № 2; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 11; 12). Поскольку, анализ предметов из наборов погребального инвентаря не дал оснований для разделения обрядовости погребения по формуле «пол – возраст», есть основание полагать следующее. Наличие параллельно кремации и ингумации следует увязывать, с одной стороны – с активным проникновением на территорию таежной зоны южных степных традиций, с другой стороны – контакты ангарцев с Западно-Сибирскими, по-видимому, самодийскими племенами.

Очевидно, что движение степняков на север было неоднократным, разновременным и волнообразным. Безусловно, на культовые практики Ангары было оказано наимощнейшее влияние в ходе гуннской экспансии с юго-востока. Вероятно, что именно с гуннским движением в северные районы Восточной Сибири следует связывать культ образа барана, а также, использование соответствующей символики в оформлении железных изделий с навершиями в виде плоских спиралей с насечками.

Этносоциальной катастрофой для автохтонного населения Северного Приангарья стало активное движение тюркского степного элемента в северные таежные районы. В результате вытеснения енисейских кыргызов из степной – лесостепной зон обитания, в ходе монгольской экспансии XII в.

Вопрос датировки группы средневековых погребений могильника, остается открытым. Отдельную работу, посвященную хронологии средневековых объектов Усть-Ковинского могильника, провела в 2016 г. П.О. Сенотрусова [Сенотрусова, 2016]. На основе типологического сравнения отдельных предметов погребального инвентаря со средневековыми памятниками от Приморья, до Восточной Европы исследователь предлагает весьма убедительное обоснование возраста для всего комплекса – VI–IX вв. н. э. Правда, уже в 2018 г., этот же исследователь, в соавторстве с П.В. Мандрыкой, при выделении лесосибирской археологической культуры, относит ряд ярких предметов, аналогичных ковинским – в таблицы с материалами датируемыми IX–XII, и даже XIII вв. н.э. [Мандрыка, Сенотрусова, 2018].

Близкие по обрядовости средневековые погребальные комплексы, известны в Северном Приангарье достаточно широко. Одним из наиболее изученных могильников данного периода, является изученный П.В. Мандрыкой погребальный комплекс Проспихинская Шивера [Мандрыка, Сенотрусова, 2018]. Автор исследования, датирует памятник XI–XIV вв. н.э. Одинокое погребение со стоянки Чадобец, исследованное Н.И. Дроздовым отнесена автором к IX–X вв. н.э. Значительная часть предметов погребального инвентаря находит прямые аналогии в материалах могильника Аймарглыг II в Туве, датируемого IX–X вв. н. э. [Длужневская, Овчинникова, 1980, с. 89–91]. К этому же хронологическому этапу следует отнести материалы погребения стоянки Усть-Кода, обнаруженного в 1990 г. [Леон-

тьев, 1992, с. 17], а также материалы погребений, обнаруженных на стоянках Отика и Сергушкин [Привалихин, 1993, с. 101–103]. Ряд погребений по обряду трупосожжения в разные годы были обнаружены на стоянках Усть-Кода, Чадобец, Отика и Сергушкин III Погребение со стоянки Сергушкин III, было укрыто берестой. Анализ которой, проведенный в лаборатории Красноярского института леса и древесины, позволил датировать погребение (1181 ± 35 лет н. э.).

Определение возраста группы средневековых погребений Усть-Ковинского могильника, на наш взгляд, приводит к важному заключению. В материалах средневековых объектов Усть-Ковинского могильника нет предметов, которые могли бы датироваться древнее VI в. н. э. Самые поздние объекты данной группы, вряд ли являются моложе XII в.

В заключение следует отметить, что материалы, полученные в ходе многолетнего изучения Усть-Ковинского могильника, являются неоценимыми источниками в вопросах этногенеза современных народов Сибири. Они иллюстрируют вопросы обрядовой практики древнего населения Ангары в период складывания раннеклассовых государственных образований.

Список литературы

Алексеев Е.А. Шаманская карта (коссул) у кетов // Материальная культура и мифология. Сборник музея антропологии и этнографии. XXXVII. – Л., 1981. – С. 169–179.

Басилов В.Н. Избранники духов. – М.: ИПЛ, 1984. – 208 с.

Горюнова О.И., Вебер А.В. Комплекс с ажурной бляхой из погребения могильника бронзового века Курма XI (оз. Байкал) // Археология этнография и антропология Евразии, 2003. – № 4 (16). – С. 110–116.

Гревцов Ю.А. Материалы кладов железного века со стоянок Усть-Кова // Проблемы археологии Северной Азии. – Чита, 1988. – С. 74–76.

Гревцов Ю.А. Проблемы этногенеза современных народов Сибири (по археологическим материалам Ковинского могильника) // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. – Красноярск, 1989. – С. 174–176.

Гревцов Ю.А. Средневековый погребальный комплекс стоянки Усть-Кова – шаманский могильник // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). – Уссурийск, 1989. – С. 15–17.

Гревцов Ю.А. К проблеме южного происхождения современных народов Севера Красноярского края (по материалам Усть-Ковинского могильника) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Посвещается 100-летию Н.К. Ауэрбаха. – Красноярск, 1991. – Т. 3. – С. 9–11.

Гревцов Ю.А. Роговые напершия из материалов Усть-Тасеевского культового комплекса // 275 лет Сибирской археологии Материалы XXXVII РАЭСК. – Красноярск, 1997. – С. 59–60.

Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н. Новые материалы о древнем металлургическом производстве в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей нижней Ангары и сопредельных территорий: сб. науч. ст. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 187–196.

Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. – Кызыл, 1980. – С. 77–94.

Дроздов Н.И., Гревцов А.Ю., Заика А.Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Тр. Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – Вып. VII. – С. 77–86.

Заика А.Л. Результаты исследования культовых памятников Нижней Ангары // Молодая археология и этнология Сибири: Материалы XXXIX РАЭСК. – Чита, 1999. – Ч. 2. – С. 11–16.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 242 с.

Леонтьев В.П., Ермолаев А.В. Погребение с трупосожжением со стоянки Усть-Кода // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск, 1992. – С. 16–19.

Леонтьев В. П., Дроздов Н.И. Новые материалы железного века со стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9. – С. 408–410.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурная принадлежность памятников развитого средневековья южнотаяжской зоны Средней Сибири // Российская археология, 2018. – № 2. – С. 98–112.

Маршак Б.И. Искусство Согда. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2008. – 63 с.

Привалихин В.И. обрядности таяжского населения Северного Приангарья в начале II тыс. н. э. // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. – Томск, 1993. – С. 101–103.

Привалихин В.И., Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. О некоторых археолого-этнографических параллелях, основанных на материалах исследований стоянки и могильника Усть-Кова в Северном Приангарье // Век подвижничества - 3. – Красноярск, 2018. – С. 58–65.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества / Ред. В.М. Ярошевская. Красноярск: ККМ, 2011. – С. 161–185.

Сенотрусова П.О. Могильник Усть-Кова и его место в средневековой истории Нижнего Приангарья (по опубликованным данным). Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология» // Известия Иркутского государственного университета, 2016. – Т. 16. – С. 88–102.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА XVII – НАЧАЛА XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАВОСЛАВНЫХ НЕКРОПОЛЕЙ)*

**Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 18-18-00487*

Аннотация: В работе дается палеодемографическая характеристика населения г. Красноярска XVII – начала XX вв. по материалам четырех православных некрополей: Преображенского, Покровского, Всехсвятского, Воскресенского. Для мужского и женского населения Красноярского острога XVII – начала XX вв. рассчитаны таблицы смертности, выстроены графики возрастной динамики вероятности смерти. Дается сравнительная характеристика основных палеодемографических показателей православных некрополей. В результате проведенных палеодемографических исследований выявлен высокий процент детской смертности во всех некрополях, что свидетельствует о неблагоприятной обстановке в городе Красноярске на протяжении XVII – начала XX вв. Средний возраст смерти населения Красноярска имеет незначительное колебание в сторону увеличения, что может косвенно свидетельствовать о начале стабилизации обстановки к началу XX в.

Ключевые слова: палеодемография, Красноярский острог, православный некрополь.

Reis E.S.,^{1,3} Savenkova T.M.^{2,3}

¹“Research and Production Association “Archeological Engineering and Research”, Ltd., Krasnoyarsk

²Krasnoyarsk State Medical Prof. V.F. Voino-Yasenetsky University,
Krasnoyarsk

³NR Tomsk State University, Tomsk

DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE POPULATION OF KRASNOYARSK IN XVII – EARLY XX CENTURIES (BY THE MATERIALS OF ORTHODOX NONCROPLES)

Resume: In the article gives a paleodemographic characteristic of the population of Krasnoyarsk in the 17th – early 20th centuries according to the materials of the four Orthodox necropolises: Preobrazhensky, Pokrovsky, Vsehsvyatsky and Voskresensky. For the male and female population of the Krasnoyarsk fortress of the XVII – early XX centuries mortality tables were calculated, graphs of the age dynamics of the probability of death are plotted. A comparative characteristic of the main paleodemographic indicators of Orthodox necropolises is given. As a result of paleodemographic studies, a high percentage of infant mortality was found in all necropolises, which indicates an unfavorable situation in the city of Krasnoyarsk

during the 17th – early 20th centuries. The average age of death of Krasnoyarsk's population has a slight upward fluctuation, which may indirectly indicate the beginning of stabilization of the situation by the beginning of the 20th century.

Keywords: paleodemography, Krasnoyarsk fortress, Orthodox necropolis.

Введение

При изучении образа жизни древнего населения палеодемографические исследования становятся важным этапом. В современной палеоантропологии накоплен богатый положительный опыт палеодемографических реконструкций [Богатенков и др., 2008; Бужилова, 2003; Ражев, Святова, 2005; Романова, 1989; Рыкушина, 2003; и др.]. Стало традицией представлять палеодемографические данные в виде таблиц смертности населения, которые включают в себя демографическую информацию [Балабанова, 2009; Боруцкая, Васильев, 2015; Куфтерин, Воробьёва, 2019; Южакова, 2016; Groza et al., 2011; Nagaoka et al., 2006 и др.].

В Красноярске в результате охранно-спасательных археологических раскопок в исторической части города в период с 1999 г. по 2008 г. был получен обширный антропологический материал, который представляет большую ценность для проведения палеодемографических реконструкций. Археологами были исследованы участки четырех некрополей, последовательно функционировавших с момента основания Красноярского острога в 1628 г. до начала XX в.

В Красноярске «первая церковь, считавшаяся «соборной», была посвящена празднику «боголепного Преображения» в честь того, что в этот день был заложен Красноярский острог» в 1628 г. [Бахрушин, 1959, с. 90]. В 1759–1773 гг. на месте или в непосредственной близости к Преображенской церкви был построен Воскресенский собор, у стен которого до 1920-х годов захоранивали представителей духовенства и почетных граждан города. В 60-х гг. XX в. собор был снесён, а территория неоднократно застраивалась, в связи с чем утратилась информация о точном расположении Преображенской церкви и Воскресенского собора (территория современных площади Мира и концертного зала (рис. 1: 1,4). При реконструкции концертного зала в 2007–2008 гг. на данной территории проводились охранно-спасательные археологические работы [Макаров, 2008; Гревцов, 2009]. Было зафиксировано четыре яруса перекрывающих друг друга погребений и получен скелетный материал из 183 могил различной сохранности. Обнаруженные свинцовые пули во рту и наконечники стрел, которые использовались аборигенными племенами в XVII–XVIII вв., следы боевых ранений на костях скелетов некоторых погребенных, свидетельствуют об участии покойных в боевых столкновениях русских казаков с неприятелем, осаждавшим Красноярский острог в XVII в. Эти материалы и позволили сделать вывод о наличии некрополя при Преображенской церкви [Савенкова и др., 2018]. Разграничить полностью материалы с Преображенского и Воскресенского некрополей не представляется возможным из-за отсутствия датирующего сопроводительного инвентаря во многих

погребениях, поэтому некрополи в дальнейшем мы условно обозначили как Воскресенско-Преображенский (XVII – 20-х гг. XX вв.)

Вторым некрополем Красноярского острога был Покровский (XVII-XVIII вв.) при бывшей деревянной одноименной церкви. Находился он в юго-западном углу посада (ныне район пересечения улиц К. Маркса и 9 Января (рис. 1: 2). В 1999-2000 гг. был исследован наиболее поздний юго-западный сектор некрополя. На площади 220 м² раскопано 327 погребений в дощатых гробах и колодах. Было зафиксировано до пяти ярусов погребений, перекрывающих друг друга [Тарасов, 2011].

Рис. 1. Современный план г. Красноярска с обозначением исторических некрополей: 1 – Преображенский; 2 – Покровский; 3 – Всехсвятский; 4 – Воскресенский.

Материалы и методы

После опустошительного пожара в Красноярске в 1773 г. и в связи с указом Екатерины II от 3 июля 1772 г., запрещающего погребать умерших при церквях, расположенных в черте города, было определено место для нового "кладбища мертвых тел". К западу от городской застройки было выделено место для кладбища и Всехсвятской церкви (район современного торгового центра «Квант», в пределах современных улиц Красной Армии и Обороны (рис. 1: 3). «Записи метрических книг Всехсвятской церкви

XVIII-XIX веков свидетельствуют, что территория Всехсвятского кладбища стала местом погребения коренной части жителей Красноярска» [Шумов, 2018]. В XX в. территория кладбища была застроена, а в 2004–2005 гг. в результате проведенных охранно-спасательных археологических работ было исследовано 404 погребения из наиболее раннего юго-западного сектора Всехсвятского некрополя [Тарасов, 2011].

Порядок формирования и функционирования православных некрополей следующий: при Покровской церкви – 30–40 гг. XVII – последняя четверть XVIII в.; при Преображенской – XVII в.; при Всехсвятской – 1773 г. – середина XIX в.; при Воскресенском соборе – последняя четверть XVIII – 20-е гг. XX в. [Тарасов, 2011].

Общее количество исследуемого материала составило 958 скелетов. Первая выборка в количестве 349 скелетов получена с Покровского некрополя. В эту выборку к раскопанным в 1999-2000 гг. 327 скелетам дополнительно включены 6 скелетов из разрушенных строителями могил в 2000 г. и 16 скелетов из коллекции Красноярского краевого краеведческого музея, найденные во время строительных работ на месте Покровского некрополя (сборы: А. Устюговой, 1950 г.; И.Б. Николаевой, 1958 г.). Вторую самую многочисленную выборку, 410 скелетов, составил материал из Всехсвятского некрополя (к исследованным в 2004-2005 гг. 404 погребениям добавились останки индивидов из разрушенных строителями погребений). Третья выборка составила 199 скелетов из Воскресенско-Преображенского некрополя. Дополнительно в неё были включены 6 скелетов из коллекции Красноярского краевого краеведческого музея, полученных в результате авральных раскопок на Воскресенском некрополе в 1958 г. И.Б. Николаевой при проведении на этом месте строительных работ, и 10 скелетных останков различной сохранности, обнаруженных при археологическом обследовании северного сектора современной площади Мира в 2008 г [Николаева И.Б., 1963; Лысенко, Тарасов, 2011]. По результатам проведенных половозрастных определений индивиды были сгруппированы в возрастные когорты с пятилетним интервалом, на основании которых рассчитаны таблицы смертности (отдельно для мужчин и женщин), выстроены графики вероятности смерти. Все расчеты выполнены согласно стандартным методикам, ставшими «классикой» в современной палеодемографии [Angel, 1969; Acsadi, Nemeskeri, 1970; Weiss, 1973; Богатенков, 2003]. Полный перечень рассчитанных и проанализированных палеодемографических признаков приведен в табл. 1.

Табл. 1. Используемые палеодемографические характеристики и их обозначения

Символ	Описание (размерность)	Принцип расчета
1	2	3
a, m, f	Обозначение групп: взрослые, мужчины, женщины	-
Nr	Объем выборки, использованный в расчетах	$= \sum(0, 50+)Dx$

1	2	3
Nm	Количество мужчин в группе	-
Nf	Количество женщин в группе	-
x, или (i-j)	Возрастной интервал (класс, когорта) таблиц смертности (лет)	, где $j = i+5$
X	Середина возрастного интервала x (лет)	$= [i + (i+5)] / 2$
A	Средний возраст смерти в группе (популяции) (лет)	$= [\sum(0, 50+)XDx] / Nr$
AA	Средний возраст смерти взрослых в группе (лет)	$= [\sum(15, 50+)XDx] / Na$
PCD	Процент детской смертности в группе (%)	$= \sum(0, 15)Dx / Nr * 100$
PBD	Процент смертности в первый год жизни (%)	$= \sum(0, 1)Dx / \sum(0, 15)Dx * 100$
PSR (m – f)	Процентное соотношение мужчин и женщин в группе (%)	$= N(m \text{ или } f) / Na * 100$, где $Na = Nm + Nf$
C50+ или d50+	Процент индивидов в финальной возрастной когорте (%)	$= D(50+) / Nr * 100$
Dx	Число индивидов в возрастной когорте x (n)	-
dx, или Cx	Процент индивидов каждого возрастного интервала (%)	$= Dx / Nr * 100$
lx	Процент доживших от x_0 возрастного класса до возраста x (%)	$l(x-5) - d(x-5)$
qx	Вероятность смерти индивида в возрастной когорте x	$= dx / lx$
ex^0	Среднее число лет, проживаемых после достижения возраста x (лет)	$= Tx / lx$, где $Tx = (\sum Lx) - Lx$ и $Lx = S * 5[lx + l(x+5)]$

Результаты исследования

Смертность мужчин и женщин (табл. 2; dx) Покровского некрополя имеет заметный подъем, который приходится на интервал 30–35 лет. Несмотря на то, что пик смертности в обеих группах приходится на один возрастной период, характер ее распределения свидетельствует, что уровень смертности по возрастным когортам у мужчин и женщин различен. У женщин процент смертности стремительно увеличивается после юношеского возраста и достигает своего максимума в период 30–35 лет. Затем происходит заметный спад уровня смертности, однако в возрасте 40–45 лет вновь происходит увеличение значения dx. У мужчин уровень смертности резко возрастает после 25–30 лет. В следующее десятилетие хотя и наблюдается снижение уровня смертности, значение dx не меняется. Заметное снижение кривой смертности наблюдается в возрастном интервале 45–50 лет. Если рассматривать отдельно финальный отрезок возрастной шкалы, то мы видим, что до интервала 50+ лет доживает всего лишь 3,38 % мужчин и 2,61 % женщин. Таким образом, мы наблюдаем, что у мужчин Покровского некрополя, в отличие от женщин, высокий процент смертности приходится на более продолжительный период. «Подобный четко локализованный в определенном возрастном интервале пик смертности может

быть свидетельством специфического фактора, воздействующего на взрослое население» [Богатенков, 2003, с. 25].

Табл. 2. Показатели смертности мужчин и женщин Покровского некрополя

Возраст	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	qx	ex0	Dx	dx	lx	qx	ex0
15-19	4,0	6,02	100,0	0,06	20,26	2,0	2,61	100,0	0,03	19,12
20-24	3,0	4,51	93,98	0,05	16,40	9,5	12,42	97,39	0,13	14,56
25-29	7,0	10,53	89,47	0,12	12,10	12,5	16,34	84,97	0,19	11,33
30-34	19,75	29,70	78,95	0,38	8,38	22,25	29,08	68,63	0,42	8,43
35-39	13,0	19,55	49,25	0,40	6,93	8,25	10,78	39,54	0,27	7,79
40-44	12,75	19,17	29,70	0,65	4,84	14,0	18,30	28,76	0,64	4,77
45-49	4,75	7,14	10,53	0,68	4,11	6,0	7,84	10,46	0,75	3,75
50+	2,25	3,38	3,38	1,00	2,50	2,0	2,61	2,61	1,00	2,5

Для мужчин и женщин Покровского некрополя характерна прямая зависимость вероятности смерти от возраста (рис. 2). У мужчин в возрастные интервалы 30–35, 40–45 и 50+ наблюдается значительное увеличение значения qx. У женщин же в отличие от мужчин происходит снижение уровня вероятности смерти в период 35–39 лет, но в следующий возрастной интервал кривая вероятности смерти резко поднимается. В остальные возрастные периоды значения qx у женщин незначительно отличаются от значений у мужчин.

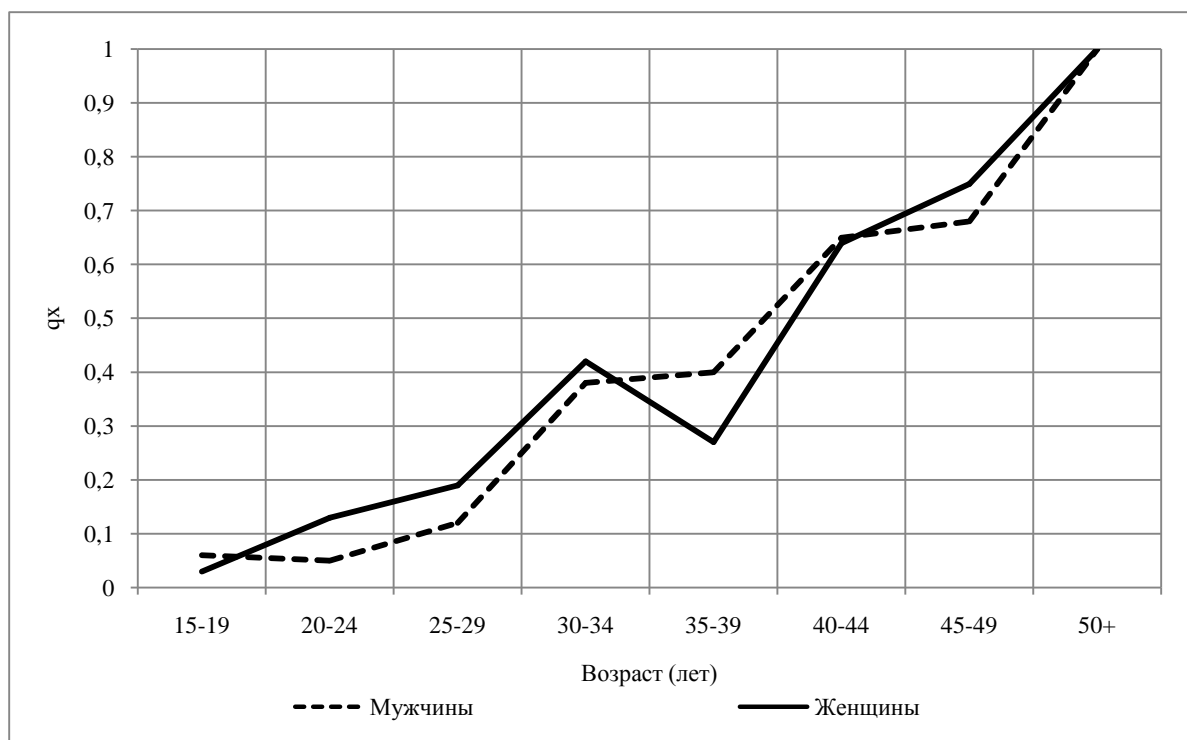

Рис. 2. Возрастная динамика вероятности смерти (qx) у мужчин и женщин Покровского некрополя.

Табл. 3. Показатели смертности мужчин и женщин Всехсвятского некрополя

Возраст	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	qx	ex0	Dx	dx	lx	qx	ex0
15-19	3,0	2,65	100,0	0,03	21,26	4,0	4,60	100,0	0,05	19,31
20-24	4,25	3,76	97,35	0,04	16,77	4,25	4,89	95,40	0,05	15,12
25-29	12,75	11,28	93,58	0,12	12,35	18,75	21,55	90,52	0,24	10,80
30-34	27,13	24,00	82,30	0,29	8,70	25,38	29,17	68,96	0,42	8,40
35-39	29,88	26,44	58,30	0,45	6,25	11,13	12,79	39,80	0,32	7,72
40-44	25,88	22,90	31,86	0,72	4,36	13,46	15,47	27,01	0,57	5,19
45-49	6,88	6,08	8,96	0,68	4,10	7,46	8,57	11,54	0,74	3,79
50+	3,25	2,88	2,88	1,00	2,50	2,58	2,97	2,97	1,00	2,50

Во Всехсвятском некрополе пик смертности мужчин и женщин приходится на разные возрастные периоды (табл. 3). У женщин процент смертности резко возрастает в период 25–30 лет и достигает своего максимума в 30–35 лет, также, как и в Покровском некрополе. В следующий возрастной период происходит заметный спад уровня смертности. В мужской выборке Всехсвятского некрополя, в отличие от Покровского, пик уровня смертности сдвигается на более поздний возрастной интервал – 35–40 лет, однако, как и в Покровском, наблюдается довольно высокий процент смертности в период 30–35 и 40–45 лет. Процент доживших мужчин до 50 лет и старше во Всехсвятском некрополе составил 2,88%, женщин – 2,97%, что в целом незначительно отличается от Покровского некрополя.

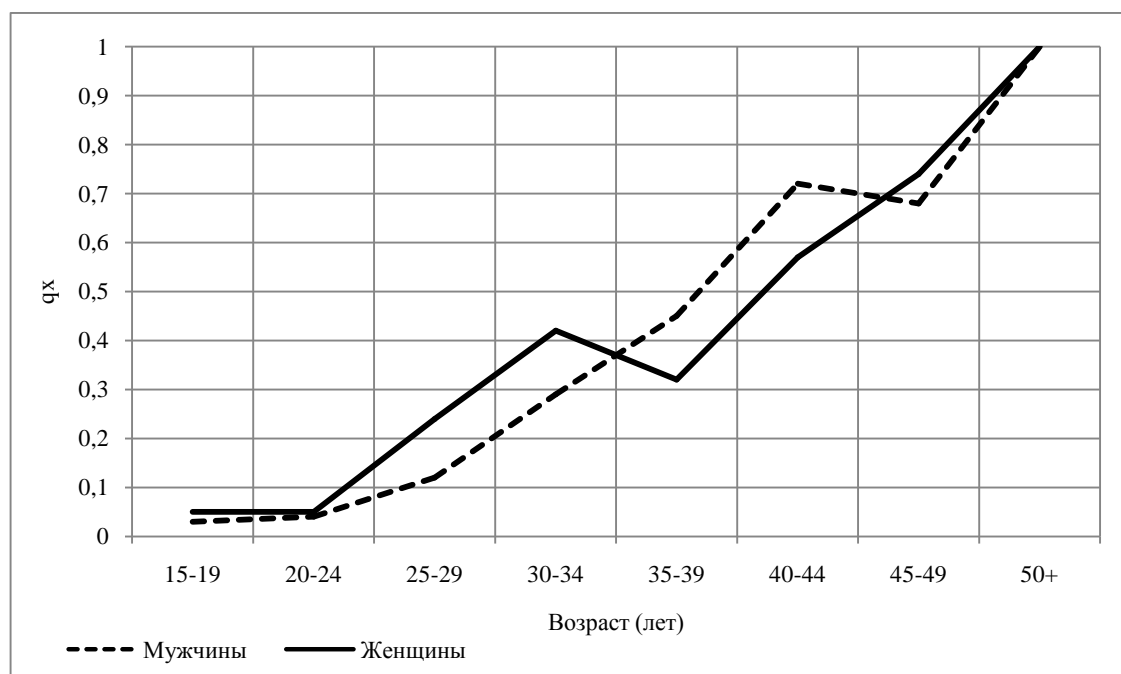

Рис. 3. Возрастная динамика вероятности смерти (qx) у мужчин и женщин Всехсвятского некрополя.

Во Всехсвятском некрополе, как и в Покровском, вероятность смерти (qx) с возрастом увеличивается (рис. 3). Для мужчин характерен посте-

пенный подъем кривой вероятности смерти. После 35–40 лет, значения qx резко увеличиваются, но в следующий возрастной интервал происходит незначительное понижение уровня вероятности смерти. У женщин кривая вероятности смерти напоминает Покровский некрополь. Также наблюдается понижение значения qx в период 35–39 лет, после чего происходит значительное увеличение уровня вероятности смерти. В целом в отличие от Покровского во Всехсвятском некрополе разница qx между мужчинами и женщинами более выраженная. У женщин кривая вероятности смерти превосходит мужскую в интервале 25–35 лет, а в следующее десятилетие наоборот – ниже, чем у мужчин.

Табл. 4. Показатели таблицы смертности мужчин и женщин Воскресенско-Преображенского некрополя

Возраст	Мужчины					Женщины				
	Dx	dx	lx	qx	ex0	Dx	dx	lx	qx	ex0
15-19	7,25	11,2	100	0,11	19,0	8,75	16,8	100	0,17	15,3
20-24	6,06	9,3	88,8	0,10	16,1	10,89	21,0	83,2	0,25	12,9
25-29	8,31	12,8	79,5	0,16	12,7	10,14	19,5	62,2	0,31	11,4
30-34	14,31	22,0	66,7	0,33	9,7	6,64	12,8	42,7	0,30	10,5
35-39	7,27	11,2	44,7	0,25	8,2	4,27	8,2	29,9	0,27	9,0
40-44	13,27	20,4	33,5	0,61	5,1	5,77	11,1	21,7	0,51	6,4
45-49	5,77	8,9	13,1	0,68	4,1	2,27	4,4	10,6	0,41	5,5
50+	2,77	4,3	4,3	1,00	2,5	3,27	6,3	6,3	1,00	2,5

У женщин Воскресенско-Преображенского некрополя распределение уровня смертности значительно отличается от других некрополей (табл. 4). Наибольшее число смертей приходится на более ранний период – 20–25 лет, но в последующем возрастном интервале уровень смертности, также остается довольно высоким. В период 35–40 лет происходит заметное снижение смертности у женщин, после чего наблюдается еще одно повышение значения dx . Для мужчин Воскресенско-Преображенского некрополя характерны два пика смертности, приходящихся на возрастные интервалы в 30–35 и 40–45 лет. В отличие от предыдущих двух некрополей у мужчин происходит понижение уровня смертности в период 35–40 лет, а у женщин в 30–35 лет (когда в других выборках, наоборот, в этом возрасте наблюдается высокая смертность). Для обеих групп Воскресенско-Преображенского некрополя характерно увеличение смертей в юношеский период, по сравнению с сериями из других некрополей, а также увеличение процента доживших до 50 лет и старше (4,3 % у мужчин и 6,3 % у женщин).

У мужчин Воскресенско-Преображенского некрополя кривая вероятности смерти зависит от возраста и имеет незначительные спады и подъемы, наблюдается резкое увеличение вероятности смертности в период 40–45 лет (рис. 4). У женщин вероятность смерти выше, чем у мужчин в интервале 20–30 лет. В отличие от женщин Всехсвятского некрополя в Вос-

кресенско-Преображенском отмечается значимое повышение вероятности смерти в более ранний возрастной период 25-30 лет, после которого наблюдается значительное понижение кривой. Резкий подъем кривой вероятности смерти у женщин Воскресенско-Преображенского некрополя наблюдается лишь в финальной возрастной когорте.

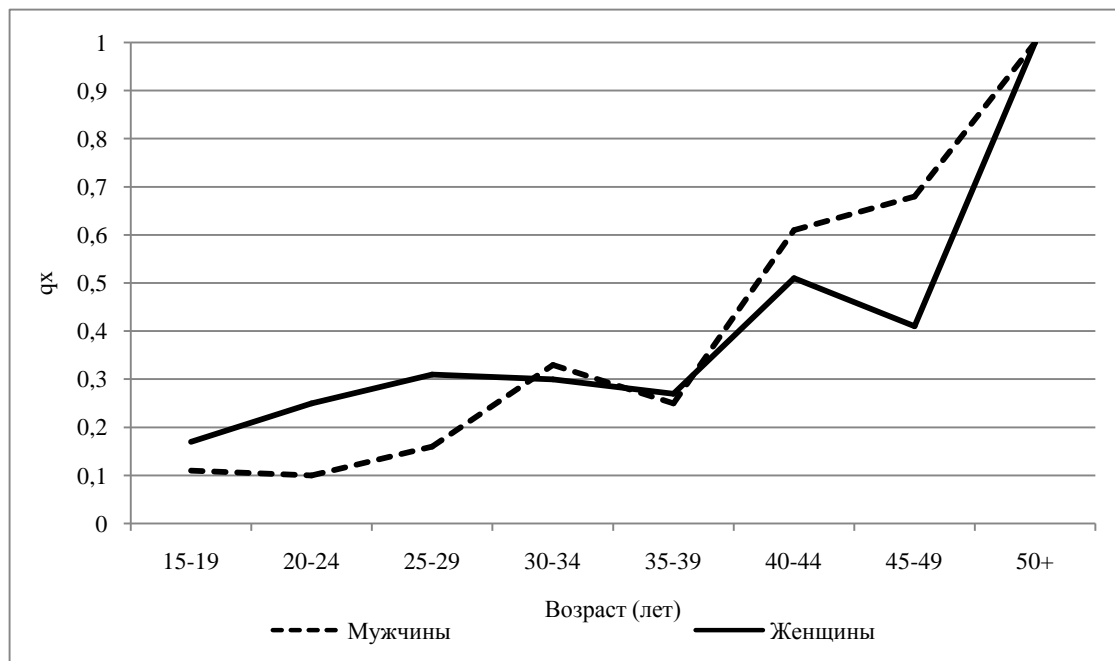

Рис. 4. Возрастная динамика вероятности смерти (q_x) у мужчин и женщин Воскресенско-Преображенского некрополя.

Табл. 5. Сравнительная характеристика основных палеодемографических показателей православных некрополей г. Красноярск

Выборка (некрополь)	Nr	Nm	Nf	PCD	PBD	A	AA	AAm	AAf
Покровский	349	66	76	59	61,2	16,5	35,3	35,3	34,1
Всехсвятский	410	108	82	51,2	76,7	18,8	35,4	36,3	34,3
Воскресенско-Преображенский	199	62	49	41,2	47,6	21,0	32,4	34,0	30,3

В табл. 5 дается характеристика основных палеодемографических показателей всех трех некрополей г. Красноярск (XVII – начало XIX вв.). Как видно из таблицы во всех трех выборках наблюдается достаточно высокий процент детской смертности, наибольшее значение которого приходится на первый год жизни.

Заключение

1. Самый низкий средний возраст смерти взрослого населения города Красноярск наблюдается в серии Воскресенско-Преображенского некрополя – 32,4 года. Во Всехсвятском и Покровском – 35,4 и 35,3 соответственно, средний возраст смерти взрослого населения практически не отличается. Эти значения не обнаруживают закономерных отличий от уровня жизни средневекового населения на территории Сибири.

2. Высокая младенческая и детская смертность является свидетельством неблагоприятной обстановки в городе Красноярске на протяжении первых трех столетий.

3. Организм женщин в городе сильнее подвергался стрессу, в связи с чем, на протяжении трёх первых столетий средний возраст смерти в мужской части населения был больше, чем в женской. Данный факт может быть связан с частыми родами, отсутствием медицинской помощи и недостаточным питанием. Организм женщин не успевал восстанавливаться после многочисленных родов. Низкое содержание кальция и высокое содержание костеобразующих микроэлементов в женских скелетах свидетельствуют в пользу данного вывода [Савенкова и др. 2013. С. 276]. Кроме того, исторические данные подтверждают выше сказанное: женщины Красноярского острога рожали в среднем по 15–20 раз [Город у Красного яра, 1981. С. 93].

4. В Покровском и во Всехсвятском некрополях большой процент смертности у мужчин приходится на период 30–45 лет. В Воскресенско-Преображенском для мужчин характерно два пика смертности 30–35 и 40–45 что, вероятнее всего, свидетельствует о наличии двух разновременных выборок в серии.

5. Отмечается низкий процент мужчин и женщин, доживших до финальной возрастной когорты во всех трех некрополях.

6. Оценивая палеодемографическую характеристику населения Красноярска в XVII – начале XX вв. с позиции экологии можно сказать следующее: население Красноярска в первые три столетия преодолеvalo последствия кризисных явлений. Частые войны с южными соседями в течение первого столетия, связанные с ними осады острога и голодовки, адаптация мигрантов на новой территории («переселенческий стресс»), эпидемии различных болезней, низкий уровень или вовсе отсутствие медицинской помощи – всё это сказалось на величине среднего возраста смерти населения в начале становления города.

Список литературы

Балабанова М.А. Половозрастная структура и краниология погребенных в могильнике золотоордынского времени Маячный Бугор // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях: сборник научных статей. – СПб: МАЭ, 2009. – С. 4-22.

Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда. Сибирь и Средняя Азия в XVI-XVII вв. Научные труды. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – Т.IV. – 258 с.

Богатенков Д.В. Палеодемография Мистихали // Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). – М.: Научный Мир, 2003. – С. 19-49.

Богатенков Д.Н., Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б. Реконструкции демографических процессов в Прикаспийском Дагестане эпохи бронзы (по материалам раскопок археологического комплекса Великент в 1995-1998 гг. // Opus: Междисциплинарные исследования в археологии. Сборник статей. – М.: Изд-во «Параллели», 2008. – С. 154–167.

Боруцкая С.Б., Васильев С.В. Палеодемографический анализ Твери XVII-XIX вв. // Тверской археологический сборник. – Тверь: Триада, 2015. – Серия 10. – Т.2. – С. 318-325.

Бужилова А.П. Население Хазарского каганата: особенности демографической структуры // Горизонты антропологии: Труды международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. – М.: Наука, 2003. – С. 509-512.

Город у Красного Яра. Документы и материалы по истории Красноярска. XVII–XVIII вв. / Сост. и авт. ком. Г.Ф. Быконя, Л.П. Шорохов. Красноярск: Кн. изд-во, 1981. 280 с.

Гревцов Ю.А. Отчет о результатах археологических исследований в г. Красноярске в 2008 году // Архив отдела охраны объектов культурного наследия Министерства культуры Красноярского края. Б/н. – Красноярск, 2009. – Т. 1. – 232 с.

Куфтерин В.В., Воробьева С.Л. К палеодемографии пьяноборской культуры // Поволжская археология, 2019. – № 1 (27). – С. 164-179.

Лысенко Д.Н., Тарасов А.Ю. Археологическое исследование в историческом центре Красноярска // Труды Всероссийского археологического съезда. – СПб, М.: Великий Новгород: «Старая Русса», 2011. – Т. II. – С. 295-296.

Макаров Н.П. Отчет о проведении аварийно-спасательных археологических раскопок объектов археологического наследия «Воскресенский некрополь» и «Красноярский острог», выявленных в ходе реконструкции главного входа в здание государственного учреждения культуры «Красноярской краевой филармонии» (г. Красноярск, пр. Мира, 26) // Архив отдела охраны объектов культурного наследия Министерства культуры Красноярского края. Б/н, Красноярск, 2008. – Т. 1 – 61 с.

Николаева И.Б. Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. – Красноярск: Кн. изд-во, 1963. – С. 115–121.

Ражев Д.И., Святова Е.О. Палеодемографический анализ кладбища нового времени г. Верхотурья // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных трудов. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С. 180-190.

Романова Г.П. Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополя в эпоху ранней бронзы // Вопросы антропологии, 1989. – Вып. 82. – С. 67-77.

Рыкушина Г.В. Демографическая структура калаусских ногайцев (по материалам могильника XVIII-XIX вв. Ипатово-3) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Антропология ногайцев. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – Выпуск IV. – С. 32-35.

Савенкова Т.М., Макаров Н.П., Аверченко И.В., Рейс Е.С., Лысый В.И. Воинские погребения с православного некрополя Красноярского острога XVII века // Интеграция археологических и этнографических исследований (Сборник научных трудов). – Павлодар, Омск: Издательский дом «Наука», 2018. – С. 104-109.

Савенкова Т.М., Рейс Е.С., Стрелкович Н.Н., Медведева Н.Н. Возможности использования палеоантропологического материала в биоархеологических реконструкциях на примере православного Покровского некрополя г. Красноярска XVII-XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. История, 2013. – № 3 (23). – С. 275-278.

Тарасов А.Ю. Археологическое изучение исторических некрополей г. Красноярска // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб, М., Великий Новгород: «Старая Русса», 2011. – Т. II. – С. 262-263.

Шумов К.Ю. Всехсвятская церковь в Красноярске, 2018 // <http://naov.ru/articles/89.html>

Южакова А.В. Палеодемография населения лесостепного Прииртышья XVII-XVIII вв. (могильник Чеплярово 27) // Вестник ТГУ. История, 2016. – № 5 (43). – С. 169–174.

Acsadi G., Nemeskeri J. History of human life span and mortality. Budapest: Akademiai Kiado, 1970. – 346 p.

Angel J. The bases of paleodemography // Amer. J. Physical Anthropology, 1969. – V. 31. – P. 427-437.

Croza V.-M., Miu G., Simalcsik A., Simalcsik R. Preliminary data concerning the demographical structure of the medieval population of the Iasi city (*necropolis* of the „Sf. Nicolae- Ciurchi” Church, 16th – 18th centuries) // Analele Științifice ale Universității „Al. I. Cuza” Iași, s. Biologie animală, 2011. – Tom LVII. – P. 125-130.

Nagaoka T., Hirata K., Yokota E., Matsu'ura S. Paleodemography of a Medieval Population in Japan: Analysis of Human Skeletal Remains from the Yuigahama-minami Site // Amer. J. Physical Anthropology, 2006. – V. 131. – P. 1-14.

Weiss K. Demographic models for Anthropology // American Antiquity, 1973. – V. 38, n. 2, part 2. – 187 p.

КЕРАМИЧЕСКИЕ ПЕЧНЫЕ ВЬЮШКИ ИЗ ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА

Аннотация: В г. Енисейске во время археологических работ были обнаружены многочисленные фрагменты не описанных ранее керамических предметов. Проведён поиск аналогов в центральных и северных регионах страны, Западной и Восточной Сибири, рассмотрены несколько вариантов возможного их использования. По результатам исследований можно утверждать, что обнаруженное изделие являлось печной вьюшкой и состояло из рамки (кольцевидного жёлоба) и крышки. Для отобранных экземпляров была разработана система сравнительных критериев. За основной качественный признак была взята форма изделия. К дополнительным признакам отнесены состав формовочной массы, способ формообразования, среда обжига. Полученный объём информации позволяет идентифицировать подобные изделия в соответствии с выявленными типами и даёт представление об их использовании русским населением с XVII в. по XIX в. на территории г. Енисейска. Изучение влияния различных гончарных традиций на Енисейскую керамику планируется в процессе дальнейшего исследования всего её массива.

Ключевые слова: Археология, Енисейск, керамические желоба, крышки, отопление по-белому, дымоход, печная вьюшка.

Abolina L.A.

Krasnoyarsk Geoarcheology, Ltd., Krasnoyarsk

POTTERY STOVED AMPERS FROM YENISEISK CITY

Abstract: During archaeological mission in Yeniseisk there were found lots of pottery fragments, the nature of the objects wasn't clear. Similar objects were looked for in contiguous areas, in central and northern country regions, a few suggestions about the purpose of the pottery objects were studied. Basing on the research findings, we can state, that the pottery objects from Yeniseisk are stove dampers consisting of two parts: a frame (ring-shaped furrow) and a cover. A procedure of comparing the selected samples was developed and the dampers were divided into categories. The shape of the damper is defined as the main characteristic, the additional features are the following: the moulding material composition, the method of shaping, the firing environment. The damper frames refer to the same type of 2 subtypes. The first one differs into 4 variants by their form. The lids have 1 type distinguished by 3 kind of forms. The extracted information allows to identify and categorize dampers and shows us the way they were used in Russia in XVII–XIX centuries. During the further study of ceramic it is planned to proceed with research in impact the different potter's traditions had on the Ynissey region territory.

Keywords: archeology, Yeniseisk, pottery furrows, covers, stove heating, stove flue, damper.

Введение

Целенаправленные археологические раскопки были развёрнуты в режиме охранно-спасательных мероприятий в ходе благоустройства горо-

да и массовой реставрации исторических зданий, начиная с 2013 г. Во время археологических работ на исторической территории, среди массы традиционной «русской» керамики, было обнаружено большое количество фрагментов керамических изделий неизвестного назначения – колец с профилем поперечного сечения в виде жёлоба. Внутренний их диаметр варьировался от 17 до 34 см, но у основной массы изделий преобладали размеры 20–25 см. Ширина колец по верхнему краю составляла от 4 до 6 см.

При очевидной принадлежности изделий к единому типу, профили поперечных сечений желобов имели несколько вариантов форм: от V-образного, приострѐнного в основании, до прямоугольного, с плоским широким основанием, в виде перевёрнутой «квадратной скобки». Находки из различных культурных горизонтов археологических объектов отличаются по составам формовочных масс, способам формообразования и способам обжига.

Значительная часть выявленных деревянных конструкций на территории Енисейского острога и его посада являлись жилыми, о чем свидетельствует наличие в них печных развалов двух типов печей: русских варочных и отопительных голландских (в т. ч. изразцовых). Подавляющее большинство фрагментов описываемых изделий было зафиксировано в печных развалах или в непосредственной близости от них. В связи с этим, было сделано предположение о принадлежности этих предметов к конструктивным элементам печей, а именно, к приспособлениям для закрывания дымохода – «вьюшкам», состоящим из рамки и крышки. Современные аналоги подобных печных элементов известны в конструкциях стран Европы и в сохранившихся «русских» печах старожильского населения Сибири (рис. 1). Поиски автором исследовательских работ по изучению данной тематике результатов не дали. Данная работа является попыткой изучения и систематизации описываемой категории керамических изделий.

Рис. 1. Варианты вьюшек с разных территорий (более позднего периода).

Цель и методы исследования

Керамика – один из основных и самых массовых вещественных источников, характеризующих раннегородские культурные напластования Енисейского острога и г. Енисейска. Системы исследования гончарной посуды колеблются между изучением функциональных и декоративно-семантических признаков. В настоящее время на территории России подобные исследования не имеют единой методики [Бердников, Лохов, 2014, с. 20].

В цели данной работы входят изучение качественных характеристик, разработка критериев типологии описания и классификации, введение в научный оборот информации о рассматриваемой категории керамических изделий – печных вьюшек. Поскольку изделие состояло из двух предметов, физически не связанных между собой (рамка и крышка), в задачи входило выявление и сравнительный анализ информативных признаков каждого из них. Другие керамические изделия, обнаруженные в ходе енисейских раскопок, в данной работе не рассматриваются.

Отобранные для исследования материалы были изучены с точки зрения их физических и функциональных признаков, в соответствии с общепринятыми методами для археологической керамики [Бобринский, 1978, 1999; Мартынов, Шер, 2002; Бердников, Лохов, 2014], в том числе средневековой русской керамики одного из регионов Западной Сибири [Татаурова, 1997]. При выделении классификационных типов вьюшек в качестве основного признака была взята функциональная принадлежность изделий, отражённая в их форме.

Обсуждение

На основании этнографических аналогов можно утверждать, что рамка вьюшки монтировалась в тело печной трубы во время её сооружения, в месте перед выходом трубы через потолочное перекрытие. Рамка примазывалась глиняным раствором и закрывалась крышкой через боковое отверстие (рис. 2).

У изделий, найденных в развалах печей ранних этапов, внутренний бортик рамки зачастую выше внешнего. Это послужило основанием для предположения о заполнении желобов вьюшек песком с целью повышения герметичности. Описываемый приём известен также по этнографическим материалам.

Тенденция к расширению желобов вьюшек, могла быть связана как со сложностью соблюдения соразмерности диаметров рамки и крышки в кустарных условиях изготовления (размеры которых изменялись при сушке и обжиге), так и с изменением технологии формообразования. При замене глинобитных печей кирпичными, в месте перехода от квадратного сечения дымохода к круглой форме вьюшки требовалось перекрытие углов проёма. О стремлении к плавному и герметичному переходу свидетельствуют находки подтесанных кирпичей от некоторых дымоходов в развалах печей г. Енисейска (дом Дементьева 2015 г., раскоп. 1, квадраты БВ-10).

Встречаются также и круглые трубы, с размером внутреннего диаметра 27 см., состоящие из пяти лекальных кирпичей в каждом ряду (Флигель Кобычева, 2015 г., раскоп внутри здания) (рис. 3: а, б).

Керамические крышки являлись подвижной функциональной частью вьюшки. Находясь в более экстремальном температурном режиме (вверху «колпака», удерживающего жар), крышки пересыхали, отчего становились хрупкими и при «археологизации» часто разрушались. Отсутствие полно сохранившихся крышек в археологическом слое существенно затруднило идентификацию на первом этапе работ.

Рис. 2. Место нахождения вьюшки в конструкции печи.

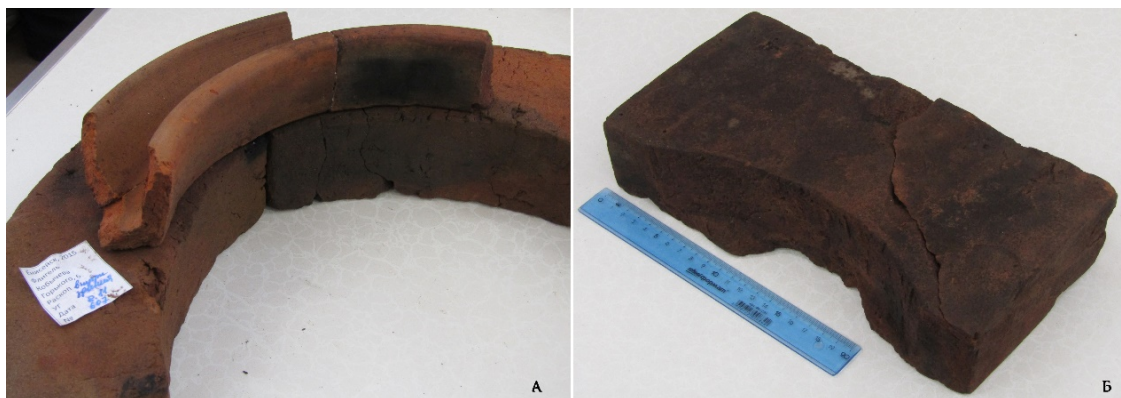

Рис. 3. Способы перехода от квадратного к круглому дымоходу в месте нахождения вьюшки.

Значительное количество найденных в ходе раскопок в г. Енисейске фрагментов крышек, безусловно, принадлежало к посуде и использовалось при приготовлении пищи в печах. Зафиксированные в ходе полевых работ свидетельства нескольких крупных городских пожаров упоминаются в письменных источниках. Самые крупные из них, ставшие причиной гибели многих обнаруженных построек, произошли в 1703, 1778 и в 1869 гг. При пожаре часть кухонной посуды так же, как и вьюшки, находилась либо в печи, либо в непосредственной близости от неё. Соответственно, фрагменты кухонной посуды имели аналогичные признаки термического воздействия.

Для того чтобы выделить крышки, принадлежащие вьюшкам, из общей массы были исключены крышки малых размеров (до 17 см в диаметре) и крышки, покрытые поливой, как явно принадлежащие посуде. Остальные из них осматривались для выявления характерных признаков использования в условиях функционирования печи. К ним отнесены: пересушенность, иногда до расслоения; следы задымления (копоти в этом месте быть не может) на внутренней поверхности (до уровня бортиков рамки), отсутствие органического нагара, образующегося при термической обработке пищи.

Поиск в этнографической литературе описаний подобных изделий и их использования результатов не дал. Сведения о керамических желобах содержались в ряде статей археологической тематики. Впервые подобные предметы, обнаруженные на территории г. Пскова, были описаны Ю.П. Спегальским. Речь шла о желобовидных кольцах, сходных по форме с ранними Енисейскими рамками, но более массивных. Автор предполагает, что из 4–6 колец сооружались «жаровые колодцы» и обмазывались глиной для «придания герметичности и безопасности». Функциональное назначение такого колодца он не объясняет. Второй вариант похожих форм, описанных им же: это широкие керамические дуги из нескольких сегментов. В Пскове их применяли в качестве декоративной отделки устья печи. Такие дуги имели большой диаметр и ширину, а также рисунок на выпуклой стороне [Спегальский, 1968, с.74-78].

Неоднократно были зафиксированы находки подобных изделий при проведении археологических исследований на исторической территории Москвы. В Северо-Восточном регионе в слоях, датируемых XVII – началом XVIII вв., были обнаружены фрагменты керамических изделий в форме жёлоба неполного профиля [Кашинцев, 2007, с. 82]. Обломки сходных изделий этого же периода полного профиля, с наружным диаметром от 18 до 34 см, высотой от 4 до 7 см описаны другим автором [Гиршевич, 2017, с. 281; Кренке, 2009, с. 487]. Кольца с внутренним и внешним бортиком аналогичных размеров (внутреннего диаметра 19–21 см и 25 см), но с другим профилем обнаружены на территории Романова двора [Кренке, 2009, с. 487].

Керамические желоба были зафиксированы и территориально севернее, о чем упоминается в статье из восточно-поморского г. Лальска, распо-

ложенного на зимней дороге из Устюга Великого в Уральские города и Сибирь: «... К этой группе можно отнести и желоба. Примечательна их округлая форма. По всей видимости, эти предметы производились в Лальской округе и использовались в производственных процессах» [Трушкова, 2016, с.53]. К сожалению, в списке лальской керамики эти изделия не приводятся [Трушкова, 2014, с. 10].

По поводу московских желобов некоторые исследователи высказывают сомнения относительно версии Ю.П. Спегальского об их использовании в качестве составных частей трубы и предполагают, что желоба могли быть самостоятельным элементом в конструкции печи [Гиршевич, 2017, с. 282]. Отмечается также, что рядом с ними находились толстостенные керамические крышки диаметром 20-30 см. Приводятся и письменные свидетельства об использовании крышек в конструкции печи: «да труба с крышкой» [Фролов, 1991, с. 12]. Однако, не придавая значения предыдущей фразе, исследователи предполагают, что кольцо с крышкой использовалось как конфорочное, в том числе в уличных печах, ссылаясь на упоминание глинобитных печей более раннего периода, с отверстием в своде [Раппопорт, Колчин, Борисевич, 1985, с. 137] и печей с пристроенными очагами [Фролов, 1991, с.17, 37]. По этой версии, жёлоб предназначался для защиты огня при вытекании содержимого из сосуда [Гиршевич, 2017, с. 283]. На юге Китая, например, аналогичные формы действительно являются неотъемлемой частью некоторых кувшинов (рис. 4). В случае же с печами, имеющими отверстия в своде, для ёмкостей с целью приготовления пищи, в переходном желобовидном кольце не было необходимости, поскольку оно не могло быть подогнано достаточно плотно, чтобы предотвратить протекание жидкости. Именно поэтому котлы систематически примазывались раствором непосредственно к своду печи и практически не вынимались. Большую ясность могли бы внести уточнения по состоянию желобов, профили которых приведены в статье и остатков раствора на них [Гиршевич, 2017, с. 281]. Версия И.И. Кондратьева, о конструктивном типе развалов печей, обнаруженных в центре Москвы, которым теоретически могли принадлежать вьюшки, на настоящий момент является наиболее обоснованной. Колпаковые печи, называемые «огненными ящиками», являвшиеся прототипом голландских печей с дымооборотами, не могли топиться по-чёрному – их конструкция предполагала дымоход, который после топки должен был как-то перекрываться. Часть московских печей была сложена из кирпича и без сомнения имела приспособления для перекрытия дымоходов. При использовании металлических задвижек на кирпиче делаются желобки. К сожалению, о них сведений нет, как и о каких-то других вариантах вьюшек-перекрытий [Векслер, Осипов, 1996, с.19-23; Кондратьев, 2016, <https://www.academia.edu/27893604/>].

Упоминания крышек среди археологической керамики немногочисленны [Рутковская, 1958, с.122; Артемьев, Артемьева 1994, с.167; Артемьева, 1995, с.127; Татаурова, 1997; Кренке, 2008; Володина, 2012; Коваль, 2018]. Иногда их относили к «тарелкам» [Рутковская, 1958, с.122].

Рис. 4. Кувшины с круговым жёлобом на горловине.

Среди находок на территории первых городов Западной Сибири профилированные желоба описаны один раз. Похожие керамические формы были обнаружены при исследовании гончарного комплекса в урочище Монашка, Кузнецкого уезда, Томской губернии [Ширин, 2017, с. 489-494]. Там

один из канонизированных святых, Василий, организовал в своей келье гончарное производство с применением ручного гончарного круга. Его продукция заметно отличалась от местной керамики конца XVIII – начала XIX вв. Василий был выходцем из Калязинского уезда, Тверской губернии и, вероятно, был носителем традиций этой местности. В числе посуды, которую он изготавливал, содержатся крышки и «изделия неясного назначения: полукольцевые или кольцевые предметы с внешним диаметром 28–29 см, с бортиками разной высоты, с продольными желобками и гребнями» [Ширин, 2017, с. 492]. Фрагменты таких изделий встречаются и в материалах г. Кузнецка XIX в., но вопреки сходным описаниям в действительности эти кольца с желобками и гребнями выглядят совершенно иначе, чем енисейские, московские и псковские. Они имеют отличный профиль, иногда состоят из сегментов с ровными краями, что может свидетельствовать об ином их использовании (рис. 5: а, б).

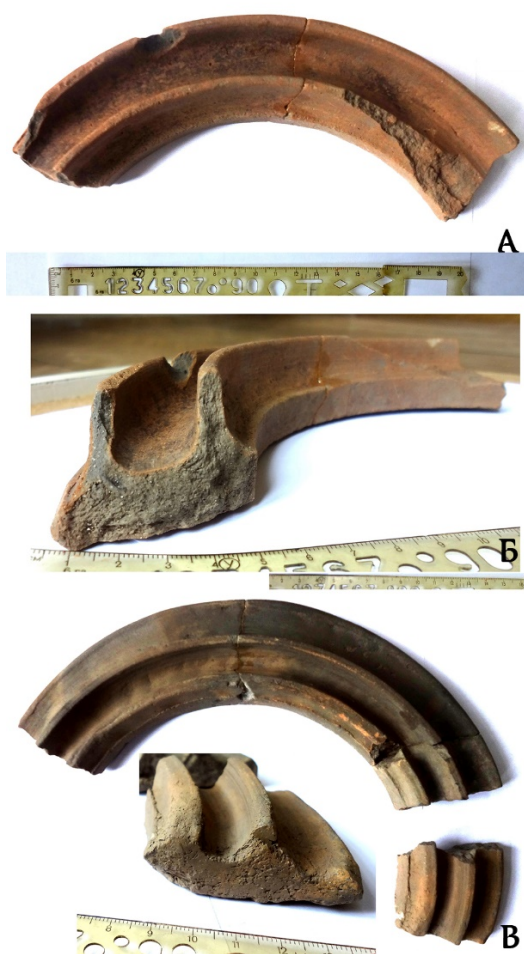

Рис. 5. Желобовидные рамки из ур. Монашка (Фото Ю.П. Ширин).

Единичные фрагменты желобов, аналогичных енисейским, были обнаружены на территории Восточной Сибири. В г. Иркутске при раскопках у Московских ворот в 2011 г. (работы В.В. Краснощёкова) был зафиксирован фрагмент изделия, соответствующий 3 варианту енисейских рамок. Он находился в городских отложениях последней четверти XVIII в. Другой фрагмент, переданный археологом С.А. Песковым автору статьи, был найден в береговом размыве в с. Бадай (ныне Усольского р-на, Иркутской обл.), образованном в 1681–1682 гг.

Появление первой выюшки на территории Енисейского острога можно условно связать с сооружением первой изразцовой печи, упоминаемой в документе 1697 г. как «печь образцовая ветхая» [РГАДА, Ф. 214, оп. 1, кн. 1148, л. 71 об.], предположительно, сложенной в 1680-х гг. Массовое же распространение керамических выюшек, судя по количеству находок, приходится на XVIII – начало XIX вв. В «Книге обывательской... за 1852–1855 гг.» среди городских ремесленников Енисейска имена гончаров не указаны. Вероятно, что ко второй половине XIX в. местная керамика была вытеснена привозными изделиями, а керамические печные выюшки активно заменялись на металлические.

Одно из ранних упоминаний заводских чугунных выюшек относится к 1794 г.: «...изращатая печь со всеми принадлежностями, как-то печные и трубные дверцы железные, выюшки с крышками чугунные», «...русская печь с железной заслонкою, у трубы выюшка и крышка чугунная» [Гернет, 1951, с. 57]. В «Регистре продажи металла Златоустовской заводской лавки за март 1805 г.» в числе других изделий упоминаются металлические выюшки в количестве 62 штук [Самигулов, 2003, с. 138]. Их массовое распространение в Сибирских городах произошло во второй половине XIX в. Производимые выюшки состояли из квадратной плоской рамки с круглым отверстием в середине (диаметром 20 см), ограниченным бортиком. Внутри рамки укладывался «блинок» – плоская крышка, а сверху одевалась другая крышка (рис. 1: в). Такого вида изделия ещё можно встретить в старых русских печах. В настоящее время вместо выюшек используют задвижки.

Результаты

В ходе проведённого морфологического изучения керамической коллекции раннегородских слоёв в г. Енисейске было выделено два принципиально новых типа изделий: рамки выюшек и крышки. Отмечена типологическая вариабельность данных предметов.

Рамки выюшек, представляющие собой керамическое профилированное кольцо, подразделяются на 2 подтипа: жёлобовидные и однобортные (рис. 6).

Жёлобовидные имеют четыре варианта формы профиля: V и U-образные, J-образные наклонные и горизонтальные в форме «квадратной скобки». Однобортные представлены L-образным профилем.

Таблица параметров рамок выюшек № 1 состоит из 13 пунктов. Наряду с определёнными морфологическими стандартами, в качестве дополнительных признаков, в таблице фиксировались следующие технологические характеристики:

1. Способ формообразования изделий ручная лепка (из жгутов, лоскутов, одного куска), ручная лепка с применением вращательного устройства (ручного гончарного круга) или формовка изделия на ножном гончарном круге.

2. Состав формовочной массы.

3. Цвет изделия как показатель обжиговой среды.

4. Описание внешнего вида и примечания (следы изготовления: подсыпка, срезка, остатки раствора и использования: нагар, задымление и др.).

Табл. 1. Параметры рамок выюшек. 4 варианта и 1 подтип. 1 вариант

№	Объект	Техн. изгот.	Внутр. диаметр	Выс. внутр. бортика	Высота внешн. бортика	Ширина рамки по вер. краю	Ширина полочки	Ширина ложбины	Толщ. верх. края	Толщ. основания	Состав ФМ и цвет изделия на сломе
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	РСДРП15 № 22	Ручн. лепка	34,0	4,5	5,0	5,0	2,0	угол	1,0	2,5	Глина, серо-коричневого цвета
2	Кытманова р.12, кв. К8 фикс11, 25.05.17, № 48	Ручн. лепка с загл.	26,0	-	5,8	-	1,7-2,5	округл.	0,5	2,3	С песком, серого, по краю красно-охристого
3	РСДРП, Р-12, уг.2, раз.печи, 30.10.15, т-1, т-3, № 56	Ручн. лепка	28,0	4,0	4,5	5,0	2,0	округл.	0,5	2,5	Глина, серого цвета край коричневый
4	? кв. Ц 135, гл 77.69, 09.09. ? № 86	Ручн. лепка	29,0	ок 4,0	4,0	4,0	1,5 – 2,0	округл.	0,6	1,6	С песком, Серо-охристого, розовый по краю
5	Мельничная 18 Р, 1-1, сл.1, 21.07, № 121	Лепка с загл.	-	-	4,3	-	2,5			2,0	Серо-охристый, с мелким песком, внутри задымлена
6	Козиц. №145,146,147	Ручн. лепка	27,0	3,0-4,0	3,0-4,0	3,2-3,5	2,0 округл.	угол	0,6	0,9	Розово-охристый.
7	Троицк. сект. 21, № 278.1	Ручн. лепка	17,0	4,0	4,0	4,0	2,2-2,6	угол	0,5	1,6-1,4	Черно-серого цвета, с песком
8	Баланд 16,Р.В, уч 1, кв.я/20, Сл. 513, 2.09.16 № 306	Ручн. +загл.	26,0	3,8	3,5		2,0	Округл.		1,5	Тёмно-серого, плотн. глина.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
9	Лен.106, р.2, уг 2, № 438	Ручн. +гонч.	24,0	3,5	4,3	4,0	3,0	ок- ругл.	0,4- 0,5	1,5	С песком и камешками, серо- коричневого цв.
10	Лен.106, р.2, № 578	Ручн. вращ. устр.	29,0	-	4,5	-	2,3	ок- ругл.	0,5	1,8	С песком, серого, сна- ружи охри- стого
11	Дементьева, Р.3, уг. 3, 14.12. № 741	Ручн. лепка	29,0	5,0	5,0	5,0	2,2- 2,5	угол	0,8	2,3	Серое внутри, охр. по краю
12	Козиц. 15, Р.9, УГ 2 № 1147	Ручн. лепка +загл.	28,0	4,0	3,8	3,6	1,9- 2,3	ок- ругл.	0,5- 0,8	ок.1,4	С песком красно оранж.
13	Козицина 15, Р.9, УГ 2, № 1145, 1146,	Ручн. лепка	25,5	3,2	3,2	3,2	1,0- 1,5	ок- ругл.		1,5	С песком, розово- охрист.
14	РСДРП № 1327	Ручн. прим вращ.	25,0	4,7	5,0	3,7	2,3- 2,5	ок- ругл.	0,6	2,0	Серый с пес- ком, воздуш- ные полости
15	Дементьева, № 1554	Ручн. Лепка	?	5,0	4,6	4,0	2,5	угол	1,0	1,9	Серо- охристого.
16	Типография 18, Р.2, сл. об.7, 3.07.18, № 1698	Ручн. лепка	22,5, по краю 36,0	4,5	Без бор- тика	-	5,5- 5,8	-	0,7	1,0- 0,7	Серо- охристого, с песком
17	Баландина, № 1886	Ручн. лепка	20,0	3,7	2,5	5,0	1,7- 2,7	0,3 - 0,5 ок- ругл.	0,5	1,4	Светло- охристого, пережжено.
18	РСДРП № 2410	Ручн. с загл.	25,0	4,7	5,0	4,7	2,5	0-0,3	0,5-7	1,9	Серого, с пес- ком и органи- кой
19	Типография 18, зах.18, 25.07 № 3751	Лепка с загл.	-	5,0	-	-	2,0		-	2,2	Корасно- охристо- розового цве- та, глина с примесями
20	№ 4578	Ручн. с загл.	25,0	5,0	5,5	4,0	Око- ло 2,0	1,0 ок- ругл.	0,5- 0,6	2,4	С песком, серого цвета
21	Баландина 16, № 7838/1	Ручн. с загл.	26,0	-	5,5		2,0	Ок- ругл.		1,5	Охристого, с песком

2 вариант

№	Объект	Вре- мя и техн. изгот.	Внутр. диа- метр	Вы- сота внутр. бор- тика	Высота внешн. борти- ка	Шири- на рамки по верт. краю	Шири- на по- лоски осн-ия	Ши- рина лож- бины	Толщ. верх. края	Толщ. осно- вания	Состав и цвет (на сломе и снаружи)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Дорога, ул. Лен, универс. 11.07.18, №35	Лепка с загл. 2	20,0	Ок. 4.0	-	-	-		-	Бо- лее 1,0	Коричнево- го, в составе угольки, кирп. крош- ка
2	Фефелова, Р2, об.1, о2.10.17, № 43	Ручн. лепка	23,0 (де- фор- м.)	4,0	-	-	Не менее 4.0	Плос- кость	1,0	0,5- 0,8	Глина с ручейника- ми. охри- стого, внут- ри серое, копоть на внут. сторо- не
3	ДементУГ 4- 5, кв. Б 6-7, 23.10.15 № 147.1	Гонч.	23.0								Серо- коричнево- го цв.
4	Лен.105, Соц- защита, ш.9, 2017, № 147.2	Гонч.	32,0	-	3,5	-	1,5	Плос- к. на- руж. стор.	0,9	1,3	С мелк. песком, коричнево- го цв., копоть из- нутри
5	Мельничн. 18 Р.1-1, сл.1, 24.07. № 154.1	Гонч.	24,5	4,5	-	-	3,7		стен- ки 1,4	1,0	Серо- охристого, с мелк. пес- ком, внутри следы со- скреб. и обож. р-р
6	Кытманова, р.13, кв. и-36, м/у 1и2, 9.6.17. № 159	Гонч.	20,0	3,3	-	-	2,5	5,0 ме- жду борт.	7,0	1,3	С песком, св. охристо- го, задымл. на нижней и внутр. плоскости.
7	Мельничн. 18 Р.1-3, сл.1, 25.07, №173.1	Гонч.	26,0	4,8	-	-	4,0		1,0- 1,2 весь проф. .	1,0	Серо-охр. с мелк. пес- ком, след соскреб. внутри
8	Кытм. р13 кв.35е, м/у 4,5.14.6.17 № 213	Гонч.	23,5	4,5	-	-	3,3	2,3 ок- ругл	1,2	1,3	Глина с мелк. пес- ком, охристого цв.
9	Мель- ничн.Р.1-3, сл.1, 27.07.18, № 227/1и2	Гонч.	21,0	4,8	3,0	6,5	3,7		От 1,5 до 1,0	1,0	Охр. розо- вого с сел- рым, с мелк. песком
10	РСДРП-15 № 244	Гонч.	25,5	3,7 – 3,3	2,5	5,0	1,5- 2,0	2,0-3,0 ок- ругл.	1,2	1,4	Охристо- серого

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
11	Ленина,103, 2016 Сл.3, № 259	Гонч	24,5	3,3	3,0	5,5	2,5	ок- ругл	07- 0,8	0,9	Глина с мелк. песк. Охрист, сер. внутри
12	Типогр.18, р.2, слой кор. с угл., 29.05 № 312	Леп- ка с загл.	24,0	5,0	3,0	6,5	4,2		1,0- 1,4 вся	1,0- 1,2	Сер.-кр. охр. с мелк. пес- ком, нагар внутри.
13	Баландина, № 338	Ручн+ гонч	25,0	3,5	2,0	6,0	3,0	2,5	0,8	2,6- 0,8	Внутри се- рого, сна- ружи охристого.
14	Фл. Кобыч. Р1.1, УГ2, 12.10.15 № 425	Ручн+ гонч	18,0	5,0	3,5	5,5	Ок.3,0	ок- ругл	0,5- 0,7	1,5	С мелк. песком, серо- коричнево- го. По внеш. ниж. краю механ. след
15	Баланд.14, р.2, УГ 2, № 438	Ручн+ гонч	Ок.2 3	3,5	3,0	4,5	ок.3,0			1,2	С добавл. мелк. песка, Серо- коричн.
16	Фл. Кобыч.15 Внутр.зд.,2.11 № 640,641	Гонч.	23,0	3,0	3,0	5,0	2,5			1,0	Охр. розо- вого, с не- большим добавлени- ем песка
17	Типогр.18, Р. 2, кор. суп. щепа, 6.06. № 646	Лепка с загл.	-	4,5	-	-	2,5- 3,0		-	1,2	Серо- умбристого, с мелким песком, внутри задымле- ние.
18	Фл. Кобыч. в здан. 2.11.15, № 607,668-69	Ручн. с загл.	23,5	4,5	3,5	5,5	2,5- 3,0			1,0	Охр. розо- вый., без приме- сей.
19	Бал16, р.Ю, уч1, кв.ш- 69,с5(247)1, кон.10 № 645,789, 778,	Гонч.	23,5	3,5- 4,0	3,0- 3,5	6,7	3,0	2,0 ок- ругл	0,7- 0,9	1,4- 1,2	С песком, серого, снаружи охристого.
20	Козиц.15, Р.8, сл.1, захв.21, № 692	Гонч.	23,0	4,0	2,5	4,5	3,5	2,0	1,2	1,0	Тёмно-сер. с крупным песком, обожж. р-р. и нагар из- нутри
21	Шк.1, р.1 кв. х50/у64УГ 5, сл 5. 25.10.17. № 845	Ручн. +гонч	22,0	4,0	3,5	5,5	2,8- 3,2	1,6 ок- ругл	0,7- 0,4	1,5- 1,0	С мелким песком, коричн, обожж. р-р изнутри
22	Школа 18, Р.2, 28.06.18 №1059	Гонч.	23,5	3,5	3,5	6,7	4,0		Тол- щ все го проф. 1,2	1,2	Серо-охр. с песком Срез нитью

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
23	Козиц.15, Р-9,, УГ 2, №1147	Гонч.	27,0	2,0	4,0	5,5	3,5	2,7	0,7	0,8	Темно-серый
24	Козиц. 15, Р.8, 31.10. УГ 3 № 1149	Ручн гонч-чкруг	25,0	4,2	1,8	5,7	3,2			1,0	Серый с песком, слоистая структура
25	Типогр.18, Р.2, сл. об-6,18.06, №1364	Лепка с загл.	-	ок.4	-	-	Не менее 3.0		-	-	Охр.оранжевогоцв., с песком
26	№ 1412-1414	Ручн. +гонч	-	ок.4	-	-	ок.3	ок-ругл.	-	1,2	серово-охрист.
27	Бал. Р.10, уч.1, кв.ц 7сл.52(269)1, 14.07.№ 1440	Ручн. +гонч	25,5	-	4,0	-	2,8-3,0	ок-ругл	1,0	1,3	Темно-серого, с песком
28	Лен.103, зах.177, № 1452	Гонч.	Ок. 20,0	-	3,3	-	Ок. 3,0	Ок-ругл.	0,8	1,0	С песком, золой и ручейниками
29	Дементьева?, Р.11, сл.1, И/10/, 7.07. 15?, № 1712	Гонч. полн.	27,5	4,3	3,5	5,5	3,7			1,7	Т.серый, снар. охр, почти без песка, об. р-р изнутри
30	Демент. № 1712	Гонч.	13,5 19 внеш	2,7	2,5	5,2	2,3	ок-ругл	0,6	0,8	Серого, снар. Охр
31	Школа 1, зах 12, 22.08.18, № 2399	Лепка с загл.	25,5	4,5	3,5	6,2	3,0		До 1.0	1,5	Охр. с песком, об. обмаз внутри
32	Баланд.16 № 7839/1	Гонч. 2	27,0	3,7	2,7	6,0	Ок.3 без вне. края			Ок.1	Сер-охр.смелк. песком
33	Баланд. 16 № 7862/1	Гонч. 2	19,5	3,7	3,5	4,7	3,5			0,8	Мол. охрист. почти без песка
34	Баланд.16 № 7864/1	Гонч. ?	21,0	3,0	3,0	5,5	2,8			0,8	Серово-охр. с песком
35	Баланд.16 №7880/1,7911 /1, 7992/1	Гонч.	Ок.2 4	-	2,3	-	Ок.2,5			0,7	Охрист. с песком
36	Баланд. 16 № 7865/1	Гонч. 2	23,0	3,7	2,0	6,0	4,0			0,9	Св. охрист. немного песка
37	Баланд.16 № 8170	Гонч.	-	-	2,2	Ок.6	4,0			1,2	Охр. с песком
38	Баланд.16 № 8400/1	Ручн. Гонч-чкруг	-	-	3,0	-	Более 2			0,8	Охр. почти без песка
39	Баланд.16, № 8480/1	Гонч. Заглаж	20,0	3,0	2,0		3,5			0,8	Серово-охр. с песком, нагар на внутр. стороне

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
40	Баланд.16 № 9618	Гонч.	21,0	4,0	3,0	5,5	2,0			1,2	Серо-охр. с песком, пережжённое. пере- суш.
41	Баланд. 16 № 10702	Гонч.	22,0	2,7	-	-	Ок. 2			0,9	Тёмно- серого, с мелким песком, нагар внут- ри
42	Баланд.16 № 10738	Гонч.	22,0	3,8	3,2	5,7	3,0	-	0,6- 0,8	1,0	Тёмно- серого, с илом
43	Баланд. 16 № 10954	Гонч.	23,0	3,8	3,0	5,8	3,0			1,0	Тёмно- серого, с илом
44	Баланд.16 № 12833	Ручн. +гонч	20,0	4,0	-	-	Не менее 3,5				Серо-охр. с камешк, слоистой структуры
45	Баланд. 16 № 14130	Ручн. +гонч.	21,0- 19,0	4,0	-	6,0- 6,5	От 2,8 до 3,5			1,3	Т.сер. с крупным песком
46	Баланд.16 № 14379	Ручн. гонч.	25,0	5,0	3,7	5,5	3,5			1,5	Охр- красного – охристо- тёмно- серого с крупным песком
47	Баланд.16 №14380	Гонч. гладк.	22,0	3,0	2,8	5,5	2,5			0,8	Серо- охристого, без песка Копоть из- нутри
48	Демент. Р10, Сл..2, об.3 № б/н	Гонч.	21,0	3,0	4,5	6,0	3,0- 3,7	ок- ругл.	1,0	1,5	
49	Савел. Захв. ПН 9. 07.16 № б/н.,	Гонч.	21,0	3,6	2,7	6,0	4,0	2,0	0,8	0,8	Серо- охристого.
50	Савел. захв.	Гонч.	20,0	3,5	2,5	6,0	4,0	око- ло 3,0	0,5 и 0,8	1,0	Глина с кирп.крошк ой.
51	Фефелова 17, Р.2, об. 1, 30.09, № б/н	Гонч.	20,0	4,0	2,5	5,7	3,0	загл. и след при- маз- ки		1,8	Охр-серого, сверху красного, с мелким песком

3 вариант

№	Объект	Время и техн. изгот.	Внутр. диаметр	Высота внутр. бортика	Высота внешн. бортика	Шир. рамки по верх. краю	Ширина по- лоски осн- ия	Ши-рина лож-бины	Толщ. верх. края	Толщ. ос-но-ва-ния	Состав теста и Цвет
1	Баланд. Зах32, сл.3 14.11.16. № 30	Гонч.	Ок. 23	-	2,0	-	3,3	Ок-руг-лая	0,9	1,0	Глина, ко-ричн.- охри-стый, (по внешн. 3 ва-риант)
2	Кытман. P13, кв.и34,ф.м/у 1и2, 08.06.17 № 124,1,2	Ручн+гонч.	23,0	3,0	-	Не ме-нее 5,0	ок-ругл ок.3,5	Ок. 2,5	1,0	1,5	Много песка, серо-охр. рас-слаив.
3	Кытман. P13, кв. и34, ф.м/у1и2 9.6.17, № 153	Ручн+гонч	Ок. 23,0	2,0	-	Не ме-нее 4.0	ок-ругл ок.3,5	Ок. 2,5	0,9	1,0	Много песка, серо-охр. рас-слаив.
4	№ 244	Гонч.									Св. охристо-розов.
5	№ 263	Гонч.	25,0	2,3	-	Не ме-нее 5,0	3,0	2,5	5,0	0,9	С песком и золой, св. охрист.
6	№ 394	Гонч.	22,0	3,0	2,7	5,3	3,5	3,0	0,8-0,6	0,7	Глина+пес., светло-охристо-розоватый.
7	Ленина 106, р-2, уг3, кв.АБ 26-28,2014,№ 726	Гонч.	22,0	3,0	2,5	5,0-5,5	3,7	3,0	0,8	0,8	Глина, св. охристого.
8	№ 907	Гонч.	-	3,8	2,8	5,8	4,2	ок. 3,0	1,0	1,0	Глина, ко-ричнево-умбристого.
9	Баландина № 1094	Гонч.	25,5	3,5	3,0	6,0	3,0	2,5 ок-ругл.	0,5	0,7	Сер. и 1,5 мм охристого
10	Баланд. №1315	Гонч.	17,0	2,7	2,0	6,3	4,2-4,5	3,5	0,5 и 1,2	0,7	Глина,кор-умбристого
11	Баланд.16 № 10652,10653	Ручн.+гонч	-	-	-	6,2	4,0			0,6	Св.серо-охристого
12	Баланд.16 № 11806	Ручн. гонч. кр.	22,5	5,7	-	-	-			1,5	Тёмно-серого, гладк. много песка, обмаз-ка внутри
13	Баланд.16 № 11697	Руч. гонч. круг	27,5	5,8	4,5	7,0	4,0			1,5	Серо-охрист. массивное кольцо с об. обмазкой
14	Баланд.16 № 11451	Ручн. гонч.	Ок. 24	-	3,5	-	-			1,3	Серо-охр. с песком
15	Баланд.16, № 11698	Гонч.	19,0	2,2	2,5	5,5	Ок-ругл. Ок. 2			0,7	Св.охрист. с песком
16	Баланд.16 № 7863/1	Гонч.	23,5	3,5	2,0	5,8	4,0			0,9-1,1	Серо-охр. с песком

4 вариант

№	Объект	Вре- мя и техн. изгот.	Внутр. диа- метр	Высота внутр. борти- ка	Высо- та внешн. борти- ка	Ши- рина рам- ки по верх. краю	Шири- на по- лоски осн-ия	Шири- на лож- бины	Толщ. верх. края	Толщ. осно- вания	Состав и цвет
1	Баланд Зах32, сл.3 14.11.16. № 30	Гонч.	Ок.23	-	2,0	-	3,3	округ- лая	0,9	1,0	Глина, ко- ричн.- охр. по внут- ренне- му краю
2	№147	Гонч.	32	-	3,5	-	1,5	- Угол 35	-	1,3	
3	№159	Гонч.	20	3,3	-		3,2	- Угол 30	-		
4	Типогр. Р 3, зах.1, 9.14.06, № 1270	Гонч. 2-4	23,5	3,5	3,3	5,5	2,0		1,0	0,8	Серо- корич- невый, с мел- ким пес- ком, За- дымл.
5	№1452	Гонч.	20	-	3,3	-	3,0	- 45	-	0,9	
6	Козиц.15, Р.1, № 84	Гонч.	22,0	-	-	5,3	3,5 округл.	-	-	0,6, ок- ругл.	Серо- охр. тонк. обж. в горне.

Подтип № 1 профиля рамок вьюшек

№	Объект	Техн. из- гот.	Внутр. диа- метр	Выс. внутр. борти- ка	Высота внешн. борти- ка	Шири- на рамки по вер. краю	Шири- на по- лоски осн-ия	Ши- рина лож- бины	Толщ. верх. края	Толщ. осно- вания	Состав ФМ и цвет изд.на сломе
1	Баланд. 16 № 13794	Ручн. леп- ка+ гонч.	24, внеш. край 35	3,5	Нет борти- ка	-	5,0			1,1	Серо- охр. с кр. песк. как ско- ба.расв . на осн.
2	Типогр. 18, Р.2, сл. об.7, 3.07.1 8№ 1698	Ручн. леп- ка	22,5, по краю 36,0	4,5	нет борти- ка	-	5,5-5,8	-	0,7	1,0- 0,7	Серо- охрист. с пес- ком

Рис. 6. 1 вариант профиля рамки.

Рис. 7. 2 вариант профиля рамки.

жгута. В недостающих местах формовочная масса наращивалась методом налёпа. К концу периода использования керамических вьюшек первого варианта, внутренняя часть жёлоба приобретает округлую форму. Толщина основания и общая высота изделия уменьшаются. Часть рамок при этом делаются менее массивными и более гладкими. Они не были лощёными, их заглаживали руками. Появляется тенденция к увеличению ширины основания рамки. Изменения связаны с началом применения вращательного устройства.

Рис. 8. 3 вариант профиля рамки.

В середине периода использования керамических вьюшек в г. Енисейске (со второй четверти XVIII в. по начало XIX в.) второй, третий и четвёртый варианты форм рамок изготавливались и использовались параллельно. В связи с этим, в описании рассматривается динамика развития внутри каждого из вариантов. Изменение формы профиля связано, в первую очередь, с развитием технологии изготовления. В середине XVIII в. они накладываются на две различные традиции: местную и привнесённую. Несмотря на эти трансформации форма профиля, принятая за основной признак, сохраняется в каждом варианте (рис. 11).

Рамки первого варианта имеют V-образную форму профиля, узкое и толстое основание. Высота внутреннего бортика меньше, чем внешнего (рис. 6; 11:а). Значительная часть рамок вылеплена вручную из глиняного теста, в большинстве случаев, без добавок. Изделие изготавливалось из толстого

Рамки второго варианта U-образного профиля складываются в результате развития V-образного профиля, первого варианта и сменой поколений мастеров. Они более массивные, выполненные из аналогичного состава теста (рис. 7; 11:б). В конце периода их изготовления в составе формовочных масс присутствует мелкий песок. Высота внешнего бортика меньше высоты внутреннего, стенки равномерной толщины. На поверхностях всех изделий

присутствуют характерные следы, полученные при малой скорости вращения гончарного круга. К концу периода их изготовления внешний край изделия становится более отогнутым и низким. Последние по времени производства изделия этого варианта профиля выполнены на ножном гончарном круге (рис. 11: б).

Рамки третьего варианта, с профилем в форме лежащей квадратной скобки (рис. 8; 11:в), имеют вид жёлоба с широким основанием и небольшими бортиками равной высоты. Ранние образцы изготовлены с добавлением в гончарное тесто большого количества крупного песка. Для них характерна равная толщина стенок и основания, при этом стенки плавно переходят в широкое основание и не имеют чётких с ним границ. Эта форма рамок свидетельствует о появлении в Енисейске новой традиции. Группа изделий, включающая несколько экземпляров сходной формы, по составу теста и качеству обжига аналогична изделиям второго варианта. Вероятно, это свидетельствует о совмещении местной и импортной традиций. Широкая донная часть у рамок этой группы имеет чёткие границы и небольшие бортики равной высоты. Эти рамки можно отнести к середине периода производства рамок третьего варианта. В конце периода появляются изделия тонкого профиля, выполненные из каолиновых глин на ножном гончарном круге. Их обжиг производился в горне, вероятно поэтому, они светло охристого, иногда розоватого цвета.

К четвёртому варианту были отнесены несколько рамок с J-образным поперечным сечением профиля, узким основанием, максимально широким наклонным внешним краем и низким внутренним бортиком (рис. 9; 11:г). Две из рамок, по составу теста и форме, сходны с изделиями второго варианта и продолжают тенденции его изменений, а две – выполнены на ножном гончарном круге.

Они состоят из каолиновых глин с добавлением золы и обожжены в горне. Последние найдены в слое второй половины XIX в., но не исключено, что данные рамки могли быть изготовлены в первой половине XIX в., так как период между моментом сооружения печи и её разрушением, и попаданием фрагментов печи в слой, может насчитываться до нескольких десятков лет. Эту особенность необходимо учитывать и при датировке всех вариантов вьюшек.

Рамки с L-образной формой поперечного сечения обнаружены всего в двух экземплярах. Фрагменты аналогичных рамок зафиксированы в материалах русских объектов Западной Сибири [Ширин, 2017, с. 490], поэтому они были выделены в отдельную категорию: подтип №1 (рис. 10; 11:д).

Рис. 9. 4 вариант профиля рамки.

Предметы данной категории нельзя отнести к желобам, поскольку они не имеют второго бортика.

Рис. 10. 1 подтип рамки.

По способу формовки обе рамки из Енисейска были вылеплены вручную без применения гончарного круга, обожжены в русской печи и могут быть отнесены к рубежу XVII–XVIII вв. Более подробно характеристики рамок указаны в приложении № 1.

Основанием для выделения крышек в самостоятельный тип изделий являются их значимые отличия от других низких плоскодонных сосудов, которые по общепринятой в археологии системе построения состоят из венчика, полей, дна, иногда дополнительно

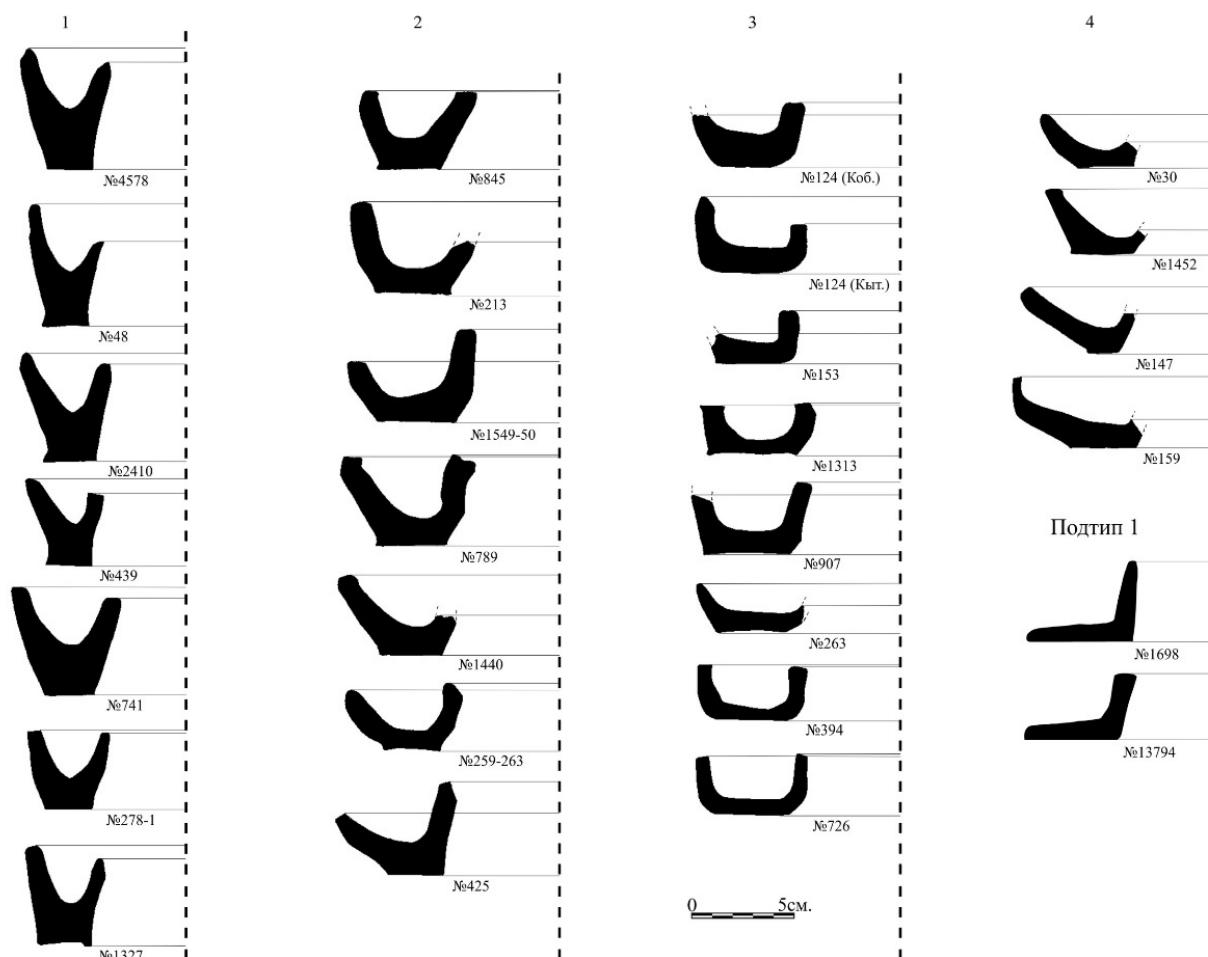

Рис. 11. Тип изделия: рамка вьюшки. 4 варианта формы профилей: 1 – V образный, 2 – U-образный, 3 – в виде квадратной скобки, 4 – J-образный наклонный. Подтип № 1 – L-образный, без внешнего бортика.

имеют ножку и поддон [Бердников, Лохов, 2014, с. 147]. В связи с другим функционалом и пространственной ориентацией в названия частей крышки были внесены изменения. Держатель – верхняя выступающая часть крышки для удобного захвата при использовании, был сформирован на ба-

зе дна плоскодонного сосуда путём добавления ножки и поддона. Поля – основная плоскость крышки. Бортик (венчик) – нижний край крышки, сделанный под углом к полям с целью охвата венчика сосуда или рамки вьюшки. Таблица крышек включает восемь информативных признаков: диаметр изделия; общая высота; диаметр держателя; угол наклона полей и бортиков; толщина (центр – венчик); состав теста; цвет изделия (внешний и на сломе); техника лепки и примечания.

Форма сечения крышек вьюшек на протяжении рассматриваемого периода принципиально не изменялась, все они отнесены к одному типу. Внешние их различия сводятся лишь к форме держателя крышки – снаружи и изнутри – и имеют три варианта. Таблица внешних параметров крышек состоит из 10 пунктов (Приложение № 2).

Табл. 2. Параметры крышек вьюшек. 1 вариант

№	Объект, инд.№	Диаметр	Высота	Диам. дна	Угол основн. плоск. и края (град.)	Толщина изд. центр – Край	Цвет, состав	Описание, примечания
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Ленина 105, р.13, 2017, № 162, 1	-	-	Ок. 10	20 град	0,7-1,0	С песком, серого цв. внутри, охрист снаружи. Плавное углубл.	Низкий держатель, неровная фаска по краю
2	Кытм. Раск. 13, кв. Л-34, 10.6.17, № 162.2	Ок. 30,0	-	Около 11	-	-	Серый, глина с песком	Очень грубой лепки, кривая фаска по краю, копать внутри.
3	Кытм. Раск.13, кв. 31-с, 13.6.17, № 202	-	-	Около 10	-	-	С песком, плохо промеш. Охристого цв.	Без копати, но расслоение от терм. возд.
4	2. Бал. зах 24, с 8,20.10.16. № 385	-	8,0	10	30, 70	0,9 – 0,5	Сероохр. Глина без добавок	Круговые следы на дне смещены отн. центра
5	1. Бал.Р-В Уч1, квБ/24 Ям1,01.09.16 № 491	19,0	6,7	7,8	35, 90	0,3-0,7	Охрист. Из глины с доб. мелкого песка	Гонч. дно во время вращения было пост. в ёмк. меющ. форму тарелочки
6	Бал. Торг. лавки захв.71, зач.1,20.02.17, № 619	Не мен. 22	-	8,5	-	0,7	Глина с мелк. песком, тёмно-серый	Ручная, с прим. вращустр., фаска небольш. Внутри копать.
7	Бал. Раск.8а, слой 12, 18.05.17, №12 41-1243, б		-	9,5	-	0,5	Глина, руч. лепка. Дно на-леплено. Охрист.	Песч. подс., фаска плохо выр., копать внутри.
8	Бал. Захв.112, сл.3, 31.03.17, №1267-1269	31-32	-	12	-	Ок. 1,0	Глина с орг. прим., внутри серый, по краям охрист.	Очень грубой выделки, самая большая, копать внутри
9	№ 1760	25,0	6,5	Ок. 9	70,30	0,4-1,0-06	Глина с песком.	Охрист. Копать внутри.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
10	№ 1769.1	23,0	7,0	9,0	80,25	0,5-1,0-0,8	С мелк. песком	С фаской, охрист., Внутри закопчена.
11	Бал. Сект.31, 136В. х22-25, уч.3, уг.1,сл.3+10, 10.04.17 № 3382	-	-	7,0	-	0,4	Хор. пром. Глина, серо- охр.	Ручная лепка, тон- кие стенки, загл. мокр. рукой, ко- поть внутри.
12	Ленина 100, 2016, ПМ, № б/н	-	-	10	20, -	1,0-0,7	Глина с мелк. песк. и шамо- том	С фаской, внутри плавный переход. Охрист.
13	Кытм. Раск.13, ел 27-32, 21.6.17 № б/н	-	-	11	-	0,8-1.0	Рыхл. стр. серо- охр.	Держатель и пере- ход из одного кус- ка глины.

2 вариант

№	Объект, инд.№	Диа- метр	Вы- со- та	Диам. дна	Угол основн. плоск. и края (град.)	Тол- щина изд. центр – край	Цвет, состав	Описание, Примеча- ния
1	Бал.Захв. № 33, сл.4, 15.11.16, № 78	-	-	Ок. 7.0	-	0,4	Глина, серо- охр.	Без фаски, верх дер- жателя заглажен
2	Бал.Захв. 33, сл.5, 16.11.16 № 93 в)	-	-	Не менее 8	-	-	Глина оч. плот- ная, без прим.серо-охр.- темносерый	Держ. плоский, без бортиков и фаски Ко- поть внутри
3	№ 148	28,0	8,0	9,0	25,73	0,8- 0,8	Темно- охристый	Гонч. задымление, без нагара.
4	Кыт. Р.13, кв.31 с., 13.6.17,№ 202	-	-	10,0	20, -	05,- 0,8	Серо-охр. с мелк. песком.	Гонч., ровный верх и край, без нагара.
5	№ 245.2	29,0	Ок. 8	Около 10	25, 60	- 0,8	Серый с песком	Гонч., выемка внутри.
6	Кытм. Раск.13, кв. и-33, 14.6.17, № 266	-	-	9,0	-	Ок.0, 8	Внутри черный	Ручн. лепка, бортик оформлен руками.
7	Кытм. Рас.13, кв.30, 17.6.17, № 289	-	-	Около 11	-	1.0	Глина с кр. речн. песком, чёрно- умбристогоцв.	Грубая лепка, без фас- ки, заглаж.
8	№ 483	28,0	8,0	10,0	20,75	1,8- 0,8	Темно- охристого цве- та	Гонч., выемка внутри.
9	Баланд. Зах.46/, с 7 03.02.16.№ 504	31,0	9,0	9,5-10	25, 80	0,4- 0,6- 0,7	Серый. Глина без добавок	Выполнена с прим гонч. круга. Углубл. внутри. неровное
10	Демент.Р10,уг 4,27.06.16 № 1751	18,6	4,3	8,0	25, 55	0,3- 1,5- 0,8	Серо-охристый	С прим. вращ. устрой- ства. Внутри копоть.
11	Бал. А-Б, 7-12, 24.04.17. № б/н	-	-	Около 8	-	-	Серый с песком	Вращ. устр. плоский округлый край держ.

3 вариант

№	Объект, инд. №	Диаметр	Высота	Диаметр дна	Угол основного плоск. и края (град.)	Толщина изд. центр – край	Цвет, состав	Описание, примечания
1	Бал. Захв.153, 3.5.17, №17-19	Край 27	-	-	Угол 25-70	-	Глина с мелк. песком	Гончарного изг.
2	Кытм. Шурф 9, 8.6.17, №145 (а)	-	-	Около 8,0	-	0,6	Глина с мелк. песком, умбр.	Фаска с завёрн. небрежно краем. Копоть внутри.
3	Кытм. Раск.13, кв. м-33, 9.6.17, № 157	-	-	Около 9	-	-	Глина с вкл. орг. и песка	Гонч., копоть внутри.
4	Бал. Торг. лавки, сл.5, захв. № 2, 8.11.16, № 216	Не менее 17	-	7,5	-	0,4	Ручн. с больш. кол-вом песка, черный	Ручн. лепки, округл. край держателя, вогн. сверху.
5	Кытм. Раск.13, кв.33-е, 16.6.17, № 276	-	-	10-10,5	-	0,6	Глина, серо-охр.	Окр. край, вогнут сверху, бортик оформлен руками, углубление сверху.
6	Бал. Захв. 24, сл.8, 20.10.16, № 389-391	Около 24	-	-	30-70	-	Тесто с небольш. кол-вом. песка, серый.	Гонч., задымл. по краю бортика.
7	Бал. Захв. 35, сл.0, 27.10.16, № 432(б)	Около 30	-	9,0	-	0,5	Глина с илом, серо-охр.	Ручная форм., с прим. вращ. устр., с фаской, сверху вогнуто.
8	Бал. Раск.8а, слой 12, 18.05.17, №1241-1243, а	-	-	Около 10	-	0,5	Глина, охрист.	Гонч., копоть внутри.
9	№ 4325	-	-	9,5	35, -	0,5-0,9	Глина с песком	Бортик по краю держ. Без нагара.
10	Кыт. – 17, Р.13, № б/н.	-	-	10,0	-	1,8 -	Глина с песком, темно-серый.	Тонкий ровный бортик по краю держателя.

Крышки первого варианта (рис. 12:1) имеют держатель с грубо сформированным выступающим краем, с ярко выраженной краевой фаской, снятой под углом. Углубление с внутренней стороны крышки имеет пологие борта. Изделия изготовлены из глины без примесей, вручную, методом налёпа лоскутов, без применения гончарного круга. В некоторых образцах в гончарное тесто добавлен песок.

Самые ранние крышки начала XVIII в. вместе с держателем имели уплощённую форму. На поверхностях изделий этого времени явно прочитываются следы крепления полей крышек к держателям и разнонаправленных заглаживаний в местах их соединений. К середине XVIII в. в конструкциях крышек появляется «ножка», своды крышек становятся выше. На поверхности крышек у нижнего края видны следы изготовления на ручном гончарном круге, у них становится более тонкий край и ровная поверхность. После обжига изделия имели охристо-коричневый или тёмно-серый цвета.

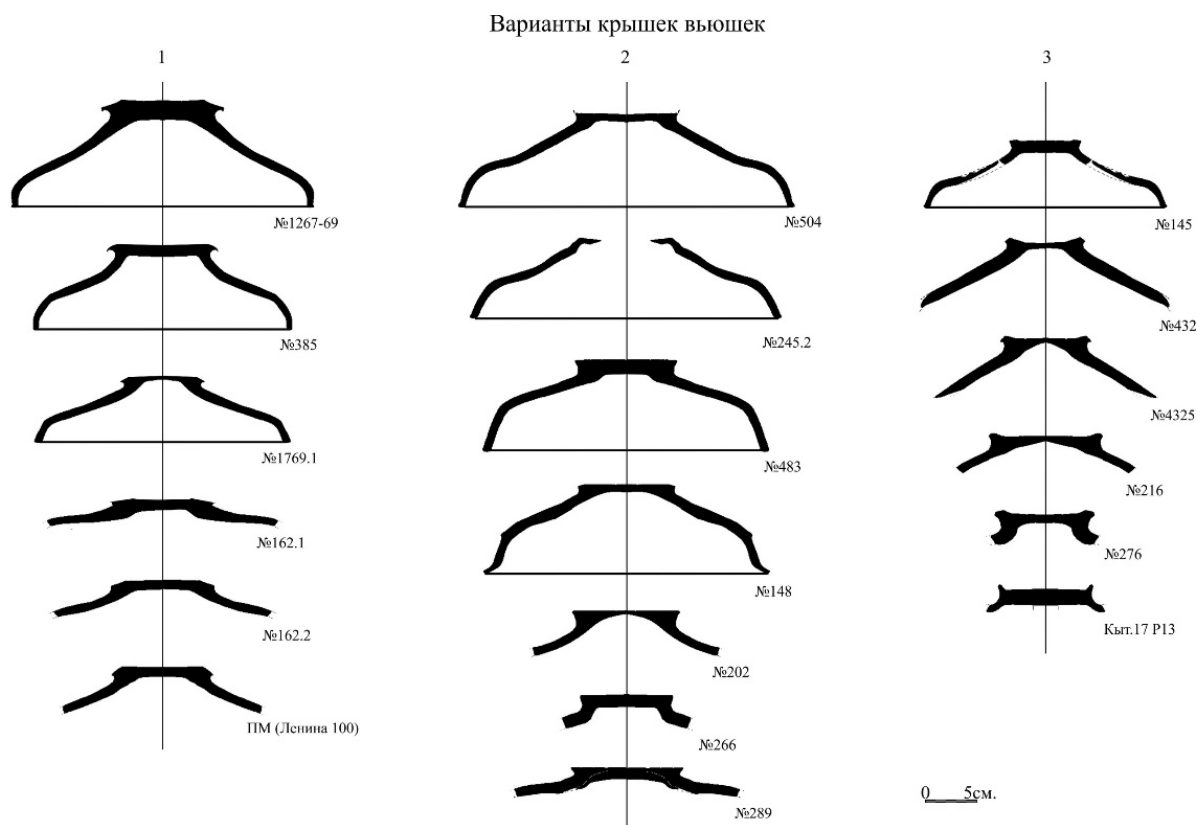

Рис. 12. Тип изделия: крышка выюшки. 3 варианта формы профилей держателя: 1 – с фаской, 2– без фаски с округлым краем и 3 с выступающим вверх бортиком.

Крышки второго варианта (рис. 12:2) изготовлены на ножном гончарном круге из тщательно «отмученной» массы с добавлением просеянного песка. Они имеют правильную ровную округлую форму, держатель без фаски с округлыми заглаженными краями. С внутренней стороны держателя чётко сформированная выемка. Среди них встречаются экземпляры, у которых внутреннее углубление с пологими стенками, что может свидетельствовать о пересечении традиций.

Основным отличием крышек третьего варианта (рис. 12:3) является наличие бортиков по верхнему краю держателя. Выемка-углубление внутри крышки с чётко оформленными на ножном гончарном круге границами и краем. Формовка крышек производилась с внутренней их стороны с последующей ручной подработкой выступающих бортиков на держателе.

Выводы

В результате проведенных исследований есть основания утверждать, что керамическая выюшка является прототипом металлической. В жилых постройках г. Енисейска керамические выюшки распространились при массовом переходе к отоплению «по-белому» в первой четверти XVIII в. На протяжении почти всего периода применения изготавливались керамические выюшки с использованием ручного гончарного круга из местных глин и обжигались в русских домовых печах. В первой половине XIX в. часть выюшек производилась в гончарных мастерских с обжигом в горнах.

Возможно, что больший диаметр енисейских крышек в начальный период существования был связан с более холодным климатом, чем в Москве и большими размерами печей. К концу периода использования выюшек, внутренний (рабочий) диаметр имеет тенденцию к уменьшению вместе с уменьшением размеров домовых печей, что фиксируется археологически и в письменных источниках [Аболина, Щербаков, 2017, с. 59].

По составам формовочных масс выделяются следующие группы: односоставные – природная глина с естественными включениями; двусоставные – глина с примесями крупного непросеянного песка и глина с примесями мелкого просеянного песка; трёхсоставные – глина, смешанная с песком и шамотом, и глина, смешанная с песком и золой. Использование шамота прослеживается в керамике только с объекта Троицкая церковь, а присутствие древесной золы только в поздних рамках 3 и 4 вариантов.

Из 94 обследованных рамок к первому варианту можно отнести 21 экземпляр, ко второму – 52 экземпляра, к третьему – 15 и к четвёртому – 6 рамок. К подтипу L-образной формы принадлежит 2 рамки. Рамки периода XV–XVII вв., обнаруженные в Москве и Пскове, по форме профиля можно отнести к Y-образным [Кренке, 2009; Гиршевич, 2017; Спегальский, 1968].

По способу формообразования выделены следующие группы: ручной лепки без применения вращательного устройства – 4 экземпляра, изготовленные на гончарном круге с ножным приводом – 20 экз., изготовленные с применением примитивного вращательного устройства (ручного гончарного круга) – 70 экз.

Общее количество обнаруженных крышек (в том числе фрагментированных) около 100 экз. Из них 34 экз. – крышки, предположительно принадлежащие выюшкам. Наиболее полно сохранившиеся, разделенные на 3 варианта, крышки выюшек показаны на рисунке № 12.

На основании проведенных исследований можно выстроить следующую хронологию развития технологических приёмов изготовления керамических выюшек г. Енисейска. Более ранним изделиям (после московских и псковских) конца XVII – начала XVIII вв. соответствует первый вариант рамок и крышек. Второй вариант рамок можно рассматривать как развитие первого. Это проявляется в реализации местной традиции, выраженной в расширении рамки и уменьшении толщины дна. Отмеченная тенденция может быть связана с началом применения ручного гончарного круга.

С середины XVIII века в Енисейске сосуществовали две традиции изготовления элементов керамических выюшек – архаичная и новая. К новой традиции относятся рамки третьего варианта. По составу формовочной массы и технике изготовления им соответствуют крышки с округлым держателем второго варианта. Рамки четвёртого варианта являются продолжением и итогом развития местной традиции. К ним относятся крышки первого и третьего вариантов. Рассматривая особенности формообразования предметов данной категории печного оснащения, следует учитывать фактор индивидуальных навыков и приёмов мастера-гончара. На значи-

тельное влияние этих факторов особо обращает внимание исследователь древних керамических технологий И.Г. Глушков [Глушков, 1996].

Симбиоз элементов из различных технологических традиций наиболее ярко прослеживается на примере форм держателей и оформлении внутренних выемок крышек, свидетельствующих о способах их крепления к полям. На основании имеющихся материалов, учитывая недостаточную изученность этого типа изделий, можно предположить, что енисейские крышки, как часть русской керамики развивались в русле северно-русской традиции, выделившись из разряда низких плоскодонных сосудов, посредством превращения дна в держатель. Опубликованные данные по московским крышкам демонстрируют отличные от енисейских держатель и профиль, что указывает на вероятность их развития в русле другой гончарной традиции. Сходный профиль и форму держателя, к примеру, имели крышки небольшого диаметра от высоких сосудов Древней Греции. Не исключено, что традиция за огромный период могла распространиться на территории Европы, включая Москву.

Полная картина развития технологических приёмов изготовления керамики, данные по составам формовочных масс, а также более точные и полные результаты по датировкам этой категории находок будут получены после завершения изучения всего массива «городской» керамики археологических коллекций г. Енисейска.

Список литературы

Аболина Л.А., Щербаков В.В. Печи Енисейска XVII-XX веков: от каменок и глинобитных беструбных к кирпичным русским и изразцовым голландским до «утермарковских» // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. – Омск: Наука, 2017. – С. 57–63.

Артемьев А.Р., Артемьева Н.Г. Керамика Албазинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. (Историко-археологические исследования). – Владивосток, 1994. – Т. 1. – С. 165-170.

Артемьева Н.Г. Керамика Нерчинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. (Историко-археологические исследования). – Владивосток, 1995. – Т. 2. – С. 124-131.

Бердников И.М., Лохов Д.Н. Керамика в археологии: описание, анализ, методы исследования. // Издание второе: исправленное и дополненное // Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 164 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. (Источники и методы изучения) // А.А. Бобринский. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский, А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (кол. моногр.). Науч. ред. А.А. Бобринский. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 5-110.

Векслер А.Г., Осипов Д.О. Дворовые печи-поварни (По материалам археологических раскопок в Москве) // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. – М. 1996. – Тр. МИГМ. Вып. 9. – С. 19-23.

Володина В.С. Русское гончарное производство в Томской губернии XVII – начала XX в. по материалам письменных источников // Вестник Томского государственного Университета, 2012. – Вып. № 2 (18). – С. 111-118.

Гернет Ж.Я. История царской тюрьмы. // Т. 1. Издание второе дополненное и пересмотренное. – Государственное из-во юридической литературы. – М.: 1951. – 357 с.

Гиршевич М.А. Конструктивные особенности некоторых печей начала XVIII века. // Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара. – М.: изд. Росс. Акад. Наук. инст. Археологии, 2017. – Вып.13. – С. 280-283.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник / И. Г. Глушков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Кашинцев А.Ю. «Город Вологда на реке на Вологде, да на речке Золотухе...» // Археология Вологды: история и современность. – Вологда: Древности севера, 2007. – С. 76-84.

Коваль В.Ю. Керамика из раскопок на Подоле Московского кремля//Археология Подмоскovie. Материалы научного семинара. – М.: Институт археологии РАН, 2018. – Вып. 14. – 520 с.

Кондратьев И.И. Московские круглые надворные варочные печи. Второй сюжет из истории обогревательных устройств на Руси. <https://www.academia.edu/27893604/>

Кренке Н.А. Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы в XII – XIX веках // Материалы охранных архитектурных исследований. – М.: Ин-т археологии РАН, 2009. – Т. 12. – 524 с.

Кренке Н.А. Надворные печи-очаги XVI в. из раскопок на Романовом дворе в Москве // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. – М.: 2008. – С. 356-373.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. Уч. пособие. Изд. 2, испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2002. – 240 с.

Опись строениям енисейского острога при передаче стольника воеводы Михаила Даниловича Римского-Корсакова стольнику воеводе Богдану Даниловичу Глебову, 1712 г. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1148.

Раппопорт П.А. Колчин Б.А., Борисевич Г.В. Город, замок, село // Сер. «Археология СССР», изд. Федеральное государственное унитарное предприятие «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука». – М.: 1985. – С.136-154.

Рутковская Л.М. Парфянская керамика древнего Мерва.// С.А., № 3, 1958. – С. 120-133.

Самигулов Г.Ф. Заводской металл в быту челябинцев XVIII–XIX вв. // Культура Русских в археологических исследованиях: сборник научных статей. – Изд. ОмГУ, 2003 г. – С. 134–135.

Спегальский Ю.П. О некоторых приёмах устройства отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии. Средневековые памятники Восточной Европы. – М.: Изд. Наука, 1968. – Вып. 113.– С. 74–78

Татаурова Л.В. Керамическое производство Нижней Тары в XVII–XIX вв. (по данным археологии и этнографии) (археология). Диссертация ... канд. ист. наук. Науч. рук. Матющенко В.И. докт. ист. наук, профессор, Омск, 1997. – 18 с.

Трушкова И.Ю. Керамические и кузнечные технологии в северных русских провинциях (на примере г. Лальска) // Сборник конференции НИЦ Социосфера № 4. – Изд-во «Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera – CZ», s.r.o. (Прага), 2014. – С. 9-12.

Трушкова И.Ю. Экономика восточно-поморского города Лальска: вопросы этноархеологического изучения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров. Изд. ВятГГУ, 2016. – Вып. № 3. – С. 51-58.

Фролов М.В. Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII века. – М.: Ин-т Спецпроектреставрация, 1991 – 70 с.

Ширин Ю.В. Гончарный комплекс преподобного Василиска Сибирского // Культура русских в археологических исследованиях. Сборник научных статей. – Омск, изд. дом «Наука», 2017. – С.489-494.

Тарасов А.Ю.

Служба по государственной охране объектов культурного наследия

Красноярского края

tarasovarheo@yandex.ru

КОМПАСНЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В ПОСАДЕ КРАСНОЯРСКОГО ОСТРОГА)

Аннотация: Статья посвящена характеристике элемента компасных солнечных часов (створки, кадрана), обнаруженного в процессе проведения аварийно-спасательных археологических работ на территории г. Красноярска в 2004 г. Автором выполнено описание археологического предмета, установлено его функциональное назначение и период использования, произведён сравнительный анализ подобных находок.

Ключевые слова: археология, археологические раскопки, компасные солнечные часы.

Tarasov A.U.

Service for state protection of cultural heritage of the Krasnoyarsk Territory

COMPASS SUNDIAL (BY MATERIALS OF DIGGING IN THE AREA OF KRASNOYARSK BURG)

Abstract: This material is devoted to the description of the compass sundial's element (leaf), which was found during the archaeological research in 2004 in Krasnoyarsk. The author characterized an object, defined the period and made a comparative analysis.

Keywords: archeology, archaeological excavations, compass sundial.

В 2004 г., в ходе проведения аварийно-спасательных раскопок в границах посада Красноярского острога (квартал застройки ул. К. Маркса / ул. Каратанова), в заполнении погребца, уничтоженного пожаром 1881 г., обнаружена вырезанная из бивня мамонта створка (кадран) компасных солнечных часов (рис. 1, 2).

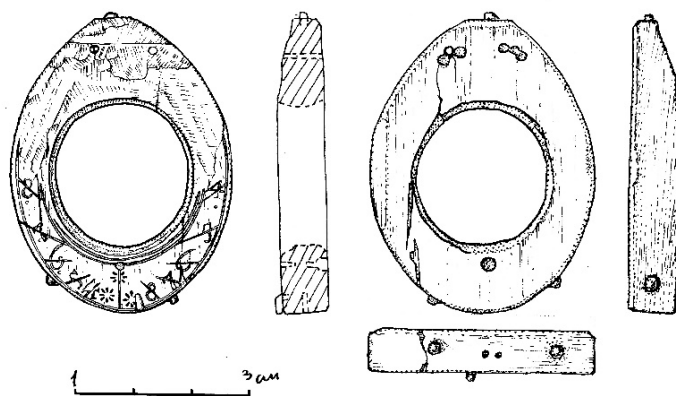

Рис. 1. Красноярск. Компасные солнечные часы, прорисовка.

Створка, овальная в плане, имеет размеры 50 мм х 38 мм, при максимальной толщине до 7 мм. Край изделия оконтурен гравированной линией. Северная половина лицевой части кадра (здесь и далее описание прибора с учётом рабочего положения) преднамеренно срезана (сострогана), образуя в плане клин со сформированным поперечной подрезкой-уступом. В створке прорезано сквозное отверстие диаметром 25 мм, оконтуренное двойной гравированной линией и имеющее внутри выступ шириной до 2 мм, для фиксации стеклянной или слюдяной пластины, закрывавшей компас. Стенки отверстия имеют значительные следы затёртости. Наличие сквозного отверстия позволяет сделать предположение об утраченной нижней пластине, в которой крепилась ось магнитной стрелки (или же в данной конструкции компас имел собственный корпус).

Рис. 2. Красноярск. Компасные солнечные часы, циферблат.

На южной половине лицевой части кадра сохранилась часть шкалы циферблата с выгравированными арабскими цифрами от 4 до 8 в юго-западном и юго-восточном секторах (отсчёт по часовой стрелке). В южной части прибора крайние цифры шкалы циферблата разделены гравированным орнаментом в виде трех солярных знаков. В северной части створки просверлены два миллиметровых отверстия с сохранившимися в одном из отверстий кусочком согнутой вдвойне металлической проволоки, зафиксированной с обратной стороны металлическим штифтом (остатки шарнирного соединения). В южной части кадра сохранился загнутый металлический штифт диаметром до 1 мм, ранее фиксировавший крышку в закрытом состоянии и миллиметровое отверстие для крепления нити – гномона. На северном и южном торцах корпуса сохранились металлические штифты – остатки креплений крючков-застёжек, фиксирующих прибор в открытом и закрытом состоянии. На южном торце высверлены 2 крепёжных отверстия диаметром до 0,5 мм для фиксации петельки-подвеса.

Найденный в Красноярске прибор конструктивно идентичен приборам, обнаруженным в 1940–1941 гг. советскими гидрографами на берегу залива Симса и о. Фаддея (северо-восток полуострова Таймыр) при изучении остатков погибшей, как предполагали авторы исследований, русской промышленной экспедиции первой трети XVII в. (рис. 3) [Данилевский, 1951].

Аналогичные приборы обнаружены при раскопках Мангазейского городища в 1968–1970 и 1973 гг. (рис. 4) [Белов и др., 1980].

Обнаруженные в Красноярске компасные солнечные часы в «переотложенном состоянии» не связаны с каким-либо комплексом, имеющим стратиграфическую привязку. Отмечено преднамеренное изменение формы изделия, что может свидетельствовать об его вторичном переиспользо-

вании. Остаётся открытым вопрос о том, каким образом и в какое время прибор, использовавшийся в XVII в. полярными мореходами, оказался в глубине азиатского континента на расстоянии в две тысячи километров от морского побережья.

Рис. 3. Мангазея. Компасные солнечные часы.

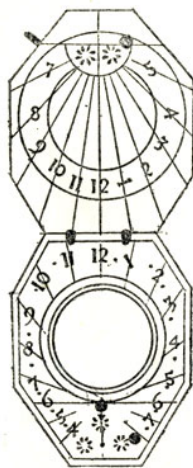
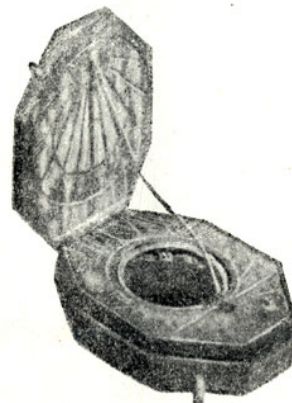

Рис. 4. Залив Симса. Компасные солнечные часы.

Список литературы

Данилевский В.В. Русские навигационные приборы первой четверти XVII века // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. – Л., 1951. – С. 53–62.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. –Л., 1980. – Ч. 1. – С. 126–127.

Клементьев А.М.,¹ Лысенко Д.Н.²

¹Институт земной коры СО РАН, Иркутск
klem-al@bk.ru

²ООО «Красноярская Геоархеология», Красноярск
arheoapi@gmail.com

ЖИВОТНЫЕ В ГОРОДСКОЙ УСАДЬБЕ ЕНИСЕЙСКА В XVII–XVIII ВЕКАХ (ПО АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИА- ЛАМ ИЗ РАСКОПОК УСАДЬБЫ ЕВСЕЕВА-1)²

Аннотация: Изучены остатки млекопитающих в историческом центре города Енисейска (усадьба Евсеева) в хронологических рамках XVII–XVIII вв. Остеологические исследования из археологических раскопок 2014 г. выявили остатки крупного рогатого скота, барана, свиньи, лошади, собаки, кошки и нескольких промысловых видов. Последние представлены костями зайца, медведя, косули, лося. Размерная категория собаки XVII века позволяет сопоставить ее с мелкими лайками автохтонного населения региона. Наиболее массовым домашним видом млекопитающих является крупный рогатый скот. Размерность его соответствует аборигенным азиатским породам. Типичными видами являются свинья и баран. Благодаря представительной выборке определенных остатков в слое начала XVIII в. выявлен пищевой спектр, который показывает доминирование говядины в структуре питания жителей городской усадьбы Евсеева. Обозначены также принципы разделки и приемы использования костей КРС в игровой деятельности.

Ключевые слова: Енисейск, домашние животные, крупный рогатый скот, промысловые млекопитающие, остеологические исследования.

Klementiev A.M.,¹ Lysenko D.N.²

¹Institute of the Earth's Crust SB RAS., Irkutsk
²Krasnoyarsk Geoarcheology, Ltd., Krasnoyarsk

STRUCTURE AND USE OF FAUNA IN XVII-XVIII CENTURIES (FROM THE ARCHAEOLOGICAL OF THE YEVSEYEV'S BARTON, YENISEISK)

Resume: The article contains observations of mammal remains from Eniseisk historical center (Evseev's country estate) in chronological framework of XVII–XVIII centuries. Osteological study of the archaeological excavations of 2014 has revealed remains of cattle, ram, pig, horse, dog, cat and some commercial species. The latter include hare, bear, roe deer and moose bones. Size dog category of the XVII century allows to associate it with small huskies of Tungus population of the region. The most massive domestic species of mammals is cattle. Its dimension corresponds to the Asian indigenous breeds. Pig and ram are typical breeds. Due to a representative selection of the definable remains in the early 18 century layer we have found the food spectrum, which shows the dominance of beef in the food structure of inhabitants of Evseev's country estate. Also, there are principles of cutting techniques and methods of using cattle bones in gaming activities.

Keywords: Yeniseysk, domestic animals, cattle, hunting mammals, osteological study.

² Материалы доклада на VI конференции «Культура русских в археологических исследованиях» в г. Енисейске [Татаурова и др., 2018].

Введение

Усадьба Евсеева (ОКН «Усадьба Евсеева, 1730») расположена на южном краю песчаного руслового вала р. Енисей. С востока граница усадьбы ограничена взвозом, отделявшим посадскую часть от западной стены острога. Близость административного центра и топографические условия, выгодно отличающиеся от основной заболоченной части города, привели к формированию на этом участке престижного квартала, где в первой половине XVIII в. было построено одно из первых каменных зданий в г. Енисейске.

Толща культурных отложений на изученном участке представлена прослойками пожаров в нижней части и слабосформированными органо-генными отложениями в верхней. К «докаменному» периоду городского строительства относятся конструкции, зафиксированные в нижней и средней части слоев. Накопление верхней пачки отложений связано с функционированием каменного здания усадьбы. В раскопах вскрыты постройки нескольких усадеб, ориентированных по оси СЗ-ЮВ и разгороженных частокотлом. Большая часть построек уничтожена поздними перекопами. В раскопе № 1 изучена двухчастная связь клеть – сени, в раскопе № 3 обнаружен угол дома с глинобитной печью, западнее которого расположен котлован погреба. Датируются постройки концом XVII – серединой XVIII вв.

Общая фаунистическая характеристика для объекта в целом приведена в предварительной публикации [Клементьев и др., 2016].

Материал и методика

Полученный остеологический материал, благодаря археологическому контексту, при обработке группировался по условным горизонтам залегания и обнаруженным конструкциям (сооружениям, ямам). В первой таблице приводится видовой и количественный состав изученных остатков позвоночных. Датирование уровней и материала производилось на основе стратиграфической позиции залегания конструкций, а также сопровождающими их диагностичными находками – монетами, изделиями керамического, стеклодувного и металлургического производства. Искусственные сооружения, нарушающие целостность культурного слоя, удалось «привязать» к уровням, из которых они закладывались. Удалось также установить отдельные периоды функционирования территории до постройки каменного здания в первой половине XVIII века. Методическая часть работы в отношении остатков млекопитающих базировалась на предложениях отечественных археозоологов [Цалкин, 1956, Антипина, 2004].

Результаты и обсуждение

Остеологические материалы раскопок составили более трех с половиной тысяч остатков различных таксономических групп. Из них более 96 % остатков принадлежали млекопитающим; 27,4 % из этих костей являются определяемыми до рода или вида. Птичьих и рыбьих остатков выявлено очень мало. Остатки млекопитающих представлены элементами скелета домашних и промысловых видов: собаки, кошки, лошади, крупного рогатого скота, овцы, свиньи, зайца, медведя, косули и лося (табл. 1).

Табл. 1. Количество остатков и видовой состав позвоночных на усадьбе Евсеева, по уровням залегания материала

Уровни и сооружения	1	2	3		4		Всего
			слой	яма 1	слой	печь	
Млекопитающие (Mammalia)							*
Заяц (<i>Lepus timidus</i>)	2		6	1	3		12
Медведь (<i>Ursus arctos</i>)					1		1
Косуля (<i>Capreolus pygargus</i>)	2		2		6		10
Лось (<i>Alces</i> sp.)					2		2
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	3		3		12		18
Кошка (<i>Felis domestica</i>)	1						1
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)			1				1
Свинья (<i>Sus scrofa domestica</i>)	21	2	28	1	35		87
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	117	33	370	4	236	1	768
Баран домашний (<i>Ovis aries</i>)	12		16		16		44
Мелкий рогатый скот (<i>Ovis/Capra</i>)	7	2	12		15	1	37
Крупное копытное	566	109	615	8	594		1915
Неопределимые	172	22	242	1	190	4	650
Обоженные			32		7		39
в т.ч. обработанные					2		2
Всего:	903	168	1327	15	1117	6	3585
Птицы (Aves)	31	7	23	2	33		76
Рыбы (Pisces)	10	2	23		20		44

* общее количество с учетом столбовых ям и нарушений слоя

Материалы усадьбы Евсеева представлены тремя хронологическими выборками. Первая из них (1 и 2 уровни) приурочена к слою, связанному с функционированием каменного здания ОКН и относится ко второй половине XVIII-XIX вв. Вторая связана с горизонтом первых десятилетий – середины XVIII века. И третья выборка залегала в отложениях уровня первоосвоения территории, фактически относится к XVII – началу XVIII вв.

Мы уделяем внимание второй и третьей выборкам, как наиболее хорошо ограниченными хронологическими рамками. Согласно хронологии находок, в дальнейшем все выборки будут привязаны к трем этапам исторического развития участка, где расположена усадьба Евсеева – первому (4 уровень), второму (3) и третьему (1 и 2 уровень). Третий этап остается вне нашего рассмотрения. Наиболее древней является третья выборка, связанная с первыми десятилетиями функционирования западной, нижней части посада Енисейского острога. Первый этап охарактеризован заметным разнообразием промысловых видов (вместе с рыбой и птицей) и большим количеством костей собак. Если связывать собак с промысловой деятельностью населения, то фактически охота и рыболовство в хозяйстве жителей Енисейска составляла 20,2 %. Только в этом уровне найдены такие представители крупных таёжных зверей как медведь и лось. Отметим, что размеры собак меньше размеров современных промысловых лаек. Кости этих особей не видоизменены селекцией (укорочение и/или искривление), выглядят соразмерными, из чего можно сделать вывод, что собаки были сложены пропорционально и задействованы в охотничьей деятельности. Приводим некоторые промеры в сравнении с современной западносибирской лайкой (в скобках): кондилобазальная длина черепа 154,8 (180,8); скуловая

ширина черепа 96,0 (102,2); длина зубного ряда P2-M2 56,2 (66,6); длина верхнего хищного зуба 16,6 (17,7); длина зубного ряда нижней челюсти см 80,5 (90,6); длина нижнего хищного зуба 20,0 (20,3); длина бедренной кости 152,1 (188,3) мм. Вычисленная высота в холке составляла порядка 46-47 см. Вероятно, таких мелких сибирских собак путешественники XVII-XVIII вв. называли шавками или лисоподобными [Дмитриева-Сулима, 2003]. Размеры мелкой собаки приводит в своей работе А.Ф Миддендорф [Миддендорф, 2004]: высота в холке 45 см, длина головы 14,5 см.

Среди домашних копытных, обеспечивающих основные потребности населения в пище, крупный рогатый скот занимает первое место. На первом этапе заселения рассматриваемого участка Енисейска доля КРС в находках составляла 78,1 % всех домашних копытных. Остатки свиньи и мелкого рогатого скота практически равноценны, составляют 11,5 и 10,5 % остатков соответственно. Поскольку количество определимых костей не позволяет составить спектр мясного потребления [Антипина, 2004], ограничимся лишь сравнением с опубликованными данными по составу домашних копытных. Доминирующая роль крупного рогатого скота не раз отмечалась исследователями остеологических коллекций средневековых русских городов и селений. Сравнение с другими сибирскими объектами показывает следующее: на Ананьино-1 доля домашних быков и коров составляет 50,7 %, на Изюк-1 – 50,6 % [Явшева и др., 2008]. При раскопках Томского кремля находки костей КРС составили 71 %, в Тобольском кремле найдено 83 % костей коров и быков [Бачура и др., 2011]. При раскопках исторического центра Иркутска также выявлено доминирование КРС – в слоях XVIII века 90,1 % остатков [Исаев и др., 2011]. Хорошая подборка сведений об особенностях оседлого (без учета северного оленя) животноводства северных русских поселений представлена в работе Г.П. Визгалова с соавторами [Визгалов и др., 2013]. Первое место на Мангазее в остеологическом спектре принадлежит свинье, остальные домашние копытные малочисленны или очень редки. Расположенные в зоне тайги Березовское и Старотуруханское городища, село Обдорское имеют уже остеологический спектр с равноценным представительством остатков свиньи и КРС (Березовское) или доминированием КРС (Старотуруханское, Обдорское).

Второй этап развития территории участка усадьбы Евсеева доходит до середины XVIII века и представлен значительной коллекцией остеологических остатков. Промысловых видов всего два – заяц и косуля, обычных и по сей день в данной местности. Остатки собаки единичны – 0,7 % среди домашних видов. Долевое значение КРС возрастает (86,8 %), паритет остатков свиней и мелкого рогатого скота сохраняется при уменьшении их доли соответственно до 6,7 и 6,5 % от количества копытных. Размерные характеристики КРС по отдельным, наиболее хорошо сохранившимся скелетным элементам (рис. 2:6,7,8) приведены в табл. 2. По размерам этот скот не превышал известные аборигенные породы скота (монгольскую, якутскую), рост его в холке составлял 1,00-1,15 м. Какие-либо изменения в размерах двух хронологических выборок отсутствуют.

Количество определимых костей второго этапа позволяет нам составить спектр мясного потребления [Антипина, 2004]. При значительной разнице в размерах между крупным и мелким рогатым скотом, и промежуточном положении свиньи выясняется следующий пищевой спектр мясного потребления (табл. 3). Выводы базируются на тезисе об эталонном весе домашнего барана в 40 кг. На первом месте в рационе стояла говядина (>96 %), второе место занимала свинина (3,0 %), баранина (т. к. достоверных костей коз не обнаружено) занимала незначительное место (0,9 %) в рационе населения. Подсобное значение в питании населения имело мясо домашней и дикой птицы и рыба.

Табл. 2. Размеры костей КРС с усадьбы Евсеева

Кость и промер, мм	XVII век		Первая треть XVIII века	
	n=7		n=5	
Пястная кость	lim	M	lim	M
Длина	162,9-202,4	186,9	165,0-192,0	182,2
Ширина верхнего эпифиза	43,5-59,8	55,3	46,6-61,7	53,4
Ширина диафиза	23,0-33,8	30,6	26,3-34,2	29,4
Ширина нижнего эпифиза	46,4-64,2	58,6	47,7-63,7	54,5
Индекс диафиза	14,1-17,8	16,3	14,1-17,8	16,1
Большая берцовая кость	n=7		n=8	
Ширина нижнего эпифиза	52,0-65,0	56,3	49,5-64,2	56,1
Поперечник нижнего эпифиза	37,3-46,9	41,2	37,5-47,1	41,8
Пяточная кость	n=6		n=2	
Длина	112,6-142,2	119,6	116,5; 112,8	-
Ширина	36,0-46,5	39,8	37,2; 37,5	-
Ширина бугра	26,5-38,5	31,8	27,7; 28,5	-
Поперечник бугра	30,7-37,5	33,6	30,2; 32,5	-
Таранная кость	n=7		n=14	
Длина латеральная	55,0-65,9	61,4	55,7-63,7	60,9
Длина медиальная	50,6-61,9	57,5	52,4-61,7	56,2
Ширина	36,7-41,7	39,2	35,0-41,9	38,7
Поперечник	31,9-35,7	34,0	30,0-37,7	34,2
Плюсневая кость	n=10		n=2	
Длина	190,1-221,4	205,8	219,5; 215,8	-
Ширина верхнего эпифиза	36,8-51,8	43,6	51,8; 45,7	-
Ширина диафиза	19,4-28,2	23,6	28,0; 23,9	-
Ширина нижнего эпифиза	42,6-58,8	51,0	59,4; 52,8	-
Индекс диафиза	10,1-12,9	11,4	12,8; 11,1	-
Первая фаланга	n=8		n=16	
Длина	49,0-58,9	52,3	47,5-60,1	52,7
Ширина верхнего эпифиза	26,0-30,3	27,6	23,9-35,2	27,2
Ширина диафиза	21,1-25,5	23,2	19,6-27,4	22,5
Ширина нижнего эпифиза	23,8-31,0	26,8	21,6-32,3	25,4
Индекс диафиза	42,0-47,7	44,4	38,2-47,2	42,7
Вторая фаланга	n=14		n=22	
Длина	28,8-42,0	36,3	28,3-42,9	36,2
Ширина верхнего эпифиза	24,5-30,8	27,4	23,4-31,4	27,4
Ширина диафиза	20,0-25,7	21,9	18,5-25,8	21,8
Ширина нижнего эпифиза	21,4-29,2	23,9	19,6-29,5	23,7
Индекс диафиза	52,9-80,6	61,0	53,4-83,0	60,7

На протяжении первых двух, а также третьего этапа развития городского участка не наблюдается различий или изменений в разделке туш копытных животных. Среди остатков костей очень мало целых экземпляров

и очень много мелких фрагментов. Ребра, черепные фрагменты, позвонки свиньи и крупного рогатого скота несут следы разделки, в основном грубой (топором; рис. 1).

Табл. 3. Расчет потребления мяса с/х копытных по остеологическим материалам с усадьбы Евсеева в первой трети XVIII века

Вид	Остеологический спектр (%)	Кратность веса туш	Спектр мясного потребления		Иерархия видов в модели стада
			Абстрактные мясные единицы	%	
КРС	86,8	7,5	651	96,1	1
свинья	6,7	3	20,1	3,0	2
баран	6,5	1	6,5	0,9	3
Всего	100 %	-	677,6	100	3 вида

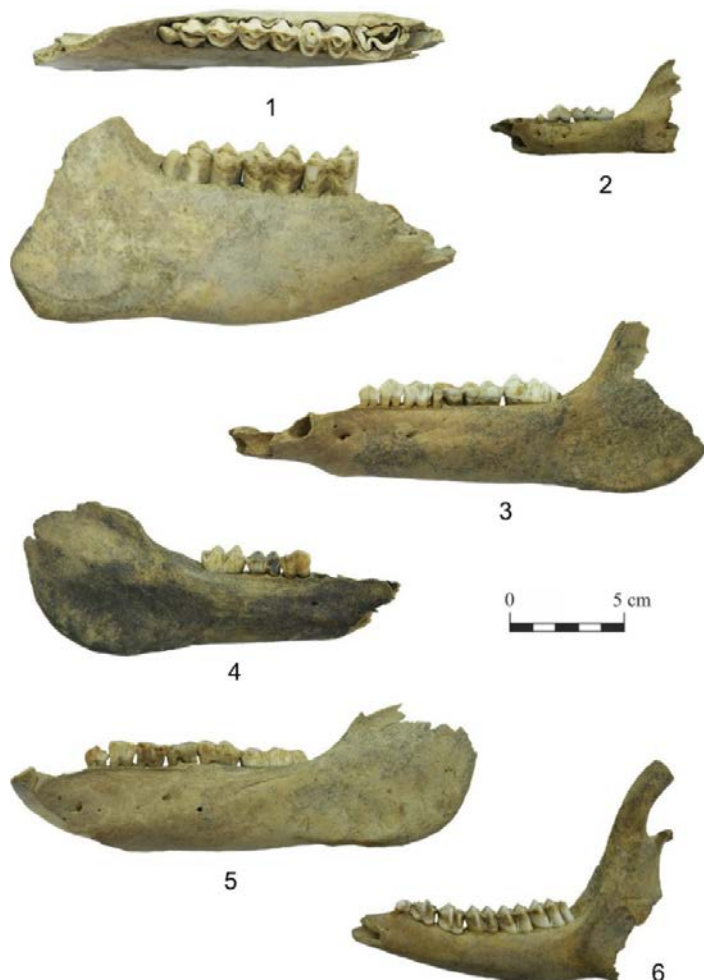

Рис. 1. Примеры сохранности нижних челюстей копытных. 1 – фрагмент челюсти КРС № 1196 с зубами (4 уровень); 2–5 – фрагменты челюстей разновозрастных особей *Sus scrofa domestica* (№№ 976 (ур. 3), 1199, 1186, 1208 (ур. 4)); 6 – фрагмент челюсти косули № 701 (ур. 3).

Прослеживается продольное расчленение поясничных позвонков и крестца, возникающее при разделении тазобедренной полутуши на две половины. Продольные фрагменты отмечаются и для крупных трубчатых костей (рис. 2:5). Из многочисленных экземпляров полных первых фаланг крупного рогатого скота только в 3 и 4 уровне были выделены три экземпляра обработанных для игры в «бабки» (рис. 2:2,3,4). Они интерпретируются как «биток»: сухожильные бугры для крепления связок сильно обкатаны.

Один из экземпляров (№ 577) несет посередине верхней суставной поверхности сверленное, ровное на всем протяжении отверстие, диаметром 4,6 мм. Кость № 554 также имеет сверленное отверстие, диаметром 1,8 мм.

Разнообразие остатков млекопитающих из культурного слоя показывает следующие особенности. Череп разрубался на несколько частей, продольно и поперечно. Отделялись носовые кости и роговые стержни, мозговой отдел разрубался продольно. Голова, скорее всего, подвергалась кулинарной обработке, поскольку роговые стержни, не имеющие пищевой ценности, обрубались. Исключение составляет череп барана (рис. 2:1).

Рис. 2. Остеологические материалы с ОКН "Усадьба Евсеева, 1730":
1 – мозговой отдел черепа барана; 2–4 – первые фаланги КРС с отверстиями в верхнем эпифизе; 5 – продольный фрагмент большой берцовой кости КРС; 6–8 – изменчивость плюсневых костей КРС.

Нижние челюсти расчленялись на три составляющих части, из которых сохраняется самая прочная (рис. 1). Автоподии также использовались в пищу, при этом при разделке образовывались следы порезов на компактной части диафиза метаподиальной кости. В процессе перимортального захоронения костей некоторые остатки были погрызены собаками или использовались как источник питательных веществ грызунами (после чего фиксируются следы специфических погрызов). Использование КРС в пищевых целях вплоть до старого возраста особей улавливается на костных остатках с экзостозами, характерными для старых животных. Поэтому возраст забоя КРС можно характеризовать в широком диапазоне. Использование говядины в доминирующем количестве интерпретируется как свидетельство приобретения привозного продукта на рынке. Присутствие костей молодых особей домашней свиньи свидетельствует в пользу приусадебного содержания этого копытного для личных нужд в городских условиях.

Заключение

Результаты остеологических исследований в нижней части посада на территории усадьбы Евсеева позволили выделить два ранних этапа использования фауны городским населением. Самый ранний из них связан с первыми десятилетиями существования Енисейска, т. е. второй половиной XVII в. Здесь наблюдаются свидетельства охоты на медведя, лося, косулю и зайца. Характерна высокая доля костей некрупных, видимо аборигенных, собак. Второй этап охватывает первую половину XVIII в. и охарактеризован увеличением остеологической коллекции. Значение охоты здесь заметно падает (найжены только косуля и заяц), увеличивается количество КРС. В целом остеологические остатки коров и быков преобладают в археозоологических материалах на большинстве русских поселенческих объектов таежной зоны Сибири. В пищевом рационе жителей усадьбы Евсеева начала XVIII века доминирует говядина, все остальные мясные продукты имеют вспомогательное или диетическое значение. Тип разделки туш домашних и промысловых копытных традиционен. Для первичной разделки использовали топор, ножами пользовались для тонких операций и кулинарной разделки. Установлено использование первых фаланг КРС для изготовления игральные костей.

Список литературы

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 7–33.

Бачура О.П., Лобанова Т.В., Бобковская Н.В. Животноводство русского населения в городах на севере Урала и Сибири в XVII–XIX веках // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Изд-во Омский институт (филиал) РГТУ, 2011. – С. 271–275.

Визгалов Г.П., Кардаш О.В., Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. – Нефтеюганск: Институт археологии севера; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. Вып. 4. (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири). – 376 с.

Дмитриева-Сулима М.Г. Лайка и охота с ней. – М.: АквариумБУК, 2003. – 224 с.

Исаев А.Ю., Клементьев А.М., Мартынович Н.В. Фауна позвоночных из археологических раскопок исторического центра г. Иркутска // Байкальский зоологический журнал. – 2011. – № 2 (7). – С. 5–10.

Клементьев А.М., Лысенко Д.Н., Мартынович Н.В. Остатки млекопитающих и птиц из археологических раскопок Енисейска (XVII–XIX вв.) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф. – Красноярск: СФУ, 2016. – Т. 2. – С. 240–248.

Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть II. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. – СПб.: ГеоГраф, 2004. – 850 с.

Татаурова Л.В., Лысенко Д.Н., Галухин Л.Л. VI Международная научная конференция «Культура русских в археологических исследованиях»: новый вклад в развитие научного направления (к юбилею г. Енисейска) // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2018. – Т. 17, № 3: Археология и этнография. – С. 156–162.

Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // МИА. – 1956. – № 61. – С. 7–185.

Явшева Д.А., Некрасов А.Е., Татаурова Л.В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 356–367.

Клементьев А.М.,¹ Галухин Л.Л.²

¹*Институт земной коры СО РАН, Иркутск
klem-al@bk.ru*

²*ООО «Красноярская геоархеология», Красноярск
Krasgeo@gmail.com*

**АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРАСНОЯРСКОЙ
ЗАГОРОДНОЙ УСАДЬБЫ КОН. XIX – НАЧ. XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2013 Г.
СТОЯНКИ НИКОЛАЕВКА-1)**

Аннотация: в 2013 году было исследовано 2078 кв.м. территории выявленного археологического объекта «Красноярск. Стоянка Николаевка-1», расположенного на берегу реки Енисей в черте современного Красноярска. В результате раскопок был исследован комплекс местонахождений, включающий разновременные стоянки эпохи среднего неолита – раннего железного века, а также впервые обнаруженные археологизированные остатки сибирской загородной усадьбы русского периода. Были получены обширные материалы, важной составляющей которых является археозоологическая коллекция. В работе приводятся сведения по археозоологии усадьбы «русского периода». Изучение этой коллекции позволило определить присутствие разных категорий костных остатков. Среди материала определены домашние (собака, кролик, лошадь, корова, овца, коза, свинья) и промысловые (заяц, косуля и лось) млекопитающие. Доминирующим среди домашних животных был КРС, затем следуют МРС, свинья и лошадь. Размеры КРС невелики и укладываются в размах изменчивости аборигенных пород. Собаки представлены двумя размерными категориями. Среди промысловых видов встречена в основном косуля, лось представлен лишь одним остатком. Пищевой спектр резко асимметричный – доминировала говядина, а конина, свинина и мясо мелкого рогатого скота занимали незначительную долю. Преобладание взрослых коров в остеологических спектрах говорит в пользу их приусадебного содержания для получения молока, а МРС использовался как для получения мяса, так и шерсти, и шкур.

Ключевые слова: Красноярск, стоянка Николаевка-1, археозоология, домашние животные, пищевой спектр.

Klementiev A.M.,¹ Galukhin L.L.²

¹*Institute of the Earth's Crust SB RAS., Irkutsk
klem-al@bk.ru*

²*Krasnoyarsk Geoarcheology, Ltd., Krasnoyarsk
Krasgeo@gmail.com*

**ARCHEOZOOLOGICAL RESEARCH OF THE SIBERIAN
HOMESTADE OF NIKOLAEVKA 1**

Resume: In 2013 there were explored 2078 sq. m. of the archeological site «Krasnoyarsk. Nikolayevka-1» territory, which is located on the left bank of the Yenisey river on the South Western outskirts of Krasnoyarsk. As a result of the excavations, a complex of different-by-time layers was explored, which included sites, dated from the Middle Neolithic era to the early Iron Age, and first discovered in that area archaeological remains of a country estate of the «Russian period». Among the materials received, the archeo-zoological

collection was an important component. The article provides information on the archeozoology of the Russian period layers. The study of this collection makes it possible to determine the presence of different categories of bone remains referring both to domestic mammals (dog, rabbit, horse, cow, sheep, goat, pig) and to game ones (hare, roe and elk). The cattle were dominant among domestic animals, followed by small cattle, pigs and horses. The sizes of cattle are small and fit into the range of variability of indigenous breeds. Dogs are presented by two size categories. Game species are mainly represented by roe deer; there is only one single bone identified as elk residue. The food spectrum is sharply asymmetrical – beef dominated, and horse meat, pork, and small cattle meat occupied an insignificant share. The predominance of adult cows in the osteological spectra speaks in favor of breeding them for milk rather than for meat, and small cattle were used as for meat production, as for the production of wool and leather.

Keywords: Krasnoyarsk, Nikolaevka-1, archeozoology, domestic animals, food spectrum.

Введение

В 2013 г. было исследовано 2078 кв. м. территории выявленного археологического объекта «Красноярск. Стоянка Николаевка-1» (далее Николаевка-1), расположенного на второй левобережной террасе р. Енисей на юго-западной окраине современного Красноярска (рис. 1). Работы проводились в зоне строительства 4-го автодорожного мостового перехода через р. Енисей и носили охранно-спасательный характер. В результате раскопок был исследован комплекс разновременных стоянок, датируемых в широком диапазоне от времени среднего неолита (2-я пол. V тыс. до н.э.) и ранней бронзы (2-я пол. III тыс. до н.э.) до эпохи раннего железного века (тагаро-таштыкского времени – III–II вв. до н.э.). Кроме того, в процессе работ впервые на указанной территории был выявлен культурный слой «русского времени». В процессе расчистки напластований были зафиксированы остатки деревянных построек (нижние венцы срубов, погреба) и хозяйственных объектов (хозяйственные и столбовые ямы, следы распашки с рядами агрокультурных насаждений), которые, в совокупности с коллекцией найденных артефактов, дают основание интерпретировать исследованный комплекс как остатки загородной сибирской усадьбы 2-й пол. XIX – нач. XX вв. Важной составляющей обширного массива полученных материалов является фаунистическая коллекция. В настоящей работе приводятся сведения по археозоологии обнаруженных слоев и комплексов, относящихся к русскому периоду.

Материалы и методы

Остеологические материалы раскопок составили 2087 остатков различных таксономических групп. Из них 92,4 % остатков принадлежали млекопитающим; 39,1 % из этих костей являются определяемыми до уровня рода и вида. Птичьих и рыбьих остатков, вместе взятых, 7,6 %. Птичьи остатки в массе принадлежат домашним курам, молодого возраста (определение к.б.н. Н.В. Мартыновича, ММО, Калининград). Остатки млекопитающих представлены элементами скелета домашних и промысловых видов. Из домашних определены собака, кролик, лошадь, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот и свинья (табл. 1). Для сибирских объектов кость кролика

определена впервые. Среди промысловых – заяц, лось и косуля. Подсчет остатков осуществлялся по слою и выявленным в нем конструктивным элементам – остаткам археологизированных наземных построек, погребам, хозяйственным ямам. Результаты определения материала представлены в табл. 1. Довольно высока доля определимых остатков, почти 40 %, что характерно обычно для городских поселений [Явшева, и др., 2008, Исаев и др., 2011, Клементьев и др., 2016]. Степень целостности материала довольно высокая в отношении костей КРС и МРС, остатки других видов значительно сильнее фрагментированы.

В слое среди определимых остатков доминируют фрагменты элементов скелета крупного рогатого скота *Bos taurus*. Из всех видов млекопитающих, встреченных на объекте, доля крупного рогатого скота составила более 60 процентов, что характерно для слоев русского времени. Мелкий рогатый скот (достоверно определены кости барана и козла) в совокупности занимает второе место и составляет 20,8 %. Третье место (8,2 %), занимают остатки домашней свиньи. Среди материала очень редки краниальные остатки, преобладают элементы дистальных отделов конечностей этого вида. Лошадь на четвертом месте – 3,5 %. Довольно много остатков собак, они составляют 3,8 %. Единично встречена кость кролика. Фрагменты костей промысловых видов неравноценны, найден лишь один остаток лоса, доля же косули доминирующая.

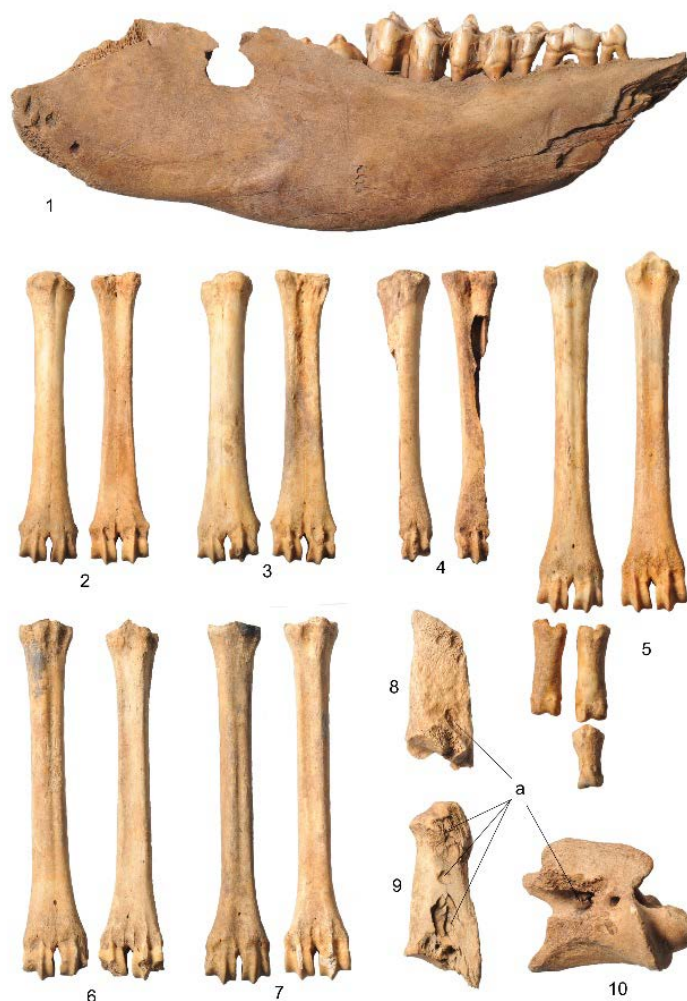
В сооружениях (погребам) остатки костей немногочисленны. К основному фаунистическому списку прибавляется лишь заяц. Здесь также КРС и МРС доминируют в составе сборов.

Методики археозоологических исследований слоев поселений достаточно хорошо разработаны [Цалкин, 1956, 1970, Антипина, 2004, Каспаров, 2004] и были использованы нами. Подходы к определению размеров и возраста домашних животных были заимствованы в работах В.И. Цалкина [1956, 1961, 1970]. При метрическом исследовании материала использована схема промеров А. фон де Дриш [von den Driesch, 1976] с некоторыми дополнениями. За основу подсчета соотношений животных нами берется количество остатков (NISP). Метрические характеристики материала приводятся по хорошо сохранившимся элементам скелета.

Результаты

Домашние виды (рис. 3). Среди определимых остатков доминируют фрагменты элементов скелета крупного рогатого скота *Bos taurus*. Зафиксированы остатки минимум пяти особей (рис. 2). Значительно преобладают кости посткраниального скелета, в особенности многочисленны дистальные элементы конечностей. Среди крупных костей встречены полные лучевая, большая берцовая, метаподии. Из домашних видов млекопитающих, встреченных на объекте, доля крупного рогатого скота составила 63,6 %. Сохранившийся фрагмент черепа по размерам заметно уступает черепам монгольского скота [Колесник, 1936, Лус, 1936]: по срединной длине лба (166,5 мм), по ширине темени в височных ямках (93,0), по заглазничной и

Рис. 2. Остеологический материал из русского слоя. 1 – фрагмент нижней челюсти крупного рогатого скота с молочными зубами (на угловом отростке видны следы погрызов собак); 2,3 – пястные кости домашнего барана; 4 – образец пястной кости домашнего барана с продольным расщеплением; 5,6,7 – плюсневые кости домашнего барана (5 с анатомически приращенными фалангами); 8,9 – фрагменты пяточных костей косули (8 – со следами погрызов (а) и кислотной коррозии в ЖКТ; 9 – сильно погрызенная (а – погрызы)); 10 – второй шейный позвонок домашнего барана со следами погрызов (а).

орбитальной ширине (134,9 и 166,0 мм). Только по ширине между основаниями роговых стержней (104,0) имеющийся экземпляр попадает в средние показатели бычьих черепов 86–114 мм [Колесник, 1936]. По длине пястных и плюсневых костей (табл. 2) успешно вычислен размах ростовых характеристик в холке: с использованием коэффициентов В.И. Цалкина [1956, с. 46–47] он составляет 96,1–103,6 см, в среднем 100,2 см. По этим данным можно говорить о мелких размерах особей КРС в основной своей массе. Такие размеры вполне сопоставимы с восточносибирским аборигенным скотом – 95–121 см в холке [Кисельков, Ляшевич, 1947]. Такие же мелкие размеры имел скот других сибирских местонахождений:

- Верхотурья на рубеже XVIII–XIX вв. – 81,9–106,9 см в холке по промерам пясти [Косинцев, Подопрigора, 1998];
- Томских окрестностей середины XVII–XVIII вв. – средняя высота в холке по метаподиям 101,9–102,9 см [Косинцев, Черная, 2000];
- Тобольских окрестностей XVII–XIX вв. – 92,4–109,4 см в холке по длине пястных [Пластеева, Девяшин, 2013];
- окрестностей г. Иркутска XVIII–XIX вв. – 94,5–111,3 см в холке по длине пястных [Исаев и др., 2011];
- территории усадьбы Евсеева в г. Енисейске XVII–XVIII вв. – 92,0–114,4 см в холке по длине пястных (собств. данные).

Наиболее многочисленными из костей КРС – фаланги (табл. 2). По строению их не удалось разделить на передние и задние, поэтому промеры приведены совокупно по сериям (табл. 2).

Табл. 2. Размеры костей КРС

	metacarpale			I phx		
Промер	n	lim	M	n	lim	M
Длина	4	170,1-183,3	176,5	34	47,6-66,2	53,8
Ширина верхнего эпифиза	4	46,9-50,1	48,7	35	22,7-37,7	26,9
Ширина диафиза	4	24,7-27,7	26,4	35	18,6-29,7	22,9
Ширина нижнего эпифиза	4	50,5-52,4	51,6	35	22,3-30,7	25,8
	metatarsale			II phx		
Промер	n	lim	M	n	lim	M
Длина	3	195,5-207,1	201,4	32	32,1-40,3	36,3
Ширина верхнего эпифиза	3	38,0-42,6	40,9	31	23,9-33,3	26,7
Ширина диафиза	3	22,4-27,1	24,7	31	17,3-25,5	21,1
Ширина нижнего эпифиза	3	47,4-55,7	51,2	32	19,8-28,1	22,9

Для выяснения однородности выборки первых фаланг и сравнения были использованы рекомендации для изучения фаланг КРС восточно-европейских археологических объектов [Антипина, Яворская, 2014]. Вариационный ряд длины первых фаланг, отраженный на рис. 3, на наш взгляд является неполным, поскольку довольно резко обрывается в правой области. Вероятно, это объясняется значительно меньшим присутствием фаланг быков в выборке. Таким образом, напрашивается вывод о количественном доминировании дойных взрослых коров в общем усадебном поголовье. Кроме того, хорошо видно преобладание мелких особей КРС (мода 51,1-54,0 мм), характерное для средневековых городов центральной части лесной зоны Восточной Европы [Антипина, Яворская, 2014]. В целом, сибирский аборигенный скот лесной зоны XVII-XIX вв. был довольно мелким.

Многочисленные остатки мелкого рогатого скота довольно хорошо сохранились, что позволило достоверно определить присутствие овец *Ovis aries* и коз *Capra hircus*. В целом МРС находится на втором месте в остеологическом спектре исследуемой усадьбы. В табл. 3 приведены промеры костей домашнего барана, особи которого обладали большой индивидуальной изменчивостью. По цифровым параметрам метаподиальных и других костей николаевские овцы несколько мельче овец кочевых обществ средневековья [Цалкин, 1968, Зыков и др., 2017] и довольно близки овцам романовской породы российской селекции [Цалкин, 1961]. Отличие от этой породы состоит в большей массивности пястных и плюсневых костей. По различным костям скелета овец получен размах изменчивости высоты в холке [Teichert, 1975], который составил 62,6–75,3 см, в среднем 67,1 см.

По сравнению с особями овец из Томского кремля XVII–XVIII вв. [Косинцев, Черная, 2000], особи красноярской усадьбы в среднем были крупнее среднестатистических томских.

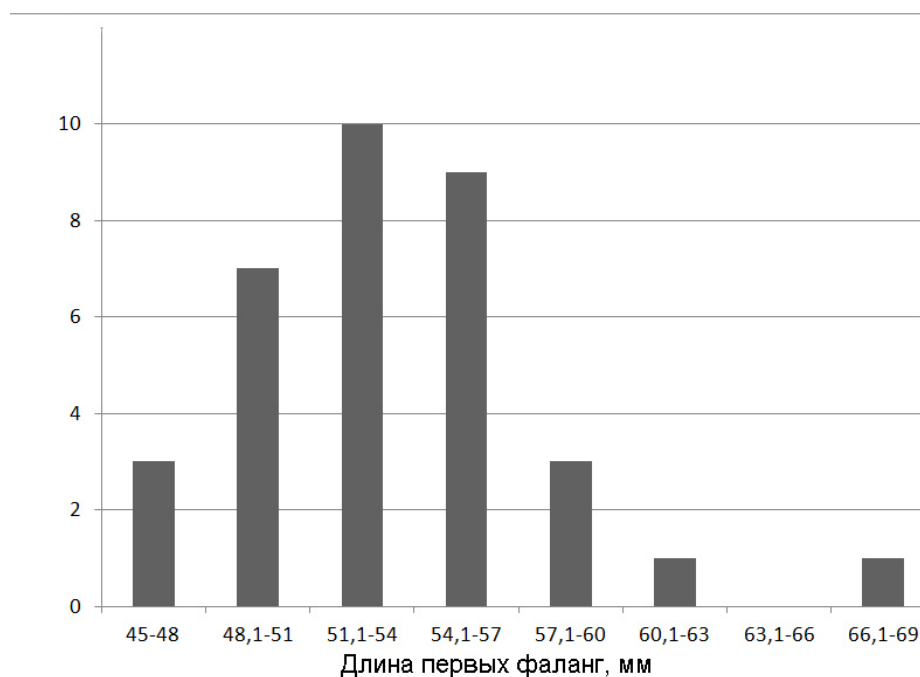

Рис. 3. Вариационный ряд длины первых фаланг крупного рогатого скота из русского слоя.

Табл. 3. Размеры скелетных элементов овец

Промеры [von den Driesch, 1976]	Николаевка I			Промеры [von den Driesch, 1976]	Николаевка I		
	n	lim	M		n	lim	M
Mandibula				Calcaneus			
Длина ряда pd	7	24,7-31,5	28,7	Длина	4	57,0-62,1	58,9
7. Длина ряда p-m	5	71,0-79,0	74,7	Ширина	4	21,0-22,5	21,9
8. Длина ряда m	5	49,3-52,6	50,8	Ширина пяточного бугра	3	13,5-14,7	14,1
9. Длина ряда p	4	20,5-32,9	25,9	Поперечник бугра	3	14,7-17,8	16,4
Длина m3	3	23,2-25,8	24,6	Astragalus			
Ширина m3	3	8,0-9,3	8,7	Длина латеральная	9	29,0-33,2	31,1
Длина талонида m3	3	7,0-10,1	9,0	Длина медиальная	9	27,3-32,1	30,0
Толщина под m1	3	13,0-15,7	14,4	Ширина нижняя	9	18,7-21,2	19,9
				Поперечник латеральный	8	16,1-18,7	17,2
Metacarpale				Metatarsale			
Длина	3	131,1-137,4	134,5	Длина	3	137,9-150,6	145,2
Ширина верхняя	4	23,7-25,5	24,8	Ширина верхняя	3	22,7-31,3	25,6
Поперечник верхний	4	17,7-19,0	18,2	Поперечник верхний	3	22,0-31,7	25,4
Ширина диафиза	3	13,2-16,2	15,1	Ширина диафиза	3	12,5-14,0	13,3
Поперечник диафиза	4	11,2-11,9	11,6	Поперечник диафиза	3	12,0-14,2	12,8
Ширина нижняя	2	26,7; 26,3	-	Ширина нижняя	2	26,3; 24,6	-
Поперечник нижний	2	18,2; 17,6	-	Поперечник нижний	3	16,5-18,2	17,5

Домашняя свинья занимает третье место по количеству остатков. Плохая сохранность и принадлежность костей в основном молодым животным позволили снять промеры только с единичных целых экземпляров. Среди материала встречены челюстной и элементы дистальных отделов конечностей этого вида. Последние принадлежат мелкоразмерным животным: длина/нижняя ширина астрагала 38,0/21,0 мм; длина первой фаланги 33,0 мм; ширина ее верхнего/нижнего эпифизов/диафиза 12,0/11,6/10,7 мм; длина второй фаланги 28,3 мм; ширина ее верхнего/нижнего эпифизов/диафиза 20,7/17,9/16,6 мм. Все они заметно мельче костей дикого кабана и соответствуют размерам костей свиней позднего железного века – средневековья Восточной Европы [Цалкин, 1956]. Домашние свиньи, по коэффициенту для астрагала [Teichert, 1975], достигали высоты в холке 68 см.

Лошадь занимает четвертое место в собранной коллекции. В отличие от слоев городских поселений, где кости лошади единичны [Явшева и др., 2008, Исаев и др., 2011, Клементьев и др., 2016], на данной усадьбе выявлено довольно много определимых костей лошадей. Кости очень сильно разрушены, целыми сохранились лишь отдельные фаланги. Длина первой фаланги передней ноги 89,6 мм; ширина ее верхнего/нижнего эпифизов/диафиза 59,2/44,8/39,2; длина первой фаланги задней ноги 81,3 и 79,9 мм; ширина ее верхнего/нижнего эпифизов/диафиза 52,8/41,7/33,0 и 53,7/43,2/31,6 мм; длина и ширина третьей фаланги передней ноги 81,7 и 91,8 мм; высота и окружность ее основания 41,1 и 214,0 мм. По этим промерам лошади Николаевской усадьбы не отличаются от лошадей Сибирского ханства немого более раннего исторического периода (Зыков и др., 2017). Отсутствие полных метаподий не позволяет высчитать рост в холке домашней лошади Красноярских окрестностей конца XIX в.

Среди собачьих костей определены остатки трех особей (рис. 4). Промеры приводятся по полным костям скелета (табл. 4).

Для двух особей с использованием коэффициента Браунера [Секерская, 2010] вычислена высота в холке: 48,7 см и 57,7 см по имеющимся локтевым костям. Мелкая особь, вероятно, соответствуют дворовым собакам русского населения и заметно мельче западносибирской лайки. Более крупная, скорее всего, соответствует именно лайкам сибирских охотников.

Промысловые виды. От лося была обнаружена лишь первая фаланга. Размеры ее следующие: длина 71,4 мм; ширина верхнего/нижнего эпифизов/диафиза 32,4/27,5/23,5 мм.

Рис. 4. Остеологический материал из русского слоя. 1-4 – кости домашних собак (1 – роstralный отдел черепа; 2 и 3 – локтевые кости собак разных размеров; 4 – нижнечелюстной фрагмент со следами погрызов собак (а); 5 – большая берцовая кость кролика; 6 – первая фаланга лося.

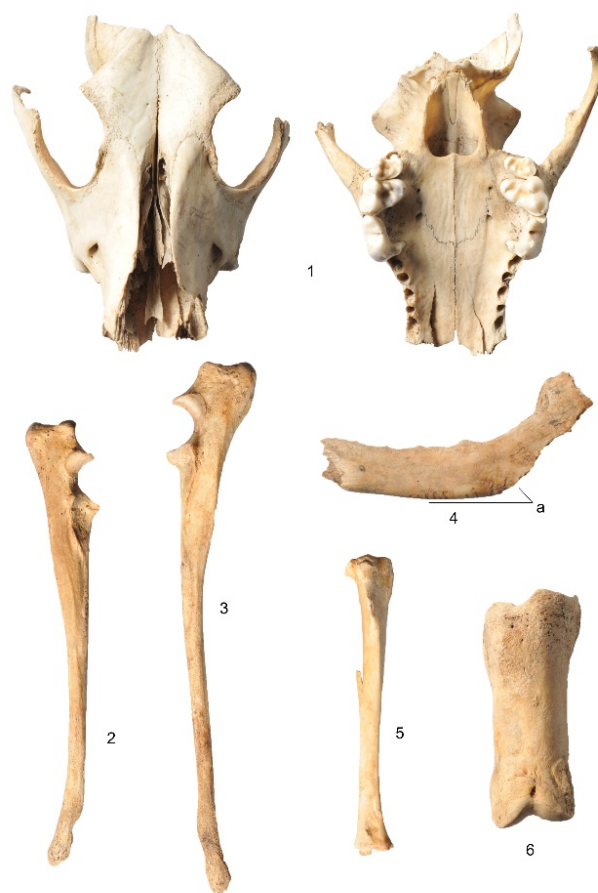

Табл. 4. Размеры скелетных элементов собак

Промеры [von den Driesch, 1976]	Николаевка 1	Промеры [von den Driesch, 1976]	Николаевка 1
Mandibula, №№ 299 и 336		Ulna, №№ 917 и 299	
1. Длина наибольшая	123,4	GL	192,3; 162,4
7. Длина ряда p-m	69,0; 67,0	Ширина локтевого бугра	14,0; 11,9
10. Длина ряда m	35,1; 35,0	Поперечник локтевого бугра	22,2; 20,2
11. Длина ряда p	37,0; 35,0	BPC	18,0; 16,3
17. Толщина под m1	11,1	DPO	25,1; 21,8
18. Высота восходящей ветви	50,0	Рост в холке, см	57,7; 48,7
Maxilla № 506		Femur, № 280	
16. Длина ряда M	17,7	GL	154,5
Scapula № 338		BP	36,0
HS	126,5	DC	16,9
LD	59,0	SD	126
Ширина шейки	10,4	Поперечник диафиза	12,1
SLC	20,4	BD	29,5
BG	15,7	Поперечник нижний	30,4
LG	23,6	Metacarpale II, № 338	
GLP	26,4	GL	49,9
Axis, № 338		BP	6,5
LCDe	39,9	Поперечник верхний	5,2
H	34,5	B	5,8
BFcr	28,3	Поперечник диафиза	5,1
SBV	21,1	BD	8,2
BPacd	26,0	Поперечник нижний	7,4
BPtr	37,7		

Кости косуль довольно сильно фрагментированы, обнаружены элементы скелета молодых и взрослых особей (табл. 5). Минимальное количество добытых зверей – три особи. Зубы в нижнечелюстных фрагментах сильно разрушены, как и кости посткраниального скелета. Интенсивность разрушения можно связать как с разделкой, так и с уничтожением костей собаками. По размерам косули Красноярья рубежа XVIII–XIX вв. подобны позднеголоценовым косулям с Алтая [Васильев, Гребнев, 1994].

Табл. 5. Размеры элементов скелета косуль

Промеры [von den Driesch, 1976]	Николаевка 1			Промеры [von den Driesch, 1976]	Николаевка 1		
Mandibula				Humerus			
	n	lim	M		n	lim	M
7. Длина ряда p-m	1	73,2	-	Ширина нижняя	4	32,7-35,8	33,8
8. Длина ряда m	2	44,0; 47,3	-	Поперечник нижний	4	32,7-34,5	33,3
9. Длина ряда p	1	30,6	-	Tibia			
Длина p2	2	7,2; 8,5	-	Ширина нижняя	5	29,5-32,8	31,1
Ширина p2	2	5,6; 5,6	-	Поперечник нижний	5	23,0-26,0	24,2
Длина p3	2	11,8; 11,5	-	Phalanx I			
Ширина p3	2	7,4; 7,7	-	Длина	6	38,7-46,1	43,1
Длина p4	2	12,7; 12,7	-	Ширина верхняя	6	12,0-14,0	13,2
Ширина p4	2	8,3; 9,2	-	Поперечник верхний	5	15,0-18,6	17,2
Длина m1	4	11,7-14,3	8,8	Ширина диафиза	6	9,0-10,1	9,6
Ширина m1	4	8,8-9,7	12,8	Поперечник диафиза	6	10,9-11,7	11,2
Длина m2	3	13,1-15,3	9,2	Ширина нижняя	6	10,0-12,5	11,7
Ширина m2	3	9,5-11,0	14,2	Поперечник нижний	6	9,0-11,3	10,5
Толщина кости у m1	2	12,7; 12,9	-				

Единичные промеры костного материала по видам зайцеобразных приведены в табл. 6. В сравнительном аспекте заяц-беляк имеет более длинную голень, что связано с его скоростной локомоцией, в отличие от кролика.

Табл. 6. Размеры большой берцовой кости представителей Lagomorpha

Промеры [von den Driesch, 1976]	Николаевка 1	
	Кролик, № 749	Заяц, № 972
Длина	107,3	с136
Ширина верхняя	18,2	-
Ширина диафиза	7,8	7,7
Ширина нижняя	14,4	15,3
Массивность, %	7,3	<5,7

Археозоологические аспекты

По категориям материала имеется заметная разница во фрагментации костей скелета. Костные остатки крупного рогатого скота сохранились наиболее хорошо. Отмечено применение пилы при разделке крупных частей туши и топора при более мелкой разделке. В то же время кости сопоставимой по размерной категории лошади значительно фрагментированы, полные кости встречены единично. Среди костей животных среднего раз-

мера (домашних и диких) более полно сохранились остатки МРС (в частности баранов). Отмечено продольное расщепление метаподии овцы, что характерно для заготовок косторезного ремесла. Кости свиней, самые мягкие среди остальных, вероятно, интенсивно утилизировались собаками. Косуля в коллекции представлена фрагментарными остатками, из полных костей имеются лишь первые фаланги. В целом, присутствие черепных и копытных элементов скелета коров, лошадей, мелкого рогатого скота, коз позволяет констатировать местную разделку туш в пределах усадьбы. Обожженных остатков очень мало, большей частью это неопределимые фрагменты. Несмотря на присутствие костей собак, относительно многочисленных, процент погрызов очень мал.

Возрастной состав стада копытных анализировался по развитию зубной системы (табл. 7). Преобладание среди забитых особей КРС старше 30 месяцев (60 %) и МРС старше 24 месяцев (50 %) свидетельствует о взрослом возрасте забоя этих животных. В основном взрослый возраст забоя КРС свидетельствует о молочно-мясном направлении разведения коров. В отношении овец такое явление можно интерпретировать как шкурно-шерстно-мясное направление разведения. Лошади, вероятно, являлись преимущественно транспортными животными и забивались на мясо во взрослом возрасте при острой необходимости.

Табл. 7. Возрастной состав КРС И МРС по состоянию зубной системы нижней челюсти

	Крупный рогатый скот			Мелкий рогатый скот		
	Возраст	Количество	%	Возраст	Количество	%
Нет ml	Менее 6 мес.	-	-	Менее 6 мес.	-	-
Есть m 1, нет m 2	6-18 мес.	2	20	6-12 мес.	4	20
Есть m 2, нет m 3	18-30 мес.	2	20	12-24 мес.	6	30
Есть m 3	Более 30 мес.	6	60	Более 24 мес.	10	50

Значительная выборка определимых остатков из культуросодержащего слоя позволяет составить таблицу потребления сортов мяса сибирской усадьбы 130 лет назад. Использование методики Е.Е. Антипиной (ИА РАН), опробованной на материалах Европейской части России [Антипина, 2004, 2005], позволило сделать следующие выводы. За эталон брался средний вес туши баранов в 40 кг. Вычисления позволили составить таблицу, анализ которой показывает, что в рационе безоговорочно превалировала говядина (87,2 %); конина, свинина и мясо мелкого рогатого скота занимали примерно равные доли (по 4, 8; 4,2; 3,5 % соответственно) в рационе жителей усадьбы. Роль крольчатины сводилась, вероятно, лишь к деликатесному потреблению (табл. 8). По имеющимся материалам, мясо птицы и рыба имели подсобное значение в рационе.

Согласно архивным сведениям, фаунистические находки с русских слоев стоянки Николаевка-1 могут быть датированы концом XIX в. В это время здесь располагались загородные дачи богатых красноярских купцов, в первую очередь Г.В. Юдина и Н.Г. Гадалова, отмеченные на карте окре-

стностей г. Красноярска 1886 г., но возникшие, по-видимому, несколькими годами раньше. Определение кролика в остеологической коллекции подтверждает эти данные, поскольку ранее этого времени кролики были редкими животными вообще в России. Из истории кролиководства известно, что до 1917 г. кролиководство носило любительский характер. Кролики были беспородными [Балакирев и др., 2007]. В XIX в. кролиководство в стране развивалось слабо: люди не привыкли употреблять в пищу мясо кроликов, а шкурки не находили сбыта. В целом, высокая доля лошадиных костей, значительное присутствие полных костей овец, присутствие кролика, дичи и рыб в материалах Николаевки-1 заметно отличают эту сибирскую усадьбу от обычной городской.

Табл. 8. Расчет потребления мяса сельскохозяйственных животных по полученным остеологическим материалам

КРС	лошадь	свинья	МРС	кролик	Всего
Остеологический спектр (%)					
66,2	3,7	8,5	21,4	0,1	100 %
Кратность веса туш					
8	8	3	1	0,1	-
Абстрактные мясные единицы					
529,6	29,6	25,5	21,4	0,1	606,2
Спектр мясного потребления (%)					
87,3	4,8	4,2	3,5	0,2	100 %

Заключение

Были исследованы все имеющиеся фаунистические остатки из раскопок сибирской загородной усадьбы русского времени, впервые обнаруженной при проведении археологических работ на территории стоянки Николаевка-1 в г. Красноярске. Изучено свыше двух тысяч экземпляров костей, из которых удалось определить домашних и промысловых животных. Проведение морфометрического анализа позволило установить размах изменчивости величины отдельных костей разных видов млекопитающих. Костные спектры показывают сходство сибирских объектов времени русского освоения лесной зоны Сибири от Оби до Байкала. Универсальным животным земледельческого населения городских окрестностей был крупный рогатый скот. Свинья была также обычным домашним животным. Прослеживаются некоторые размерные и/или вековые отличия домашних баранов различных районов Сибири. Охотничья деятельность была сопутствующей. В спектре мясного потребления доминировала говядина. По результатам изучения археозоологического материала можно выделять изученную усадьбу как специфический объект хозяйствования довольно зажиточного жителя окрестностей Красноярска конца XIX – нач. XX вв., что в целом находит свое подтверждение в имеющихся исторических и картографических сведениях.

Список литературы

- Антипина Е.Е.** Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 7-33.
- Антипина Е.Е.** Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 159-180.
- Антипина Е.Е., Яворская Л.В.** Реконструкция размеров крупного рогатого скота по остеологическим материалам из средневековых городищ и селищ на территории Европейской части России // КСИА. – М.: Языки славянской культуры – Знак, 2014. – Вып. 236. – С. 331-338.
- Балакирев Н.А., Тинаева Е.А., Тинаев Н.И., Шумилина Н.Н.** Кролиководство. – М.: КолосС, 2007. – 237 с.
- Васильев С.К., Гребнев И.Е.** Фауна млекопитающих голоцена Денисовой пещеры / В кн.: Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск, 1994. – Ч. 1. – С. 167-181.
- Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В.** Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). – М.: Наука – Восточная литература, 2017. – 559 с.
- Исаев А.Ю., Клементьев А.М., Мартынович Н.В.** Фауна позвоночных из археологических раскопок исторического центра г. Иркутска // Байкальский зоологический журнал, 2011. – № 2 (7). – С. 5-10.
- Каспаров А.К.** Некоторые проблемы интерпретации костных материалов на примере археологических памятников восточного Крыма // Археологические вести, 2004. – № 11. – С. 102-106.
- Кисельков С.И., Ляшевич Ф.Г.** Восточно-сибирский скот. – Новосибирск: «Красноармейская звезда», 1947. – 38 с.
- Клементьев А.М., Лысенко Д.Н., Мартынович Н.В.** Остатки млекопитающих и птиц из археологических раскопок Енисейска (XVII-XIX вв.) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф. – Красноярск: СФУ, 2016. – Т. 2. – С. 240-248.
- Колесник Н.Н.** Крупный рогатый скот Монголии и его происхождение // Домашние животные Монголии. Труды Монгольской комиссии, 1936. – № 22. – С. 245-291.
- Косинцев П.А., Подопригора И.Н.** Домашние животные Верхотурья // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – С. 81-91.
- Косинцев П.А., Чёрная М.П.** Костные остатки животных из Томского кремля // Русские старожилы: Материалы III Сиб. Симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск-Омск, 2000. – С. 488-492.
- Лус Я.Я.** Сарлыки и хайныки // Домашние животные Монголии. Труды Монгольской комиссии, М.-Л. 1936. – № 22. – С. 292-348.
- Пластеева Н.А., Девяшин М.М.** Млекопитающие из раскопок верхнего посада Тобольска // Ab Origin. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. – Вып. 5. – С. 114-119.
- Секерская Е. П.** Особенности палеоэкономической стратегии населения нижнего Дуная в эпоху позднего энеолита – ранней бронзы // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 2010. – С. 136-157.
- Цалкин В. И.** Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // МИА. 1956. – № 61. – С. 7-185.
- Цалкин В.И.** Изменчивость метаподий у овец // Бюлл. МОИП, биол. 1961. – Т. LXVI (5). – С. 115-132.

Цалкин В.И. Фауна из раскопок Кара-Корума // Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – КСИА № 114. – С. 16-23.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы // МИА. 1970. – № 161. – 279 с.

Явшева Д. А., Некрасов А. Е., Татаурова Л. В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 356-367.

Teichert M., Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiederristhöhe bei Schafen // Archaeozoological Studies. Amsterdam: NorthHolland / American Elsevier. 1975. P. 63-67

Von den Driesch A. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites / A. von den Driesch // Peabody Mus. Bull. 1976. № 1. 136 p.

Список сокращений

- ГИН РАН – Геологический институт Российской академии наук, Москва
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук, Москва
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
- ИГ им. В.Б. Сочавы СО РАН – Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск
- ИГ РАН – Институт географии Российской академии наук, Москва
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург
- ИЗК СО РАН – Институт земной коры Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск
- КГПУ им. В.П. Астафьева – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск
- КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого – Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого
- СФУ – Сибирский федеральный университет, Красноярск
- СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
- МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
- ГИМ – Государственный исторический музей, Москва
- НГУ – Новосибирский государственный университет, Новосибирск
- ЗабГУ – Забайкальский государственный университет, Чита
- КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск
- НПО «АПИ» – Научно производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания», Красноярск
- ОКН – Объект культурного наследия

Информация об авторах

Михаил Николаевич Мещерин – старший научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология»

Дмитрий Владимирович Кобылкин – к. г. н., заведующий лабораторией геоморфологии Института географии СО РАН, г. Иркутск

Александр Леонидович Заика – к. и. н., научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология» и Красноярского государственного педагогического института им. Астафьева

Данил Николаевич Лысенко – директор и старший научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология»

Алексей Михайлович Клементьев – палеонтолог, к. г. н., научный сотрудник Института земной коры СО РАН, г. Иркутск

Юрий Анатольевич Гревцов – руководитель организации научных исследований и разработок в области общественных и гуманитарных наук

Александр Юрьевич Тарасов – главный специалист Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края

Егор Алексеевич Филатов – научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология», Магистрант НГУ кафедры археологии и этнографии

Евгения Сергеевна Рейс – научный сотрудник ООО «НПО «Археологическое проектирование и изыскания» и научный сотрудник НИ ТГУ

Леонид Леонидович Галухин – старший научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология»

Николай Иванович Дроздов – д. и. н., профессор. Руководитель лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

Ирина Иннокентьевна Разгильдеева – к. и. н., доцент кафедры истории Забайкальского государственного университета

Виктор Павлович Леонтьев – к. и. н., научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

Евгений Владимирович Артемьев – к. и. н., заведующий кафедрой дисциплин общественно-научного цикла и методик их преподавания ККИПК

Анна Юрьевна Халтаева – камеральный сотрудник, художник ООО «Красноярская Геоархеология»

Валерия Леонтьевна Денисенко – младший научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология». Магистрант НГУ кафедры археологии и этнографии

Наталья Евгеньевна Прилепская – главный специалист лаборатории экологии, физиологии и функциональной морфологии высших позвоночных Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН

Федор Евгеньевич Максимов – к. г. н., старший научный сотрудник лаборатории геоморфологических и палеографических исследований полярных регионов и Мирового океана

Лариса Александровна Аболина – научный сотрудник лаборатории антропологии и этнологии Института проблем освоения Севера СО РАН и научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология»

Татьяна Михайловна Савенкова – научный сотрудник отдела палеоантропологии КрасГМУ и научный сотрудник НИ ТГУ

Научное издание

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

**Статьи по актуальным проблемам
охранно-спасательных работ на памятниках
археологии Средней Сибири**

Оформление сборника *В.Л. Денисенко, В.П. Кривоногов*
Технический редактор *А.И. Шеховцов*
Подготовка обложки *И.М. Батова*

Подписано в печать 16.12.2019 г.
Формат 60×90/8. Гарнитура Times New Roman. Бумага Ballet Premier
Уч.-изд. л. 12,9. Усл. печ. л. 19,8. Тираж 200 экз. Заказ № 884

Издательство Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН
664033, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1